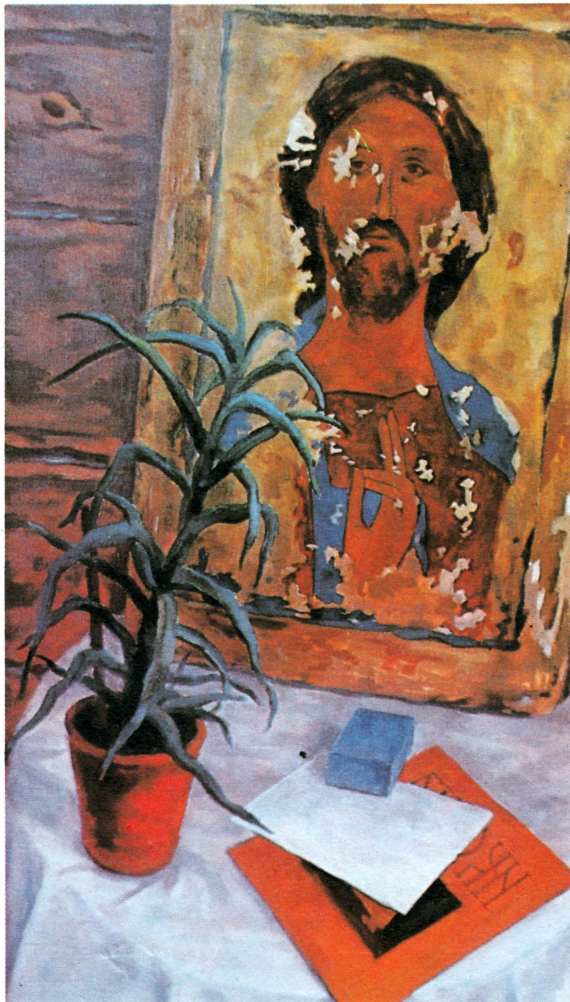

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕГОНЬИМ
URAL STALKER

ISSN 0134 - 241X

3'1994

УЧРЕДИТЕЛИ —

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, Г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 27. 01. 1993.
Формат бумаги 84×108/16.
Бумага типографская № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,96.
Уч.-изд. л. 13,2.
Усл. кр.-отт. 7,8.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2247
С.-3

Отпечатано на Чеховском полиграфическом
комбинате

142300, г. Чехов Московской обл. *

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1994 г.

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ: 3/1994

Легенда о княгине Ольге

Юний ГОРБУНОВ 2

Библиотека-музей

7

Стихи

Борис РЫЖИЙ 8

Бронзовый мальчик. Роман. Часть II.

Владислав КРАПИВИН 9

Екатеринбургер-93

Сергей МОШКИН, Виктор РУДЕНКО 35

Антихрист у власти

Виктор БАЙДИН 39

Журнал в журнале "Аэлита"

Нароботка на отказ. Фантастическая повесть. Продолжение

Александр ГРОМОВ 43 (57)

Заочный КЛФ

69

Дубовые дощечки

Юрий ШИНКАРЕНКО 71

Тайны водяного мамонта

Татьяна ДМИТРИЕВА 76

Чей же ветер "Баргузин"?

Павел НОВОКШОНОВ 78

Мир на ладони

79

Люблю навек

Станислав ЛОМАКИН 80

Юний ГОРБУНОВ

Легенда о княгине Ольге

Рисунки Натальи ПЛАСТОВОЙ

Княгиня Ольга, жена киевского князя Игоря, — первая русская женщина, которую сумела "запомнить" наша история. С нее начинается русская история в женских лицах.

По занимательности и образности начало можно считать удачным. Но в нем мало реальных человеческих черт княгини Ольги. Следует почти с уверенностью сказать, что такой Ольги, какую рисуют нам летописи и Жития, никогда и не существовало.

Да и могло ли быть иначе, если первый летописец появился на Руси едва ли не через столетие после Игорева княжения и слышал о нем только из устных преданий и сказов? А предание рисовало и дорисовывало образ идеального правителя, которым по воле случая оказалась женщина. Правителя, соответствовавшего жестокому языческому нраву, воинственной обстановке собиранья Руси, пристрастиям летописца. Молва, таким образом, донесла до летописца сказку, "обломок киевской былины", как выразился В. О. Ключевский. То, что героем сказки оказалась женщина, только добавляло легенде пикантности.

В нереальности летописно-житийного образа Ольги единодушны все русские историки. И все они, тем не менее, повторяли легенду, канонизируя сказочный персонаж. И дело тут не только в том, что другого материала у них под руками просто не было. Мало что сообщая о реальной княгине Ольге, легенда однако же передает реальные черты ее времени, исторический фон, обстановку, в которой она жила.

Сказочный образ на реальном фоне — не так уж это и мало для историка. Пойдем и мы по следам легенды.

ВСТРЕЧА НА ВЫБУТСКОЙ ВЕСИ

Однажды молодой князь Игорь, увлекшись охотой, забрел в псковские леса на реку Великую в местечко Выбутская весь. Заметив на другой стороне реки подходящее для выслеживания зверя место, он стал искать средство для переправы и увидел юношу, плывущего на лодке. Князь окликнул его, попросил перевезти. А оказавшись рядом, с удивлением разглядел перед собой не юношу, но девушку красоты необычайной.

В молодом Рюриковиче, не знавшем пределов своим желанием, разыграла страсть, и он начал соблазнять девушку словами. Но юная язычница, хотя и не ведала еще истинного Бога и его заповедей, ответила князю нравуочением полным достоинства и мудрости, закончив такими словами: "Но если бы даже ты мог и одолеть меня, то глубина этой реки мне тотчас же будет защитой: лучше мне умереть в чистоте, похоронив себя в сих водах, чем быть поруганным моему девству".

В скором времени князь с опекуном своим Олегом, тем самым, коего молва нарекла "вещим", утвердились княжением в Киеве. И пришла затем пора Игорю искать себе невесту. По старинному обычаю собрали всех окрестных красавиц, чтобы выбрать "достойную княжеского чертога", но не было таковой среди отобранных. И вспомнил тогда Игорь случайную лодчицу из Выбутской веси* и послал за ней Олега.

**Легендарное местечко Выбуты или, по-местному, Лыбута, в пятнадцати километрах от Пскова вверх по Великой существует и ныне. Легенду охраняет здесь белая однокупольная церквушка, начисто забывшая время своего появления на свет.*

Вот так Житие блаженной княгини Ольги расцветило короткую строку первоначальной (Несторовой) летописи, относящуюся к 903 году: "И приведоша ему жену от Плескова".

Норманское происхождение Ольги принято большинством историков и авторов Житий. Только с некоторыми вариациями. По одной была она правнучкой самого Гостомысла, надомившего новгородцев призвать к себе варягов, по другой — дочерью псковского наместника или боярина. (Псков входил тогда в состав земли Новгородской.) Да и имя, считают, у Ольги скандинавского корня — производное от Олега.

Но оказалось, что лаконичная строка первоначальной летописи вовсе не противоречит другой версии происхождения княгини Ольги, высказанной в 1888 году архимандритом Леонидом. Копаясь в одном архиве, он обнаружил отрывок из древнего (XV век) летописца с такими вот словами: "Игоря же (Олег) жени в Болгарех, поять за него княжну именем Олгу. И бе мудра велми". По мнению архимандрита** летописный Плесков отождествили с Псковом позднейшие переписчики. А на самом, мол, деле в ту пору существовал только один Плесков — город в Болгарии, некогда бывший столицей Первого Болгарского царства (ныне город Преслав. — Ю.Г.).

***В миру это был Лев Александрович Кавелин (1822—1891), двоюродный брат известного педагога и литератора К. Д. Кавелина. Уже на закате дней, будучи наместником Сергиевой лавры, он занялся разборкой богатейшего архива графа А. С. Уварова, где и натолкнулся на любопытный документ. Историкам он оставил "Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова" (М.1893-94).*

У этой версии нашлись сторонники в Болгарии, но вообще-то среди историков их оказалось не густо. Мало того, сам архимандрит в скором времени стал видоизменять свою точку зрения.

Но версия тем не менее любопытная. По ней оказывается, что Ольга происхождения не варяжского, а славянского — она из болгарских княжен. Архимандрит даже предположил, что "Ольга" — не настоящее имя княгини, а было у нее в девичестве славянское, каковое осталось скажем, у Ольгиной ключницы Малуши.

А происхождение... Не является ли, скажите, задачей историка Древней Руси попытаться выяснить, как и из чего складывался загадочный русский характер, такой непонятный "чужеземным мудрецам"? Характер, который мы до сей поры то клянем на все лады, то восторгаемся им, почитая самобытным.

Влияний на наших предков было конечно предостаточно, но, на мой взгляд, главными надо признать три. Первое — собственно славянское, подарившее русскому характеру такие качества как общинность, открытость и добродушие, а вместе с тем доверчивость и упование на авось...

Второе примчали на своих быстротехных конях печенеги и прочие кочевые азиатские орды. Врываюсь с гиканьем и свистом в славянские селения, они зорили, грабили, уводили и насиловали жен, оставляя на огромных пространствах свое личное семя, вселившее в нас безудержную революционность, вечную жажду борьбы, нагаечных перемен и перестроек.

И наконец, третье заметное влияние — норманское, при-

шедшее из деловой, холодной и расчетливой Скандинавии. Вспомним летописную легенду о призвании новгородцами и кривичами варягов: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами".

Как бы мы не относились к норманской теории возникновения Руси, присутствие и влияние "варяжского гостя" никто из историков отрицать не может. А значит, совсем нам не безразлично, из каких краев появилась в Киевском княжестве Ольга. Ведь киевские поляне составляли тогда на Руси славянское ядро, почти еще незамутненное, а представлявшее белый лист бумаги. Что написала на нем Ольга, бывшая в течение двадцати примерно лет фактической правительницей княжества?

Так или иначе, а происхождение княгини Ольги до сей поры остается прелестной загадкой, украшающей нашу историю.

ЧЕТЫРЕ МЕСТИ ДРЕВЛЯНАМ

Переняв владетельный меч у своего опекуна и родственника Олега Вещего, погибшего, как всем известно, от укуса змеи, князь Игорь Рюрикович стал безраздельным володетелем огромных славянско-варяжских земель — данников великого княжества Киевского. Он старался упрочить их подчиненность войнами, а кроме того дважды ходил воевать Византию, унаследовав Олегову варяжскую жестокость.

Как жила с ним Ольга в продолжение более чем сорока лет — в летописях нет ни строчки. Как женщина, мать, супруга, она летописца не интересовала — пусть даже и была великой княгиней. Он молчал о ней до тех пор, пока не оказалась Ольга одна на княжеском престоле в Киеве.

Правление Игоря на скрижалях истории обозначено первым бунтом данников — древлян.

На очередном полюдье — ежегодном сборе дани, Игорь сильно рассердился на непокладистость своих соседей, живших в лесах по Припяти, и решил собрать с них двойную мзду, "забыв, как пишет историк Карамзин, что умеренность есть добродетель власти".

Древляне предупредили Игоря: "Князь! Мы все заплатили тебе: для чего опять идешь к нам?" Но престарелый князь стоял на своем. Тогда древляне собрали в столице своей Искоростене (ныне город Коростень на Украине. — Ю.Г.) совет и решили так: "Когда волк повадится к овцам, то по одной растащит все стадо, если не убьют его; так и мы, — если не убьем Игоря, то он всех нас погубит".

Воспользовавшись случаем, князь древлянский Мал с дружиною расправились с Игорем под Искоростенем и там же погребли. По сведениям византийского источника, смерть его была ужасной: князя привязали к вершинам двух деревьев и разорвали надвое.

Возле княжеского стола в Киеве осталась княгиня Ольга с малолетним сыном Святославом.

Кстати, с хронологией в летописи и Житиях тоже не все ладно. Игорь, как помним, взял Ольгу в жены в 903 году, а погиб в 945-м — более чем 70-летним стариком. Святослав, судя по летописи, родился после их сорокалетней брачной жизни. Тут тоже слегка попахивает сказкой.

Итак, Святослав слишком юн для княжения, и на великокняжеском престоле у полян в Киеве оказалась Ольга.

Наивные и доверчивые древляне между тем, как бы раскаяваясь в содеянном, замыслили вполне утопический план.

Приплыв в ладье к Киеву, их послы явились к Ольге с такими речами:

— Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство: но князья древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего князя Мала.

Княгиня изобразила на лице скорбь и приветливость, а сама

решилась на страшную месть, воспользовавшись доверчивостью соседей.

— Мне приятна ваша речь, — молвила она. — Уже не могу я воскресить супруга. А потому окажу вам завтра должную честь. Теперь же ступайте в ладью свою и когда мои люди придут за вами, велите им нести себя на руках.

Доверчивые древляне удалились на берег Днепра и стали ждать утра.

А правительница между тем велела ископать яму близ дворца княжеского, где, якобы, предстоял пир и сватовство.

Утром приходят на берег дружинники и зовут послов. Они же, "как безумные", говорит Житие, величаются:

— Не пойдем пешими и на конях не поедем, а как посланы от князя нашего в ладье, так нас и несите.

И понесли древлян полянские дружинники в ладье, и смотрела Ольга на них из палаты.

Принесли послов во двор княжеский да и бросили в приготовленную яму, а княгиня подошла к краю и молвила:

— Угодна ли вам, соседи, такая честь?

— О, горе нам! — ответствовали послы. — Велика и сурова месть твоя, княгиня!

И тогда велела Ольга засыпать их живыми.

Смерть послов только распалила ее месть. Не мешкая, шлет она гонца к древлянам.

— Если вы хотите, чтобы я пошла за вашего князя, то присылайте посольство более многочисленное и знатное, иначе народ киевский не отпустит меня.

И опять древляне поверили княгине — прислали пятьдесят знатнейших своих мужей. Истопили для них по обычаю баню, а как стали древляне мыться, заложили слуги княжеские двери и запалили баню со всех сторон...

И снова, не мешкая, шлет Ольга гонца в Искоростень, просит готовить меду и яств на угощение, обещая в скором времени прибыть для бракосочетания. Но прежде желает она справиться тризну по убитому мужу по обычаю языческому.

И прибыла Ольга под Искоростень, и оросила вдовыми слезами могилу Игореву. И начался потом пир и веселие.*** Счастливые древляне пили без удержу, а Ольгины дружинники — с берегою. А когда затуманил мед хмельной беспечные древлянские головы, пошли в ход мечи, ножи и копыя. Пять тысяч древлян полегло на той кровавой тризне, а то и более.

****Под ТРИЗНОЮ, считает историк С. М. Соловьев, источники подразумевают вообще ПОМИНКИ, когда со скорбью соединяется веселый, пьяный пир, а также резанье и царапанье лица в знак печали.*

Такой изощренной представлена месть Ольги древлянам за смерть мужа ее Игоря Рюриковича.

Сам факт мести никакого у нас сомнения вызвать не может — он в обычае того времени. И хитрость приемов мести тоже была не в диковинку, а отождествлялась с мудростью правителя. Даже правнук Ольги — первый русский законодатель Ярослав — узаконил родовую месть: "Если убьет муж мужа, то мстит брат за брата, либо сын за отца, либо отец за сына, либо племянник за дядю". Месть была таким же обычным гражданским установлением, как у нас долговые, скажем, обязательства: занял — верни.

Можно согласиться и с тем, что на жестокую месть могла пойти именно Ольга, правительница-женщина, вступая в свои права и желая показать народу киевскому, что княжий меч обретается в твердой мужской руке и не будет пощады тем, кто поднимет руку против. Известно, кроме того, что славянские женщины были настолько преданы мужьям, что даже существовал обычай следовать за ними в могилу. Однако трудно поверить в бесконечную наивность киевских соседей — древлян.

Но в то же время в этой наивности есть что-то славянское,

многотерпеливое, что невольно вызывает симпатию и сочувствие. Не забудем, что именно на древлянской земле по горячим следам бунта возникла былина о крестьянине Микуле Селяниновиче, который с дружиной князя Вольги Святославовича восстал против жадного киевского воеводы Свенельда. Б. А. Рыбаков относит возникновение быliny ко времени княжения Святослава. Можно, пожалуй, предположить, что имя князя Вольги Святославовича собирательно и в словообразовательном смысле: в нем как бы запечатлелась незастарелая еще народная память об Олеге, Святославе и княгине Ольге, их полудьях на земле древлянской.

Любопытно кстати одно из примечаний Д. С. Лихачева к "Повести временных лет". Он считает, что легенда о трех мести Ольги прямо повторяет прием языческого похоронного обряда: покойника несли в последний путь в ладье или везли в саях, потом тело сжигали, а после погребения совершали ритуальные игры...

Но вопреки языческому обряду, княгиня Ольга измыслила еще одну, четвертую по счету, кару несчастным древлянам. Возвратившись с кровавой тризны в Киев, она собрала войско, взяла с собой, как знамя, малолетнего князя Святослава и пошла на древлян войною. Потерпев поражение в битве, древляне заперлись в столице своей Искоростене. Княгиня опять пошла на хитрость: послала сказать древлянам, что готова снять осаду, если согласятся платить ей дань. И совсем немного запросила для начала — по три голубя да по три воробья от каждого дома.

"Насмехаясь над женским разумом Ольги", сообщает нам Житие, древляне поспешили собрать просимое и с поклоном послать княгине. А "мудрая" Ольга приказала воинам к лапе каждого воробья и голубя привязать лоскут, пропитанный серою, зажечь и пустить птиц на волю. Птицы полетели к гнездам своим, и город вспыхнул. Спасаясь от огня, древляне попадали в руки врага. "Много людей из древлян погибло от меча, сообщает православное Житие Ольги, другие с женами и детьми сгорели в огне, а иные утонули в реке"...

Д. С. Лихачев утверждает, что в первоначальном летописном своде этого эпизода не было, он создавался позднее. Как видно, на язычницу Ольгу, еще не пришедшую под покровительство веры Христовой, можно было вешать всех древлянских кошек.

Впрочем, очень обстоятельный историк С. М. Соловьев пишет буквально следующее: "Ольга не первая женщина, которая в средневековых преданиях прославляется неумолимой мстительницей: это явление объясняется из характера женщины, равно как из значения мести в тогдашнем обществе".

Вероятно, это мнение историка восходит к убеждению, что нет никого жесточе раба, ставшего господином.

И тут надо сказать, что существует версия русского историка Д. И. Прозоровского, поддержанная и развитая новейшим исследователем А. М. Членовым в книге "По следам Добрыни". Это, по сути дела, новая легенда о княгине Ольге, почти полностью отвергающая летописные источники, а более склонная верить на слово быline. Легенда отвергает месть Ольги в том виде, в каком донесла ее до нас летопись, отрицает пожар в Искоростене и считает, что город был сдан Ольге без крови. Древлянский князь Мал, по этой версии, стал пленником Ольги и был заключен в замок Любеча, а его дети — Малуша и Добрыня — взяты на великокняжеский двор. Все это, по мнению А. М. Членова, стало началом далеко идущего стратегического плана правительницы Ольги.

ОЛЬГА-МИРОНОСИЦА

На четвертой мести Ольги летописец, основательно напугав

соседей-славян, кажется, успокоился и ввел великокняжеский корабль с Ольгой во главе в тихое русло мирной жизни.

Ольга занялась упорядочением отношений Киевского княжества с соседями. В сопровождении дружины она, уже с мирными целями, объехала всю древлянскую землю. Потом направилась на север, в пределы новгородские, межевала земли данников на погосты — типа будущих волостей, учреждала уставы, т. е. твердый размер дани и вообще, как пишет Карамзин, "везде оставила знаки своей попечительской мудрости". Даже в пору Нестора-летописца народ славянский благодарно вспоминал тот миротворческий и экономически целесообразный вояж правительницы Киевского княжества. Жители Пскова, как реликвию, хранили ее сани. Даже у древлян ее погосты (буквально — места гошения Ольги), места охотничьих ее забав долго служили объектами уважительного любопытства. (Согласитесь, что этот трогательный факт, сообщаемый уже очевидцами, набрасывает некую тень недоверия на предыдущие "героические" страницы Ольгиного правления).

Современные исследователи, располагающие сведениями, которых не было, скажем, у Карамзина, не без основания считают, что именно Ольга своими мирными деяниями начала у славян период созидательного феодального развития, тогда как предыдущие правители Олег, Игорь и даже сын Ольги — Святослав определенно были носителями военно-рабовладельческой тенденции.

Мирный Ольгин путь был более труден и нов, требовал союза с сильными государствами, типа Византии, что неизбежно вело и к принятию их господствующей религии. Предстояло укрепить местную власть и отношения между славянскими народами. Воевать, принуждать оружием было проще и привычнее. Ольга же избрала иной путь, более, мне кажется, отвечающий славяно-норманским торгово-хозяйственным намерениям на Руси. В эту пору своего правления Ольга больше показала себя как женщина. И на этой созидательной стезе лежит, на мой взгляд, путь Ольги к христианству. Ибо язычество к новой созидательной культуре приноровлено не было и сдерживало миротворческие намерения Ольги. Христианство действительно явилось светом просвещения.

"Начатки этого просвещения, красиво, но не очень последовательно повествует Житие, Господь благоволил в посрамление жестокосердых мужей явить в немощном женском сосуде". (Хороша немощь, если не забывать о четырех мстях Ольги).

И теперь, на мой взгляд, нам предстоит сделать выбор: какую же собственно Ольгу предпочтет наша история? Ту ли, что коварно и изощренно мстила древлянам за гибель мужа или ту, что на саях, как рачительная хозяйка "гостила" у соседей своих — тех же древлян и новгородцев, вводя уставы и собирая дань, стремясь к мирному союзу славян и оглядываясь на христианскую Византию? Или надо каким-то образом примирить эти крайности.

Конечно, были на Руси жестокие и коварные женщины, вспомним хотя бы помещицу Салтычиху, которую история держит при себе исключительно за ее бесчеловечность. Но речь у нас ведь не о том, а о необходимой цельности натуры. Церковной традиции конечно выгодно было, чтобы злая и мстительная волчица, благодаря вере Христовой, превратилась в кроткого агнца. Но здравому смыслу это непозволительно. Он не может соединить в одном лице коварную воительницу и заботливого реформатора. Что-то должно в натуре человеческой преобладать.

Перед нами как бы два неясных, туманных портрета, сильно пострадавших от времени и восстановленных скорее по наитию. Какой из них ближе к истине? Я склоняюсь ко второму — в нем больше угадывается подлинных мазков первотворца.

Итак, Ольгу влекло к Византии и ее религии. Миротворческие настроения, обычаи и обряды христианства несомненно

проникали уже в языческий быт славян. Это подтверждают версии крещения Ольги не в Константинополе, как по канонической легенде, а либо в "болгарех", либо даже в Киеве, как считал очень серьезный историк русского христианства Е.Е.Голубинский. В христианскую Византию плыли торговые караваны славян и варягов, сотни руссов состояли на службе греческого императора...

Так или иначе, крещение Ольги в православной церкви состоялось. Легенда, разумеется, не преминула придать этому факту экзотические черты.

В сопровождении сонма знатных мужей и жен прибыла княгиня Ольга в Царьград (Константинополь). Там наблюдала она веру и внимала словам Божиим. А царь греческий (им был тогда Константин Багрянородный) пораженный красотой ее лица (Ольге, кстати, по летописи же было в ту пору более шестидесяти) и благоразумием, восхотел сделать Ольгу супругой, чтобы была она христианской царицей и жила вместе с ним в стольном граде.

В Ольге же, якобы, опять заговорила природная ее "мудрость". Не отвергая предложения, она настаивала прежде принять крещение и чтобы сам Багрянородный непременно был воспреемником ее от купели. Тот согласился. Ольгу окрестили и по обычаю христианскому нарекли Еленой.

На пиру в честь крещения император снова было завел речь о замужестве, но блаженная Елена лукаво возразила ему:

— Как можешь ты меня, свою крестную дочь, взять себе женою? Ведь не только по закону христианскому, но и по языческому почитается гнусным и недостойным, чтобы отец имел женою дочь.

Благородный царь вынужден был признать, что Ольга перехитрила (в летописи "переклюкала") его и, оставив свое намерение, возлюбил Ольгу как духовную дочь свою.

К счастью, на этот раз архивы донесли до нас печатный источник о пребывании Ольги в Царьграде — сочинение самого Константина Багрянородного "Об обрядах или церемониях Византийского двора", который берет легенду под уздцы и сдерживает беллетристический пыл летописца.

Сопоставление событий и дат дает возможность установить, что Ольга была в Константинополе осенью 957 года. Царь греческий в то время был женат, имел детей и конечно же никак не мог просить руки Ольги. Выходит, либо летописец не знал об этом, либо сам был язычником, сторонником бытовавшего у славян многоженства.

Из сочинения мы узнаем, как принимали Ольгу в Константинополе, стремясь поразить роскошью двора. Специально водили по залам, где были загодя развешаны роскошные ткани, расставлены золотые, эмалевые и чеканные сосуды, которые специально принесли из храмовых и дворцовых хранилищ.

Византия в предвидении крещения Руси явно напрашивалась в духовники к славянам, боясь соперничества со стороны поборников римской веры.

Княгиню принял сначала сам император, потом она гостила запросто в кругу его семьи. В честь нее был дан обед с музыкой, пением и зрелищами. Показывали свои трюки шуты и акробаты, мимы и актеры. Силач, держал на голове шест с кубком, а мальчик взбирался по шесту вверх... Именно этот сюжет сохранился в росписи киевского Софийского собора.

Митрополит Макарий, автор введения в историю русской церкви, назвал время Ольги золотым веком христианства. Оно еще не стало на Руси идеологией, а было чистой и непринуждаемой верой. Лики Христа, Богоматери, апостолов выглядели куда человечнее и притягательнее деревянных языческих идолов. Вера в Христа, идущая от сильной Византии, сулила мирный труд земледельцу и скотоводу, зверогону и бортнику, сильную общность для защиты от врагов-кочевников.

В веру не тащили еще за шиворот, угрожая расправой. По мнению того же Евгения Голубинского, Ольга считала христианство личным делом каждого и приняла крещение только тогда, когда достиг совершеннолетия Святослав, и она сложила с себя официальное бремя правительницы.

Судя по всему, у русского христианства до Владимира было краткое женское, хочется сказать, Ольгино лицо.

НЕ МЕЧ, НО КРЕСТ

Наш первый церковный биограф монах Иаков, писавший в конце правления Ярослава Мудрого, сообщает, что в крещении прожила Ольга пятнадцать лет.

Эти годы опять почти ничем не привлекли внимание летописца: ведь наша летописная история — это по преимуществу история войн.

Оставив Ольгу в Киеве с тремя малыми внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром, сын Ольги — Святослав воевал далеко за пределами княжества. Он не последовал примеру матери и не принял крещения. Считал, что вера, какую принесла на Русь Ольга, не может быть ему помощницей в походах и завоеваниях.

Все годы победоносных Святославовых войн Ольга, которой было уже не менее восьми десятков лет, жила с внуками в Киеве и практически оставалась правительницей княжества. Житие сообщает, что она возвела в Киеве деревянную церковь Святой Софии, обошла с крестом многие города земли русской, в том числе Псков, где на месте встречи своей с Игорем, в Выбутской веси, явилось ей видение трех пресветлых лучей. И водрузила Ольга на том месте крест, а потом возник здесь храм во имя святой Троицы. Словом, по мере сил продолжала она свою миротворческую миссию. Как могла, наводила порядок в обширном Киевском княжестве. Н. М. Карамзин пишет, что при Ольге "Россия стала известною и в самых отдаленных странах Европы".

В летописи мы снова встречаемся с ней когда, воспользовавшись отсутствием Святослава, Киев осадили печенеги, и Ольга оказалась в той же ситуации, что некогда древляне в Искоростене. Но случай помог киевлянам.

На противоположной стороне Днепра стоял воевода Претич с малою дружиной. Некий отрок, перехитрив печенегов, переплыл Днепр и сообщил Претичу о критическом положении Киева, сказав, что печенеги готовы уже сдать печенегам.

Боясь гнева Святослава, воевода решил спасти хотя бы семейство его. Поутру печенеги увидели лодки воинов на Днепре и, решив, что это Святославов авангард, отступили от Киева. Ольга немедленно послала гонца к Святославу. Тот явился с дружиной своей и прогнал печенегов.

Сделав дело, Святослав опять было хотел возвратиться в столицу болгарскую, говоря, что в Переяславце ему веселее, чем в Киеве, но мать на этот раз воспротивилась и сказала: "Сначала погребите меня, а потом иди, куда хочешь".

И на четвертый день княгиня Ольга скончалась. Это произошло в 11-й день июля 969 года. А лет ей было около девяноста.

По ней не стали справлять языческую тризну, а погребли по христианскому обычаю. Позднее княгиня Ольга была причислена к лику святых.

Спустя двадцать лет, внук Ольги Владимир, креститель Руси, поднял из земли мощи бабки своей "нерушимы, нетленны и исполнены благоухания". С великою честью он перенес их в каменную церковь Пресвятой Богородицы и положил открыто — ради жаждущих исполнения своих молитв. В пору нашествия на Русь монголов мощи святой Ольги были спрятаны в церкви. В XVII веке их извлекли снова, а век спустя опять сокрыли в неизвестном месте и по неизвестной причине. Так повествует Житие блаженной княгини Ольги, изложенное святителем Димитрием Ростовским.

Библиотека-музей?

Наши читатели уже знают, что в стенах "Уральского следопыта" возник Клуб с одноименным названием, поставивший целью всячески помогать сельским библиотекам, некогда носившим имя издателя-просветителя Ф. Павленкова, и способствовать превращению их в библиотеки-музеи.

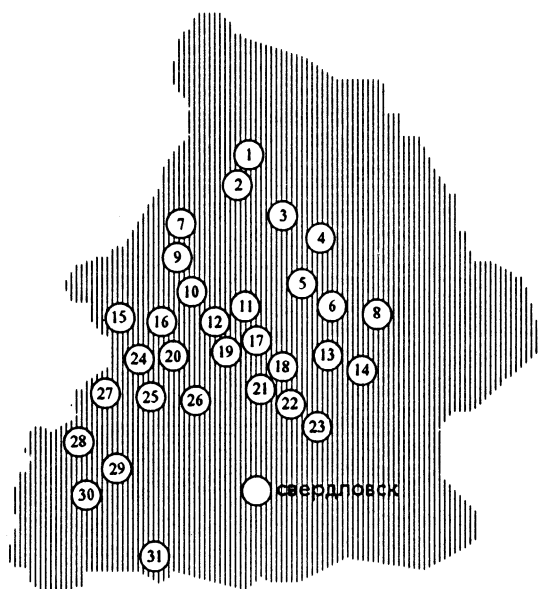
Клуб вошел в Уральскую ассоциацию клубов ЮНЕСКО, то есть живет и работает под флагом международной культурной организации.

Осенью минувшего года Клуб вместе с областной библиотекой им. В. Г. Белинского провели небольшую экспедицию по шести бывшим павленковским читальням Пригородного района Свердловской области. Побывали в селах и деревнях: Петрокаменском, Балакино, Большая Лая, Бродово, Башкарка, Шиловка. Нижнетагильский районный отдел культуры поддержал начинание Клуба. Центральная библиотечная система (ЦБС) предоставила автобус, а хозяйева встречали гостей чаем, а то и пирогами.

По-разному сложились судьбы бывших павленковских читален. Одни, например, петрокаменская или бродовская, обзавелись со временем удобными и просторными помещениями, другие, как и прежде, довольствуются комнатками при клубе или школе — как в Башкарке или Балакино, а некоторые (таких, к счастью, не оказалось в Пригородном районе) навовсе исчезли с лица земли вместе с "неперспективными" селениями.

Но сегодня трудно живется всем сельским библиотекам, как впрочем и сельской культуре в целом. Кое-где она скокужилась до убогой дискотеки, телеэкрана с бесконечным сериалом и киноэкрана с секс-боевиком. Скромно и нерегулярно обновляются книжные фонды, по мере оскудения местного бюджета урезаются деньги на выпуск газет и журналов, а иные библиотеки вообще живут под угрозой большого замка.

Если помогать культуре сельской, то это надо делать сегодня — сохранить очаги культуры, защитить от оползлого ветра перемены, закрыть от него же теплыми ладонями зеленые побеги нового. И подвижники у культуры есть, они не одиноки. Это только на поверхностный взгляд кажется, что везде и всюду торжествует пошлость и ширпотреб. Подспудно культура, традиции продолжают жить. Где-то в тесноте малометражек рождаются хорошие книги, полотна картин. Неунывающие краеведы копаются в плохо отапливаемых архивах. Где-нибудь на

окраине городка, отдыхая от трудов праведных, обновляет старую икону безвестный богомаз. Современные корейники сумками везут из столиц на периферию малотиражные книги Бориса Зайцева или Владимира Соловьева. Греясь у печки и постукивая валенками, ждет своих читателей сельский библиотекарь... Реализаторы всегда на виду и кажется, что их много. Культура, духовность, доброта — они скромнее и тише, но зато не горят и не боятся пистолета.

Библиотека в этом культурном ряду едва ли не самое многотерпеливое звено. Вот село Башкарка. В совхозе дела идут худо, при первой возможности люди из села уезжают. Клуб почти всегда на замке, даже фильмы — редкая радость. Церкви нет. Но на втором этаже дома бывшей церковно-приходской школы светится окно библиотеки. По крутой деревянной лестнице, отдыхая после нескольких ступенек, поднимаются сюда старушки-пенсионерки — посмотреть в газете телепрограмму (выписать домой сегодня не всем по карману), поговорить друг с другом, погреться у теплой печки, послушать, что хорошего скажет библиотекарь Нина Михайловна...

Вот так же наверно и в 1907-м, когда пришла в здешнее земское училище из Петербурга посылка с книгами и возникла первая читальня, потянулись на ее огонек башкарские крестьяне и жители окрестных деревень.

Та же картина в Балакино, Шиловка...

Практически везде сегодня функции библиотеки шире, чем вчера: она и читальня, она и музей, она и клуб — для тех, кто предпочитает тихий отдых. Она в известном смысле и школа... Такова сегодняшняя реальность. Где-то, например, в Большой Лая, библиотека и клуб живут в согласии друг другу помогают, но чаще всего читальне в клубе неуютно, у нее несколько иное назначение. Естественно было бы соседствовать библиотеке и музею, тем более, что музеев в деревнях и селах, как правило, нет.

Клуб ЮНЕСКО "Уральский следопыт" предлагает бывшим павленковским библиотекам материалы для уголка истории: фотографии Ф. Ф. Павленкова и его душеприказчика В. И. Яковенко, краткую биографию издателя-просветителя, фотоизображения книг, которые некогда стояли на полках павленковских читален, выписку из земских документов, возвращающую библиотеке день рождения...

Как в начале века из 50-рублевых книжных посылок возникали в селах первые читальни, так сегодня, хотелось бы верить, из этой скромной экспозиции усилиями краеведов, всей сельской интеллигенции вырастут библиотеки-музеи.

Не секрет, что многие нынешние села, такие, например, как Шиловка, тихоньку-помаленьку превращаются в дачные поселки. Коренные жители, продав дома, уезжают в города — работать негде, школы закрываются — учить некого, клуб тоже на клюшке — молодежи нет... И опять одна только библиотека, что приотлилась в домике у колодца, берет на себя всю культурную нагрузку. Ведь и дачник не хлебом единым жив, и дети дачника все лето без книг и журналов не могут. Значит, надо помочь библиотеке выстоять и найти себя в изменившихся условиях. Новые обитатели могли бы поделиться с ней книгами из богатых домашних собраний, с участием отнестись к бытовому ее нуждам. Может быть, на наших глазах возникает новая дачно-деревенская общность, и библиотека — ее духовно-культурный стержень?

Не мешало бы и новым обитателям знать, что не с их дачного строения деревня началась, а глубокие у нее исторические корни, и стоит она, как, например, та же Шиловка, на костях черниговских крепостных крестьян, оказавшихся здесь по воле заводчика Николая Никитича Демидова.

Выходит, и дачному селению в качестве стержня нужна именно БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ.

Владислав КРАПИВИН

БРОНЗОВЫЙ МАЛЬЧИК

РОМАН

Вторая часть

"Тремолино"

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

ФОНАРЬ И КОМПАС

В апреле прошлого года Саню Денисова прогнали с уроков. За родителями. Факт невероятный. До того дня Денисов был среди третьеклассников самым вежливым и никогда не нарушал дисциплину. Скорее всего именно поэтому — от неожиданности — его "дикая выходка" подвергла Юлию Геннадьевну в особое негодование.

— Марш домой! И без отца или матери не являйся!

Саня не испугался. Торжество справедливой победы еще звенело в нем, и он ответил с несвойственной ему дерзостью:

— Но вы должны понимать, что все нормальные родители сейчас на работе.

Юлия Геннадьевна сказала, что это ее не касается. Сама проводила его до раздевалки и велела тете Кате выдать "этому грубияну" куртку. Саня пожал плечами и ушел из школы.

Идти домой было бессмысленно. Поехать в университет к отцу? Саню там знают и помогут отыскать профессора Денисова. Но не бросит же папа лекции, чтобы немедленно мчаться для разбора школьного скандала!

Прогуливать так прогуливать! Саня побренчал в кармане мелочью и с хмурой решительностью отправился на автобусную остановку. Он поедет в магазин "Буратино", где есть комната компьютерных игр. А дальше будет видно.

День был серый, влажный. Автобус долго не приходил. Саня поживался и топтался у бетонного фонарного столба, оклеенного объявлениями. Казалось, все население Краснодзержинска охватила неудержимая "охота к перемене мест". Масса объявлений была про обмен квартир. Кто-то хотел за две маленьких получить большую, кто-то нао-

борот — за трехкомнатную просил двух- и однокомнатную. Кому-то хотелось переехать в Краснодзержинск из Севастополя (наверно, ненормальный). Какой-то наивный человек предлагал поменяться на районный город Туринск...

Но менялись не только квартирами. Предлагали французские духи за детские колготки, венгерскую двухспальную кровать ("в хор.сост.") за мотоцикл любой марки ("можно подерж."). Интересно, кто отдаст мотоцикл даже за самую мягкую и роскошную кровать? Разве что инвалид какой-нибудь... За "библиотеку с классиками" просили цветной телевизор, а за баню на дачном огороде — японский телефон с электронной памятью...

Зябкий ветер трепал на объявлениях бахрому из язычков с телефонными номерами. Почти у всех бумажек была такая бахрома. И лишь один листок — без нее. И к тому же — не белый, а розовый. Саня зацепился за него взглядом. И...

"Продается старинный американский компас с японской шхуны. А также старинный морской фонарь оттуда же. Спросить в любое время. Ул. Кирова, д. 3, кв. 26".

Это было... ну, как ветерок из тропиков среди запахов промозглой улицы. Или как если бы между озабоченных скучных прохожих прошагал человек в ослепительно белой форме с якорями и золотыми нашивками... Саня мигнул, прочитал еще раз. Ему — с давних дошкольных лет воспитанному на книжках и кино про паруса — объявление показалось не просто чудом. Еще и — странной загадкой, тихим голосом, похожим на зов в страну Приключений...

Саня постоял зажмурившись. А когда решил прочесть о компасе и фонаре снова, увидел рядом дядьку. Молодого, с клочковатыми темно-медными волосами, с густыми веснушками, простиупающими словно сквозь пыльный загар. Дядька этот вынул

Первая часть романа — в №№ 4, 5—6, 1993.

из кармана просторной куртки блокнот и ручку, стал деловито записывать адрес.

Не сдержался Саня, протяжно и шумно вздохнул. Клочкасторыжий незнакомец глянул на него сверху вниз, Саня — навстречу. Глаза в глаза. Тихо и с грустной завистью Саня спросил:

— Будете покупать, да?

Незнакомец ответил по-деловому:

— Небось, цену заломят несусветную. Надо посмотреть.

— А вы... сейчас пойдете смотреть?

Незнакомец взглянул на часы и опять на Саню.

— Да, пожалуй...

Саня внутренне зажмурился и еще больше набрался храбрости:

— Простите, пожалуйста. Вы не могли бы взять меня с собой?

У незнакомца были ярко-синие, с резким блеском глаза.

— Интересуешься? — с сочувствием спросил он.

— Естественно, — вздохнул Саня. — Раз прошусь...

— Но это ведь далеко, улица Кирова...

— Я знаю. Недалеко от университета, где папа работает. На "восьмерке" без пересадки.

Незнакомец наклонил набок голову. С любопытством.

— Дитя мое, а папа и мама не говорили тебе, что не следует на улицах знакомиться с непонятно какими взрослыми? Да еще отправляться с ними неизвестно куда...

Саня внутренне вздрогнул. Папа и мама про такое говорили. И в школе говорили. И по телевизору. Потому что бывают взрослые мерзавцы, которые заманивают детей и делают с ними всякие гадости и даже губят до смерти. Страх и сомнение подсказывали: извинись-ка, Санечка, и давай на попятную... Хотя лицо незнакомца — некрасивое, но симпатичное, — вызывало доверие... Но мало ли что! Преступники иногда бывают очень обаятельные... Да, но разве всякие гады и мучители интересуются корабельной стариной?.. Саня нашелся:

— Но ведь это не вы меня куда-то заманиваете, а я сам попросился.

— Логично. — Незнакомец кивнул медной головой. — Ну, что ж... А дома не хватятся, где ты?

— У меня еще два часа до той поры, когда мама станет звонить и спрашивать, пришел ли я из школы...

Тут, как бы разбивая последние сомнения, подкатил автобус — полупустая "восьмерка".

— Ну, поехали, искатель приключений...

Они сели на заднее сиденье. Саня — у окошка.

Он стеснялся и поэтому смотрел на улицу, хотя была там серость и скука.

Попутчик сказал:

— Меня зовут Даниил Корнеевич. Вострецов. А тебя?

— А меня... Александр Александрович, — неловко, исключительно из-за смущения, пошутил Саня. — Денисов.

Даниил Корнеевич кивнул:

— Очень приятно. А скажи Александр Александрович, почему ты не на уроках. Вроде бы, самый разгар школьного расписания...

— Выгнали, — безбоязненно сказал Саня.

— Не похож ты на человека, которого выгоняют из школы...

— Это впервые в жизни.

— Да? А что послужило причиной столь кардинальной педагогической меры? Если не секрет, конечно...

Уважительный тон вызвал у Сани ответное доверие.

— Ничуть не секрет. Я дал ему по зубам!.. Вернее, хотел по зубам, а попал по носу, и он разбил нос... Ну и что?! Они изводили меня три года подряд! Целой кучей на одного! Потешались, как вздумается. Дразнили... знаете как? "Маринованный сверчок"...

— Глупость какая, — печально отозвался Даниил Корнеевич. — Бессмыслица.

— Конечно! Ну и... есть же предел терпению!.. Я позвал его в закуток у раздевалки и там... Вы знаете, это ужасно, когда кровь капает с лица, и я бы ни за что его больше не ударил. Тем более, что он заплакал... И тут Юлия Геннадьевна...

— Понятно... Александр Александрович.

— Саня я... — виновато сказал он.

— Ага... А что, Саня, тебя толкнуло-то? Столько терпел и вдруг...

Саня потрогал сквозь штанину кнопку-родинку. Глядя себе в колени, признался:

— Книгу прочитал. "Одиссея капитана Блада"... Мне кажется, человек не имеет морального права читать такие книги, а потом трусить...

Даниил Корнеевич потер щеки с чуть заметной медной щетинкой.

— Однако ты, наверно, и раньше читал героические книжки...

— Разумеется. Но раньше я не ощущал такой взаимосвязи.

— М-да... А теперь, значит, осознал. И сразу неприятности. Слушай, но это же несправедливо! Ты защищал свое достоинство, и тебя же сделали виноватым! А с уроков выгонять вообще запрещено.

Саня шевельнул плечами: такова, мол, наша действительность.

— Знаешь, что? Морской антиквариат подойдет. Давай-ка поедem в твою школу и расставим нужные акценты. У меня есть полномочия...

— Не стоит! Папа сходит и сам... расставит.

— Не боишься папы?

— Ни в малейшей мере, — сказал Саня слегка надменно. — Папа всегда вникает в суть дела.

Папа вникал. И если даже Саня оказывался виноват, дело кончалось беседой, не более. Лишь единственный раз в жизни, когда Саня решил, что курево укрепляет мужской характер, и попался на первой попытке, папа позабыл о современной педагогике, стал сдергивать с себя чахлый клеенчатый поясок. Саня перепугался тогда не столько за себя, сколько за отца: до какого же состояния он, Санька, довел кошмарным поступком папу, если тот пошел на такое дело! И во время суетливой и неумелой воспитательной процедуры он жалобно просил: "Папочка, ты только, пожалуйста, не волнуйся..."

Короче говоря, случай был совершенно не характерный для семейства Денисовых.

В двадцать шестой квартире, в доме 3 на улице Кирова им открыла дверь не старая, но рыхлая тетка в мохнатом длинном халате. Узнала, зачем пришли, слегка удивилась:

— Да-а? А я и не ждала... Это зять привез с Владивостока, говорит: напиши, может, найдутся любители... Сам-то он опять укатил, язвы его... — Она явно настроена была подробно изложить свое мнение о непутевом зяте, однако Вострецов сухо сказал:

— Позвольте посмотреть вещи.

Тетушка вынесла в прихожую и поставила на два табурета фонарь и компас.

Фонарь был ростом Сане чуть не до пояса. Пузатый, с шаровидным стеклом. Его металлические части отливали тусклой медью, как волосы Вострецова. А компас формой и размерами походил на небольшую кастрюлю.

Саня придержал дыхание: настоящие, с корабля.

Но Даниил Корнеевич сказал пренебрежительно:

— Н-да... А написано, что старинные... Ну и сколько за этот... товар?

— Вообще-то я не знаю. Он говорил, что шестьсот...

— Че-во? — искренне изумился Даниил Корнеевич. — За этот ширпотреб?

— Зять говорил, вещи... эти, как его... экзотические.

— Ну-ну, — хмыкнул Даниил Корнеевич. — Фонарь сделан в Ленинграде в шестьдесят третьем году, вот клеймо, сами смотрите... А компас гэдэровский, фирмы "Тельтов", тоже шестидесятых годов. Дрянной, кстати, прибор, наши не в пример лучше, его и даром не надо. Фонарь, пожалуй, взял бы. За тридцатку...

— Да вы чё, молодые люди!

— Ну, извините за беспокойство. Пойдем, Саня...

Лифта не было, а квартира на четвертом этаже. Когда спустились до второго, хозяйка заголосила сверху:

— Эй, мужчина! Покупатель! Ну, обождите, может, сговоримся! Ну, чё уж тридцатка-то, это разве деньги? Кило говядины на рынке!..

Сговорились за полсотни.

Даниил Корнеевич, сдержанно-довольный, вынес фонарь из подъезда. Саня шел рядом, поглядывая.

— Ни старины, ни экзотики особой, но красив, черт побери, — говорил Даниил Корнеевич. — Почистить, лампочку поставить вместо ржавой горелки, повесить в углу — создаст колорит...

— Значит, вы любитель, — заметил Саня, пряча зависть.

— Да и ты тоже. Разве не так?.. А хочешь посмотреть кое-что поинтереснее этого? Я недалеко живу, на Калужской.

Саня хотел. Но прежние сомнения опять зашевелились в нем. Однако их разбила новая встреча. На улице подбежали двое мальчишек. Один — лет двенадцати, другой — вроде Сани.

— Корнеич! У-у-у... Где раздобыл?

Вострецов сообщил, что, где взяли фонарь — тайна, которую он так просто не откроет. И добавил, что неприлично уделять такое внимание неодушевленному фонарю и не замечать человека, который идет с ним, с Корнеичем, рядом.

Старший мальчик — высокий, кудлатый, без шапки — сказал:

— Нет, мы сразу обратили внимание. Человек — откуда и зачем?

— Это Саня, — сообщил Даниил Корнеевич.

— Привет, Саня. А я Дим, — и высокий протянул узкую прочную ладонь. Спокойно так, поделовому.

— А я Виталик... — Это маленький, круглолицый, с полными радости глазами, тоже качнулся к Сане.

— По прозвищу "Не Бойся Грома", — уточнил Даниил Корнеевич.

— Ага! — весело сказал Виталик.

Даниил Корнеевич объяснил ребятам:

— Мы добывали фонарь вместе с Саней. Он то-

же интересуется морскими делами. А еще он ищет политическое убежище, ибо изгнан из школы за то, что, отстаивая права личности, слегка деформировал противнику форштевень...

— Ну так пошли, — сказал Дим. — Давай фонарь...

Виталик Не Бойся Грома, прыгая впереди, сообщил:

— Там еще Костик, Андрюшка и Маринка пришли. Но Таня послала Маринку на молочную кухню, потому что Ромка орет с голоду, как маячная сирена.

Даниил Корнеевич жил в такой же блочной пятиэтажке, как та, где купили фонарь. На верхнем этаже.

Саня попал в комнату, где кроме обычной обшарпанной мебели, была масса удивительных вещей. В одном углу, у широкого окна, стояла тумбочка с корабельным компасом ("Нактоуз"! — вспомнил название Саня). В другом щетинился большущий рогатый штурвал со сверкающей латунной ступицей. Две стены — в сигнальных разноцветных флагах, морских картах и фотографиях с парусниками. Еще одна — с некрашенными самодельными полками. На полках, перед книгами, — заморские раковины, кораблики, обломки кораллов и обкатанные прибором камни.

На подоконнике, занимая почти половину окна, стояла модель с двумя отогнутыми назад мачтами, с треугольными парусами и высокой узорчатой кормой...

Саня ощутил, что он как бы растворяется среди всех этих волнующих душу признаков морской жизни. Или наоборот, впитывает эту комнату с ее чудесами в себя. И с ее людьми!

Кроме пришедших, в комнате оказались еще двое мальчишек. Один — смуглый и молчаливо-деловитый — устроился с ногами на тахте и заплетал конец толстого лохматого троса. Другой — коротко стриженный, с носом-клювиком, совсем еще небольшой (наверно, первоклассник) — сидел на корточках перед высоким барабаном и задумчиво что-то выстукивал на нем. Барабан был лаково-черный, с голубым якорем на боку, с блестящими обручами и витыми желтыми шнурами. О него терся боком и горбил спину худой серый котенок.

Саню встретили без лишнего любопытства. Узнали, как зовут, протянули руки, назвали себя (Андрюша и Костик) и дальше относились как к своему. И не было тут никакого притворства.

— Чаю с сушками хочешь? — спросил Костик-барабанщик. — Только они твердые, зубы не поломай...

— Нет, спасибо, — прошептал Саня, оглядыва-

ясь. Никто не обратил внимания, как он ходит вдоль полок и стен, разглядывая диковины. Только Даниил Корнеевич иногда тихим голосом давал объяснения. Например, что круглые корабельные часы отданы ему знакомым штурманом с ледокола "Гектор", а розовая раковина — подарок одного друга, он привез ее с Кубы...

Котенок Бенья (полное имя — Бенедетто) тоже признал Саню за своего. Когда тот наклонился, чтобы погладить, Бенья по рукаву ловко забрался на Санино плечо. Так, с мурлыкающим Беней у щеки, Саня и ходил дальше по комнате, которая именовалась таверной "Сундук Билли Бонса"...

Потом пришла девочка Марина — с большой сумкой, где звякала молочная посуда. Поглядела на Саню, принесла ему из прихожей шлепанцы.

— Возьми, а то от окошка дует на полу... Я на кухню пойду к Тане, она там замаялась...

В соседней комнате иногда коротко и громко вопил младенец (как потом выяснилось, шестимесячный сын Корнеича). Виталик Не Бойся Грома, Костик и Андрюшка стали обсуждать, куда повесить фонарь. При этом шикали на чересчур громкого Виталика: "Тише ты, опять Ромка проснется". Ромка проснулся и снова радостно взревел за стеной. Появилась Маринка, брякнула в небольшой надраенной колокол, висевший на дверном косяке.

— Таня говорит: если голодные, чистите картошку сами, нам некогда. Дим, давай наряд на кухню...

— Ага... — Дим прошелся по всем глазами. — Я, Костик и Саня...

Это было полным признанием! Как бы зачислением в экипаж для кругосветного плавания или посвящением в рыцари! И Саня преисполнился тихого восторга и благодарности, позабыв про время... Зато помнил Даниил Корнеевич.

— Сане, братцы, домой пора. А то будет великий шум и поиск... Ты ведь еще придешь, верно?

— Да... — выдохнул Саня. И с сожалением снял с плеча Бенью, отдал Костику.

— Приходи, — сказал Костик.

На автобусной остановке случалась новая неожиданность. Там стоял профессор Денисов. И что было делать? Не прятаться же было!

— Папа...

— Ба! Ты откуда здесь?

— Я... Мы то есть... — Саня оглянулся на Даниила Корнеевича, который провожал его.

— Давай-ка, дружище, выкладывай папе все как есть, — посоветовал тот.

— Да, конечно... Во-первых, меня выставили с уроков...

И Саня изложил события.

— А потом мы познакомились, читая объявления на столбе, — перебил его Даниил Корнеевич. — У нас нашлись общие интересы в области маринистики, и я пригласил Саню в гости.

— Весьма вам благодарен, — произнес профессор Денисов довольно сдержанно. И обратился к сыну. — Не исключено, что ты прав в оценке своего боевого поведения. Кстати, очень для меня неожиданного... Однако перспектива объяснения с Юлией Геннадьевной меня все-таки не радует.

— Но это твой отцовский долг, — бодро заявил Саня. Он почувствовал, что в глубине души папа доволен его отвагой.

— Не спорю. Но не забывай и о своем долге. В частности, он состоит в следующем; когда тебя снова попрут из школы, не болтайся нигде, а сразу иди домой. И не стремись к уличным знакомствам. Не всегда тебе повезет встретить такого человека, как... — он посмотрел на Даниила Корнеевича вопросительно и выжидательно. Тот светски наклонил клочкастую голову:

— Вострецов. Работник Краеведческого музея и корреспондент "Молодежной смены"...

— Весьма рад. Профессор Денисов, зав.кафедрой зарубежной истории...

— Ого! — резво обрадовался Даниил Корнеевич. — Так это ваша статья о раскопках неизвестного города на Южном Урале? В "Голосе науки"!

— Читали? — слегка оттаял папа. — Чрезвычайно приятно...

— Да! И еще очерк в "Музейной хронике". О библиотеке потомков генерал-адмирала Апраксина. Крайне интересный материал.

Папа начал потихоньку расцветать.

— Кстати! — вспомнил Даниил Корнеевич. — У нас, по-моему, есть общий знакомый. Сергей Каховский. Он был аспирантом при вашей кафедре.

— Как же, как же! Отлично помню! Куратором его был не я, но по византийской теме наши интересы соприкасались, и мы... Да! А где он сейчас? В Москве?

— Он перевелся в Севастополь, поближе к любимому Херсонесу...

Эта встреча Вострецова с отцом во многом упростила дальнейшие события. Мама не стала охать, почему ребенок повадился каждый день ездить неизвестно куда и к кому. После папиного рассказа согласилась:

— Если у него не сложились отношения в школе, может быть, найдет друзей хотя бы на стороне...

А в школе отношения действительно "не сложились". Теперь и с Юлией Геннадьевной. Перед майскими праздниками она сказала:

— Конечно, пионерская организация уже не такая, как раньше, но мы, я думаю, все равно должны создать в классе отряд. Кто хочет стать пионером?

Хотели не все. Примерно половина. Это Юлию Геннадьевну раздосадовало. И, глядя на Денисова, она произнесла:

— Но уж драчунов-то, которые даже не догадались попросить прощения, думаю, принимать в любом случае не следует.

А Саня вовсе и не поднимал руку! Вернее, поднял, но только, чтобы поправить волосы.

— Вы ошиблись, я не напрашиваюсь.

А красный галстук он все равно получил. В строю, на пирсе водной станции клуба "Металлист". Был праздник, и под барабанную дробь Костика на мачту подняли оранжевый, с белым солнцем и синим корабликом флаг, и Саня Денисов пообещал быть верным морскому отряду. Название отряда было вышито на галстук золотыми буквами по краю алого синтетического шелка.

Увидев Денисова в пионерском галстук, Юлия Геннадьевна подняла крик. И хотела даже собственными руками галстук "этого самозванца" снять. Саня выскочил из класса. Недалеко от школы был телефон-автомат.

— Корнейч! Добрый день...

Вострецов примчался через десять минут. Больше Саню не трогали. Ни из-за галстука, ни вообще. Хотя, казалось бы, причин даже прибавилось. Саня ходил теперь на уроки в отрядной форме — в синих шортах с флотским ремнем и оранжевой рубашке с нашивками и с якорями на погончиках. Одно удовольствие поцепляться за шевроны и погончики Маринованного Сверчка. Однако не цеплялись... Впрочем, был уже самый конец учебного года.

Дни тогда наступили уже совсем летние, и отряд наконец спустил на воду свою легонькую фанерную шхуну.

Старое было суденышко, но все еще быстрое. И Саня задохнулся от восторга, когда шхуна, лихо накренившись, набрала ход и тихонько зазвенела от скорости.

— Шверт поет, — заметил сидевший у руля Корнейч.

Саня уже знал, что шверт — это стальной тонкий плавник, его выдвигают из днища судна. Вот этот звонкий металлический лист и вибрировал, рассекая воду.

— С точки зрения гидродинамики это, наверно, не очень здорово, — сказал Корнейч. — Но зато

какая музыка для души, а! — И глянул на Саню. — Вот потому и название такое. У шхуны и у отряда.

...С той поры прошло уже ой-ей-ей сколько времени. Ревучий Ромка стал спокойным двухлетним карапузом и начал ходить в ясли. Тоший котенок Бенья вымахал в упитанного тигра Бенедетто — грозу окрестных котов. Саня познал радости парусных плаваний и премудрости корабельной оснастки. И среди людей из таверны "Сундук Билли Бонса" было ему хорошо как нигде. Первые две недели он звал Вострецова по имени-отчеству, а потом стал называть, как и все, Корнеичем...

Чего, казалось бы, еще желать в жизни? Есть любимое дело, защита от недругов, есть надежные товарищи... Но среди них — действительно надежных, действительно замечательных — пока не было такого, кто стал бы самым-самым. А мечтой по такому другу томится, наверно, всякий человек. Или, по крайней мере, многие... И все-таки странная это штука — человеческое сердце. Разве поймешь, по каким законам рождаются в нем привязанности. Почему больше, чем к кому-то в отряде, потянуло Саню Денисова к хмурому и колючему Дане Рафалову? Сперва год назад, на теплоходе, а потом здесь, после переезда и новой встречи. Разве объяснишь?..

Да и не объяснять надо было теперь, а для полного спокойствия души соединить их вместе: Кинтеля и маленький отряд с трепещущим, как флаг на ветру, именем "Тремолино".

ДЖОЗЕФ КОНРАД И МУЗЫКА

Кинтель и дед увязывали книги в пачки.

— Эту не надо, — сказал Кинтель, — она не наша, мне Корнеич дал почитать.

— О! Джозеф Конрад!.. Ну и как? Читал?

— Естественно, — отозвался Кинтель тоном Салазкина.

— Многие считают, что Конрад устарел...

— Только не "Зеркало морей"! Она вообще... как целая морская энциклопедия. И вот еще, смотри... — Кинтель открыл начало последней главы, ее название. "Тремолино".

— Выходит, ваша компания называется так в честь Джозефа Конрада?

— Ну, не в честь, а... по созвучию. Он тут пишет про двухмачтовую баланселлу с латинскими парусами, очень быстро. Она даже дрожала от скорости. А у Корнеича и у ребят была двухмачтовая яхта. Типа бермудской шхуны. Тоже очень легкая на ходу. Сперва ее хотели окрестить "Мушкетером", а когда испытали, дали название как у Конрада...

— Я, по правде говоря, забыл, что оно означает.

— Это по-итальянски. От слова "тремоло". Значит "дрожащий", "трепещущий". А "тремолино" — это уменьшительное. Вроде как "трепещущий малыш". Трепещущий не от страха, а от скорости. И от радости, что такая скорость...

— Весьма поэтично, — откликнулся дед, но уже с ноткой озабоченности. — Давай-ка, однако, поторапливаться. А то явится Варвара Дмитриевна, и оба мы будем дрожать и трепетать, когда она увидит такой кавардак.

— Мне-то что, — хмыкнул Кинтель. — Это ты трепещи. На то ты и есть молодой муж... — Он со смехом увернулся от подзатыльника, но запнулся за книжную стопку и растянулся на полу. Встал, кряхтя и потирая бока.

— Рукоприкладство в ответ на критику. Я травмирован и работать не могу... Толич, мне пора к ребятам, мы там карту рисуем... Ой, чуть не забыл! Можно, я возьму туда на недельку твой альбом со старинными картами? И вот эту, со стены...

— Еще чего!

— Ну, То-олич! Нам надо кое-что срисовать, чтобы, чтобы получилось как в старину. Шрифты скопировать и обозначения...

— Что, у вашего Корнеича мало морских карт?

— Они современные, а старых нету...

— Поташешь куда-то такую редкость! Эта карта не покидала дом больше ста семидесяти лет.

— Все равно ведь придется скоро покинуть... Толич, не жадничай. Санькин отец не побоялся "Устав" мне дать, а ты...

— А я вредный... Ладно, шут с тобой, только сперва увяжешь все книги.

— Да я и так уже опаздываю!.. Я потом все один упакую, не волнуйся!

— Когда это потом... — проворчал дед.

— А куда спешить? Переездом пока и не пахнет...

Дед и тетя Варя расписались в загсе в середине октября. Тихо, скромно, без всякой свадьбы. И сразу стали решать вопрос о совместной жизни. Здешнюю квартиру и двухкомнатную тети Варину решено было поменять на трехкомнатное жилье. На Кинтеля по этому поводу нашло однажды грустно-подозрительное настроение, и он, надувшись, сказал деду:

— Я вам, небось, там и не нужен буду...

— Дурень, — ответил дед. И прибавил с какой-то виноватостью: — Комнату себе выберешь лучше прежней.

— Ну уж, "лучше". Небось, потолки низкие. И

вообще... Толич, тебе не жаль отсюда уезжать? Ты ведь здесь родился.

— А что поделаешь, — насутился дед. — Все равно к весне дом снесут. Сам знаешь...

О том, что дом должны снести, говорили давно, однако Кинтелю не верилось. Уже один за другим стали уезжать на новые квартиры жильцы первого этажа, но все равно казалось, что с домом ничего не случится. С таким привычным, с таким прочным... Кинтель так и сказал.

— Никакой он не прочный, — вздохнул дед. — Стропила все сгнили. И сырость в стенах. Говорят, ремонт себя не окупит. К тому же, по генеральному плану здесь должна пройти улица — от моста до нового театра.

— Да театра-то еще нету! Его сто лет не строят! А дом развалить у всех руки чешутся!

Дед сказал, что разваливается вся страна, кто тут будет думать о каком-то старом доме.

Кинтель не считал, что страна совсем уж разваливается. Конечно, жизнь делалась все дороже и голоднее, даже ходили слухи про карточки на хлеб. И главное, люди повсюду походили с ума. Однажды в таверне "Сундук Билли Бонса" маленький, всегда насупленный пацан по прозвищу Муреныш смотрел, как на экране лупят из минометов не то грузины по осетинам, не то азербайджанцы по армянам, потом плюнул, вытер ладонью брызги со штанов и произнес:

— Вовсе мозги проквасили. Взрослые называются...

Но пальба, стотысячные митинги и таможенные споры были где-то далеко, в других республиках или на окраинах России. А Преображенск время от времени лишь потряхивало забастовками: то встанут автобусы, то прекратят работу парикмахерские. Три дня, на радость ученикам, бастовали и педагоги. Требовали добавки к зарплате. Дружно так! В школе, где учился Кинтель, не поддерживал забастовщиков лишь Геннадий Романович. Высказался почти как Муреныш:

— У вас что, вообще мозги прокисли? Ребятишки-то причем, их кто учить будет?

"Штрейкбрехера" заклеили на стачечном комитете и постановили, чтобы убирался из школы. Геночка плюнул на "эту бабью ассамблею" и ушел. Говорят, подался в кооператив...

Но в общем-то жизнь была не такая, чтобы ударяться в панику. И главное — дружно жил и не думал разваливаться маленький отряд "Тремолино".

Нельзя сказать, что Кинтель прижился в "Тремолино" сразу. Сперва он ходил на Калужскую только ради Салазкина, чтобы не обидеть его.

Кинтель понимал, что винить надо лишь себя, для отчужденности не было никаких причин. Он видел, что ребята отличные: как раз такие, каких он хотел записать в экипаж, когда мечтал о своем пароходе. И Кинтеля они встретили хорошо и спокойно, как давнего знакомого. Но были они в своем "Тремолино" как-то уж чересчур завязаны друг на друга. Одна семья, где все понимают каждого с полуслова. Они знали свои корни: историю прежних отрядов, из которых вырос "Тремолино", судьбы тех, кто был в этих отрядах раньше.

Иногда Корнеич пускал на разболтанном "видике" кассету с записью старых отрядных кинохроник и самодельного фильма "Три мушкетера". И весь народ смотрел это как про самих себя, хотя на экране сражались на рапирах, шли через пенные гребни на фанерных яхтах, шагали через лесную чащу и лупили палочками по коже высоких черных барабанов мальчишки семидесятых и восьмидесятых годов. Барабанщики "Эспады", "Мушкетера", "Синего краба" и наконец уж "Тремолино"...

Была на этой пленке и песня о трубаче. Ее пел в окружении пацанов худой смуглый паренек с тонкой полоской усиков на нервной губе. Длинноволосый, с продолговатыми, какими-то "марсианскими" глазами. Тот, кто придумал эту песню.

— Гена Медведев... Кузнечик... — шепотом говорили ребята. И с печалью.

Но даже эта песня не приближала Кинтеля к "Тремолино". Это была их песня, это был их Кузнечик. Их печаль от того, что Кузнечик навсегда остался в прокаленной Афганской земле...

Единственное, что связывало Кинтеля с отрядом, был Салазкин. Но он, оказавшись здесь, как бы растворялся среди обитателей "Сундука Билли Бонса", а Кинтель оказывался в сторонке,

Впрочем, внешне все выглядело нормально. И когда проводили занятия по парусной оснастке (а такое случалось), и когда обсуждали проект новой шхуны с бермудскими парусами, Кинтель не чувствовал себя совсем уж новичком: кое в чем он разбирался. Но если собирались просто так, "на огонек", он держался в уголке или ускользал на кухню, чтобы помочь Тане, жене Корнеича. Та принимала его помощь с благодарностью. И, кажется, вообще понимала Кинтеля лучше других. Однажды сказала:

— Ну, Данечка, быть тебе корабельным поваром. Даже Маринка годится тебе лишь в младшие повара.

И Кинтель мгновенно почуял: она хочет помочь ему. Дело в том, что каждый вносил в "Тремолино" что-то свое. Или какое-то умение, или черту

характера или даже какую-то необходимость особой заботы (как, например, Муреныш с его домашней неустроенностью). Эти способности, черточки, горести и радости как раз и создавали тот сплав настроений, который был воздухом "Тремолино". Был в этом сплаве и несильный, но чистый голосок Салазкина, когда один из старших мальчишек, Юрий Завалишин, брал гитару, и все пели песни, которых Кинтель раньше никогда не слышал (кроме "Трубача").

Кинтель петь не умел и стеснялся. Это ему легко прощали, как остальным прощали всякие другие недостатки: например, излишнюю дурашливость Витальки Не Бойся Грома или стремление маленького Костика то и дело постукивать в барабан, с которым он был неразлучен.

У Кинтеля не было ничего, что могло бы добавить экипажу "Тремолино" новых красок. Его легко взяли в компанию, но так же легко — он чувствовал это — могли обойтись и без него. Потому что не принимать же всерьез умение готовить макароны с жареным луком.

"Может, это потому, что я здесь тринадцатый, несчастливый?" — грустно усмехался про себя Кинтель.

Кроме него, ребят в "Тремолино" была ровню дюжина. Одиннадцать мальчишек и деловитая Маринка — отрядный "лекарь, пекарь и аптекарь". У Маринки был брат Андрюшка, на год младше. Бесстрашное создание с остреньким смуглым лицом и глазами, вечно жаждущими справедливости. Он лез отстаивать эту справедливость на улице, на своем дворе, в школе. Недели не проходило, чтобы Корнейч не кидался вытаскивать его из очередной истории. А еще были Сержик Алданов и Паша Краузе — "самые ветераны" отряда и неразлучные друзья, шестиклассник Игорь Гоголев (по прозвищу И-го-го), сочинявший стихи не хуже, чем Глеб Ярцев в классе Кинтеля, и тихий, немного похожий на Салазкина, Сенечка Раух. И девятилетний неприкаянный Илька Мурзаев — Муреныш — живший больше у Корнейча, чем дома. Он был одновременно и ласковый, и упрямо-самостоятельный. Большеглазый, чернявый, нестриженный...

Именно благодаря Муренышу кончилось в отряде скрытое отчуждение Кинтеля.

Однажды Муреныш взгромоздил у стеллажа самодельную стремянку и полез к верхней полке. Что ему там понадобилось, неизвестно, он ведь никогда не объяснял. Потянул с полки увесистую подшивку журнала "Морской флот", не удержал, не удержался сам. Муреныша поймали еще в середине полета. Но книги, которые посыпались за ним, поймать не смогли.

А следом за книгами со звоном упал на половицы помятый, но блестящий пионерский горн.

Кинтель отпустил невредимого Муреныша и поднял трубу. Поправил загнутый край внешнего венчика. Горн был с мундштуком. С таким же, как на той фанfare, которую дали однажды Кинтелю в "гусарском" оркестре.

Виталик Не Бойся Грома радостно подскочил.

— Ой, я и не знал, что у нас труба есть! Откуда?

— Да разве ж я помню, — недовольно отозвался Корнейч, он перепугался за Муреныша. — Кажется, от давних киносъемок осталось, кто-то герольда на рыцарском турнире изображал... По правде-то у нас горнистов почти не было. Лишь в самом начале были. А в "Мушкетере" и в "Синем крабе" уже ни одного. Только барабанщики.

Все привычно глянули на знакомую фотографию. И Кинтель. Снимок был большущий, пятьдесят на шестьдесят, в раме и под стеклом. На фотографии — десятилетний Данилка Вострецов в парадной форме барабанщиков "Эспады": с плетеным капроновым аксельбантом на рубашке, в лихо заломленном берете, в белой португее. Слегка взъерошенный ветром и собственной радостью, он сиял веснушчатым лицом и от души лупил в барабан, растопырив колючие локти и расставив среди подорожника и клевера щедро украшенные синяками ноги в съехавших гольфах.

Кинтель стеснялся смотреть на эту фотографию и не раз думал: как Корнейч сам-то смотрит со спокойной душой? На себя, стоящего на двух ногах. Ведь одной-то ноги теперь нет! Вот этой, левой, с белым квадратным пластырем под коленкой. Она выросла и была раздроблена миной в Афгане, и ее отрезали ниже колена, и теперь там скрипучий протез. Кто не знает, сразу и не заметит, но ведь Корнейчу-то сколько мук...

Однако и Корнейч, и другие всегда смотрели на снимок без боязни и неловкости. И сейчас тоже. Но Кинтелю вдруг показалось, что они прочитают его мысли, и он отвел глаза. И, чтобы скрыть смущение, спросил:

— А почему их не было, горнистов-то?

— Да так как-то... — Корнейч развел руками. — В барабан стучать — дело нехитрое, а для трубы способности нужны, чтобы играть чисто, а не дудеть, как на школьном сборе...

Кинтель не удержался, тронул мундштук губами, и языком толкнул в него сгусток воздуха. Тонкий металл чутко отозвался, притих словно в ожидании.

— Умешь, да? — подскочил Не Бойся Грома.

— Не-а... я так просто...

— А все-таки? — сказал Корнейч.

— Да нет же... Я только один раз в руках фанфару держал, в оркестре. Попробовал однажды...

— Ну, попробуй еще разок, — с пониманием и с каким-то нетерпением попросил Корнеич.

Кинтель послушался. Как и в том случае, в клубе, звук получился чистый, высокий и с переливчатым дрожанием, которое называется "тремоло". Тогда Кинтель, словно испугавшись, что могут остановить проиграл те четыре ноты, что и в прошлый раз, три года назад. Проснувшись в нем память этих звуков. И они запели так, что отозвались оконные стекла и колыхнулись паруса модели... И влетела в комнату Таня:

— Вы что, люди! Ромка только что заснул!

Кинтель чуть не провалился. Но Корнеич сказал:

— Подожди. Ромку полковым оркестром не разбудишь, а мы тут горниста нашли... Быть тебе, Данила, трубачом, первым в истории "Тремолино"... Если, конечно, согласен.

— Да я же ничего не умею! Только вот это, что сейчас! И то случайно получается...

— Достаточно и этого для начала. Готовый сигнал. Потом научишься. Главное тут — сама идея и почин...

Кинтель увидел глаза Салазкина — и радостные, и просящие: "Не отказывайся!" И ощутил как вырастает связь: "тремоло" и "Тремолино". Кинтель и отряд...

То ли по случайности так вышло, то ли был в этом особый смысл — в тот вечер Маринка сказала:

— Дань, давай я на твоём галстук название вышью, наше. Все равно школьные дружины рассыпаются. А мы живем...

В "Тремолино" никто, даже старшие, с галстуками не расставались. В этих алых треугольниках здесь видели особый смысл. Кинтель знал давнюю историю, когда в середине семидесятых для первой шхуны не хватило парусины и бушпритные паруса сшили из красного синтетического шелка. Тогда еще можно было найти в магазинах и недорого купить такую материю. Кливера эти стали знамениты на всем Орловском озере. Командир "Эспады" Саша Медведев, старший брат Генки Кузнечика, однажды в разговоре с корреспондентом "Молодежной смены" рассказал:

— Недавно опять на улице шпана к нашим ребятам прискрелась, хотели галстуки посрывать. А для "Эспады" галстуки — это не часть школьной формы, без которой завуч не пускает на уроки. Это символ алого треугольного паруса, кливера. Именно такие паруса помогают идти круто к ветру... Ну, и вломили наши мальчики этим пиратам...

Интервью с командиром "Эспады" было напечатано. А через день в отряд явился бойкий молодой человек в отутюженном костюме с комсомольским значком. И предъявил претензии. Мол, что это за новые пионерские законы и правила вы пропагандируете! Во все времена считалось, что красный галстук — символ единства трех поколений, а вы тут со своей трактовкой! Есть разработанная символика!..

Разговаривал он чересчур самоуверенно, а кандидат физических наук Александр Медведев чиновников недолюбливал. И сказал комсомольскому деятелю, куда тот должен идти вместе с разработанной символикой. После этого у "Эспады" и у Саши начались очередные неприятности, отряд который уже раз поперли из помещения, но ребята держались. А три алых кливера сделали своей эмблемой. Навсегда...

После случая с трубой Кинтель осмелел и пару раз напоминал, что Данькой и Данилой звать его не стоит. Лучше привычным именем-прозвищем. И скоро стал здесь, как и везде, Кинтелем. Для всех, кроме Салазкина. Тот по-прежнему звал его Даней. А больше никто. Но и Саню Денисова никто не называл "Санки" или "Салазкин". Это было как бы право одного Кинтеля...

Конечно, звание трубача было чем-то вроде почетной должности. Звание-название. Потому что, если по правде — зачем он нужен, горн-то, в двухкомнатной квартире, где собирается экипаж "Тремолино". Маленький Костик — тот хоть подыгрывает гитаре на своем барабане, когда Юрий Завалишин начинает вступление к песне. А Кинтелю даже потренироваться негде — ведь не будешь трубить в комнате...

И все же Кинтель обрадовался, когда Маринка подарила ему нарукавный значок трубача (хотя и хихикал над собой: "Как третьеклассник, которому дали первое пионерское поручение"). На ромбике из вишневого бархата Маринка вышила золотистыми нитками круто изогнутую, старинного вида трубу, обметала материю такой же золотистой каемкой.

— На. Пришьешь на форменную рубашку.

— У меня же ее нету, рубашки-то...

Корнеич сказал:

— К весне будем всем новую форму справлять. Пора приводить экипаж в порядок. — И добавил: — Кстати, наши музейные мастерские с одним кооперативом законтачили, "Орбита" называется. Эти парни пообещали мне подбросить несколько листов фанеры-шестерки. Просто так. "Мы, — говорят, — в детстве тоже о парусах мечтали". Есть среди преображенных бизнесменов совсем даже

порядочные люди... Так что, если отыщем к весне какой-нибудь сарай, можно будет закладывать корпус новой шхуны...

— Можно и прямо на берегу, на базе! — весело сунулся Не Бойся Грома. Он не боялся трудностей. И вообще был отважный личностью, несмотря на внешнюю дурашливость. Свое прозвище он получил за то, что в позапрошлом году без лишних слов укротил и заставил полюбить себя громадного пса Грома, который охранял водную станцию. Вообще-то Гром был добродушный псиной, но на посторонних гавкал устрашающе. Загавкал и на Витальку, когда тот появился на берегу первый раз. Виталька без лишних слов подошел к зверю, обнял за шею, потрепал по лохматому боку. И Гром замахал хвостом, лизнул храброго пацана в подбородок...

Услышав предложение Витальки о строительстве под открытым небом, все заговорили, заспорили. А Кинтель осторожно затолкал нашивку во внутренний карман.

...Но однажды горн все-таки пригодился. Во время похода,

Впрочем, был это даже не поход, а воскресная лесная прогулка. На электричке доехали до станции Белый Камень, потом прошагали километра три и вышли на берег Орловского озера.

Справа, в далекой дымке, темнел еле заметный город. По берегам щетинился синий лес, в котором мелькали последние проблески не успевшей облететь листвы. День стоял безоблачный, озеро среди берез и елей синело резко и чисто. На лужайках в жухлой опавшей листве и хвое виднелись последние мелкие цветы — робкие, бледно-желтые и белые.

— Завтра уже Покров, снег должен бы выпасть, а тут тепло такое, — сказала Маринка и почему-то вздохнула. — Ну, ладно, костер все равно нужен. Мальчишки, идите за хворостом.

Кинтель, Салазкин и трудолюбивый Муреныш притащили охапки сучьев раньше других. Развели огонек, подвесили над ним ведро с ледяной озерной водой. Вода уже нагрелась, а другие ребята все не показывались из чащи. Корнейч забеспокоился.

— Кинтель, а ну-ка потруби...

И Кинтель достал горн, который перед походом стесняясь, почти украдкой, сунул в рюкзак. Заволновался почему-то, но чисто и протяжно выдал на весь лес четыре ноты.

И побежали из-за деревьев, заспешили к огню послушные сигналу матросы экипажа "Тремолито".

— Что случилось?!

— Тревога, да?!

— Тревога от того, что вы бродите где-то целый час, — притворно нахмурился Корнейч. — Хватит уже, вон сколько дров...

Дальше было все, как бывает в таких походах. Посидели у огня, угостились обжигающим дымным чаем, вспомнили кое-какие песни. В том числе и "Трубача". Паша Краузе вдруг сказал:

— Вчера заспорил с одним парнем в нашем классе, он из скаутского отряда, из "Былины". Говорит: "Ваши песни — все какие-то агрессивные, к вечной борьбе зовут. "Нам коней горячить, догоняя врага..." Какого врага-то?" А я ему говорю: "Зато это наши песни"...

— В общем-то скаутский мальчик прав, — задумчиво согласился Корнейч. — Песни эти действительно из прошлых лет, из семидесятых. Тогда "Эспаде" и другим таким же отрядам воевать приходилось направо и налево. И школьное начальство нас поедом ело, и горкомовские чины. И местная шпана в трогательном союзе с ними... В чем-то тогда было даже лучше, чем сейчас. По крайней мере, знали, кто друг, кто враг... А сейчас большой враг разбежался на сотни маленьких. Будто крупный зверь превратился в сотню мышат. Кусают за пятки. Причем, ядовито...

— Они бы лучше помалкивали, эти "Былинчики", — сказала Маринка. — "Синего краба" нашего сами на каждом сборе поют...

— А в общем-то они хорошие ребята, — заметил Сержик Алданов. — Никогда ни на кого не лезут. За первоклассников тогда заступились вместе с нами...

Корнейч вспомнил:

— Их руководитель мне звонил в начале сентября, приглашал: "Подавайтесь в нашу организацию. У скаутов, — говорит, — и материальная база, и возможность заграничных поездок..."

— А ты? — дернулся у Корнейча под боком Костик-барabanщик.

— А я говорю: у нас двадцать лет своей истории, она не хуже скаутской. Чего же мы будем ради заграничных поездок от всего от своего отказываться... У вас, говорю, и барабаны другого цвета, а Костик свой барабан ни на какой другой никогда не променяет. А мы куда же без Костики?..

— То-то же, — сказал Костик. И устроился поудобнее.

— А он что, этот их руководитель? — поинтересовался Дим.

— А этот скаут-мастер... с ехидцей, хотя и вежливо: "Что ж, верность принципам достойна уважения. Даже если это верность организации имени Владимира Ильича..."

— Давно уже нет этого имени у пионерской

организации, — сказала Маринка. — Проснулись...

— Сейчас на пионеров каждый, кому не лень, бочку катит, — вмешался Дим. — На кэвэзнах здоровые обалдуи обрядятся в шортики, салютуют и кривляются... Будто раньше в отрядах только и делали, что маршировали да песни про Ленина разучивали...

Корнеич ногой-протезом поправил тлеющие сучья, привалился спиной к сосне. Объяснил с досадой:

— Все уже позабыли, что были разные отряды. Одними классные руководительницы командовали, по минпросовским планам, другие за свою самостоятельность воевали. В хороший отряд ребята шли для того, чтобы товарищей найти, чтобы локоть к локтю... Помню, как я сам в пионеры вступал. Хором говорили заученные слова: "Я, такой-то, вступая в ряды пионерской организации имени Ленина..." Я об этом имени, что ли, думал тогда? О Павлушке Снегиреве думал, который слева от меня стоял, и о Васильке Рыбалкине, который справа... А был у нас Димка Соломин, так он чуть все торжество в школе не нарушил, когда его принимали. Должна была ему какая-то девчонка галстук повязывать, а он заупрямился. И к Сереге Каховскому: "Повяжи мне ты. Потому что ты мой друг..." Тот потом рассказывал, что у него аж горло перехватило..

Дим деликатно спросил:

— А он, Сергей Евгеньевич-то, пишет, что-нибудь?

— Пишет. Обещал в севастопольском "Военторге" якоря и пуговицы для нашей новой формы раздобыть... Кстати, я помню, как в те дни Серега сцепился со своим дядюшкой. Тот все укорял его за стремление влезать во всякие свары. А Серега ему: "Вы же всегда на Ленина ссылаетесь. А разве Ленин учил в углу отсиживаться?" Дядюшка и усох... Для нас Ленин был тогда вот таким оружием. В случае чего можно было сказать классным дамам и завучам: "Говорите, что Ленин учил смелости и честности, а от нас чего требуете! Чтобы не плакали и не высывались!.." Потому что никто ведь не знал тогда ни о концлагерях еще в девятнадцатом году, ни о том, как расстреливали казаков целыми станицами, как священников уничтожали... И был для всех Ленин не человеком, а вроде как символ для отдания почестей. Салютнули и пошли, а чувств никаких... Чувства были, когда наши барабанщики начинали играть наш сигнал — "марш-атаку"...

— А правда, что Ленина скоро в земле похоронят? — вдруг спросил Муреныш.

— Может и похоронят, — вздохнул Корнеич.

— Правильно было бы. А то чего хорошего? Умер человек, а на него чуть не семьдесят лет все гледеют, как в музее... Судить можно по-всякому, а лежать в земле каждый имеет право.

Маринка сказала полушепотом:

— Бабушка говорит, что душа не может успокоиться, пока человека не похоронили...

— А душа, она по правде есть? — полусонно спросил Костик.

— А как же! — храбро заявил Не Бойся Грома. И вдруг смутился, засопел.

Сержик Алданов опять вспомнил про скаутов:

— К ним теперь каждую неделю священник ходит, занятия ведет по религии...

— Ну и что такого... — тихо отозвался поэт Игорь Гоголев (который И-го-го).

— Да ничего, — сказал Алданов. — Только у них эти занятия обязательные. А разве можно такое в обязательном порядке?

Корнеич проговорил со вздохом:

— Если нам тоже священника звать, то какого? Пришлось бы и православного, и лютеранского, и раввина. И муллу, наверно... да, Муреныш?

Тот не удивился вопросу.

— Mamка и отец неверующие. А бабушка верит в Аллаха и меня учила...

— Вот видите, — сказал Корнеич.

Вечный рисовальщик Сенечка Раух, черкая в своем блокноте угольком, сказал тихонько, но уверенно:

— Главный Бог у всех религий все равно один...

Корнеич поднялся:

— Пусть он нам и поможет. Осень протерпеть да зиму продержаться. А весной заложить новый корабль... Солнце садится, ребята.

В конце сентября по чьему-то умному указу время передвинули еще на час назад по сравнению с привычным, и теперь закат начинался совсем рано. Помидорного цвета солнце среди стволлов опускалось в озеро, раскатало по воде огненную дорожку.

— А ну-ка, народ, встали, — серьезно сказал Корнеич. И все быстро, привычно выстроились на лужайке в шеренгу. Корнеич попросил:

— Ну, трубач, давай прощальный сигнал.

И Кинтель, ощутив холодок волнения, снова проиграл свои четыре ноты. А остальные стояли, поднимая над правым плечом сжатый кулак — это был давний салют независимых отрядов. Так "Тремолито" проводил в этот вечер солнце...

С той поры прошло еще три недели. Наступили осенние каникулы. В "Тремолито" увлеклись новым делом. Вернее, забытым старым. Решили на-

рисовать на нескольких листах фантастическую морскую карту и возродить давнюю игру с корабельными боями и путешествиями. Крошечные и очень аккуратные моделики парусников для такой игры хранились у Корнейча на отдельной полке. Десятка два. Эти кораблики в свое время смастерили мальчишки "Эспады", "Мушкетера" и "Синего краба".

Рисовать умели не все. Работали в основном Сенечка Раух, Салазкин, Дим и сам Корнейч. Остальные больше давали советы и были, как говорится, на подхвате. Из Кинтеля художник был как из слона балерина. Но зато Кинтель притащил в "Сундук Билли Бонса" альбом с копиями средневековых портуланов и старую карту полшарий, за что удостоился всяческого одобрения.

В тот вечер засиделись до девяти часов. Кинтель возвращался домой один: Салазкин отбывал дома карантин после ангины.

Падал редкий щекочущий снежок, уютно светились фонари, и Кинтель решил пару автобусных перегонов пройти пешком. Хорошо было и спокойно, спешить не надо, деду Кинтель позвонил, что немного задержится, не волнуйся, Толич. И шагал теперь отдувая от лица снежинки...

Хорошее настроение испортила встреча с отцом. Тот вышел на дежурного "Гастронома" на Садовой. При свете витрины отец и Кинтель узнали друг друга.

— Привет, Данилище...

— Здравствуй, — неохотно сказал Кинтель.

— Гуляешь?

"Ну, начинается пустословие!"

— А чего не гулять? Это у вас, у взрослых, праздник Великого Октября отменили, а у нас все равно каникулы.

— Вот и заглянул бы хоть разок в каникулы к отцу...

Кинтель пожал плечами.

— Ты же на работе целый день.

— Ладно отговариваться-то, — добродушно пожурил его Валерий Викторович. — К Лизавете-то, к маме бывшей, заходишь, небось, а меня вовсе позабыл.

— Я не к ней, а к Регишке... А у вас в общезитии вахтерша такая... Один раз я сунулся, а она сразу: "Куда прешь!"

Отец и тетя Лиза разошлись еще в конце сентября. Возиться с разменом отец не захотел, оставил квартиру бывшей жене и ее дочке. Родное СМУ-11 дало ему комнату в общезитии. Обещали подыскать потом и постоянное жилье, хотя бы в коммуналке. Ценили специалиста.

Кинтель и отец пошли вдоль освещенных магазинов. Насчет вахтерши отец сказал:

— Ты, наверно, не объяснил ей, к кому идешь. Иначе бы сразу пустила, меня там уважают.

Кинтель промолчал. Потому что про вахтершу он соврал, в общезитии никогда не заглядывал.

Отец вдруг предложил:

— Слушай, а может переедешь ко мне, а? Комната большая. А если вдвоем будем, глядишь, и однокомнатную выделяют, предприятие скоро дом сдает.

Кинтель сказал прямо:

— Для того я тебе и нужен?

— Ну, зачем ты так? Я же по-хорошему...

Уже иначе, тихо, Кинтель спросил:

— А для чего я тебе тогда?

— Ну... сын же ты. Почему не пожить с отцом? Да и мне одному как-то... паршиво порой.

— Зачем разводился-то...

— "Зачем"... Так просто не скажешь, жизнь штука сложная.

— Сам ты себе сложности придумываешь... А от деда я не пойду. Чего ради? Я с ним с самого младенчества...

— Ну и что же, что с младенчества... Я с ним тоже с младенчества, а теперь он про меня и слышать не хочет.

— Почему же, — примирительно сказал Кинтель. — Он часто вспоминает. Переживал тогда, как вы там с тетей Лизой...

— Подумаешь, "переживал"! — внезапно ожесточился отец. — Проку-то от его сентиментальности... А тебя он, думаешь, почему пригрел? Потому что ты у него за домработницу!

— Не говори, чего не надо-то, — пренебрежительно отозвался Кинтель.

— А ты от правды не отмахивайся. Поразмысли и сам поймешь... Ты вот меня поддел, будто я тебя ради квартиры зову. Ну и что? Стали бы вместе жить, а потом квартира тебе досталась бы... У меня, между прочим, предынфарктное состояние было...

— Ну, ты даешь!

— А чего, трезво смотреть надо... Деду, между прочим, именно благодаря тебе новая-то квартира светит, поскольку дом на снос. А иначе бы: получите, Виктор Анатольевич, комнату, поскольку вы одиночка, и будьте довольны...

— Неправда! По закону должны дать равнозначную площадь!

— Ха! Где они законы-то наши?.. А когда отец с Варварой съедутся, будешь ты им нужен, как драный лапоть на трюмо.

Эти слова ощутимо кольнули Кинтеля. Потому что отец словно угадал его недавнюю тревогу. Правда, тревога та была минутная, полушутливая, но все-таки... И Кинтель опять разозлился:

— А если ты снова женишься, я вам буду нужен, как что?

— Я? Женюсь?! Трижды одну глупость не делают.

Кинтель помолчал и вдруг спросил:

— Папа... А как узнали, что мама погибла?

— Что?.. — Отец малость растерялся. — Ну, как... Списки же были. Всех пассажиров. Тех, кто спасся, и тех... кого потом нашли... И кого не нашли... Я вплотную-то этим не занимался, мы ведь не жили уже тогда вместе...

— А она... точно погибла?

Отец глянул быстро, но без сочувствия.

— А что ты думаешь? Может, просто следы за мела? Зачем?

— А иди ты... знаешь куда! — взвинулся Кинтель.

— Ну, ты!.. С отцом все же разговариваешь!

— А я на разговор и не просился, ты сам... Ладно, я пошел, вон автобус...

— Постой! Ну, давай поговорим по-человечески!

— Мне домой надо! — И Кинтель побежал к остановке.

...Слова отца, что деду Кинтель нужен был ради выгоды, хотелось наглухо забыть. Потому что чепуха это! Но все же сочился эдакий яд сомнения. Домой Кинтель пришел хмурый.

Дед и тетя Варя увязывали последние пачки.

— Ну, явился рабочий! — ворчливо обрадовалась тетя Варя. — Хоть к концу дела. А то мы без тебя умаялись.

— А чего маяться, — сварливо сказал Кинтель. — Еще и квартира никакая не светит, а вы шмотки упаковываете.

Дед разъяснил добродушно:

— Во-первых, кое-что светит. Во-вторых всегда лучше делать хлопотливую работу заранее...

— Вы ее, работу, всегда отыщите, — буркнул Кинтель.

— Что-то отрок не в духе, — нерешительно заметил дед. И сообщил: — Регина звонила тебе, спрашивала, пойдешь ли с ней завтра в кино. Вроде бы ты обещал...

— Только ей я еще и нужен, — проговорил Кинтель и почувствовал, как заскребло в горле.

Дед и тетя Варя переглянулись. Тетя Варя спросила:

— Ужинать будешь? Пойдем, я на кухне все тебе поставлю.

— Сам управлюсь, — тихо сказал Кинтель.

ГЕРОИ И НЕ ГЕРОИ

Ветер менялся постоянно. Это затрудняло ма-

неврирование обеих эскадр в узкостях Лимонного архипелага. Угадать изменения ветра было невысказано. Они зависели не от законов природы, а от волчка. Его крутил Муреныш. Нравилось Муренышу быть в должности ВВВ — Владыки Всех Ветров. Хотя, по правде, владычества здесь не было, все зависело от того, каким краем упадет волчок на карту Семи морей и Нетихого океана. Картонный кружок, надетый на спичку, был восьмигранный, на каждой грани — название компасного румба. Лег волчок на карту "норд-вестом", значит и ветер с северо-запада. Упал "зюйдом" — значит, с горячего побережья Сэндландии дует южный, с запахом раскаленного песка "Дракон пустыни"...

Играли семеро: Кинтель, Салазкин, Паша Краузе, Дим, Андрюшка Локтев, Не Бойся Грома и Муреныш. Все, кроме Муреныша, были капитанами кораблей или даже соединений.

Корнеич сидел тут же, но не играл. В углу, у журнального столика с лампой, сочинял для газеты статью о том, как паршиво организованы в Преображенске зимние каникулы: на главной площади у елки — разгул шпаны, ребятам опасно соваться; в кино — сплошной американский мордобой, половина катков не работает...

Ромку отправили в гости к тетушке — старшей сестре Корнеича, тете Юле, — это было очень кстати. А то двухлетний флибустьер имел обыкновение врываться в комнату и громить все эскадры, не разбирая, где флот адмирала Розенбаркера, а где корабли славного Диего де Нострапустры... Серого разбойника Бенедетто, который тоже не прочь был поиграть кораблями, заперли на кухне. Таня, правда, это не позволяла, но сейчас ее не было дома: готовилась в институте к сессии заочников. И морское сражение разгоралось без помех, наполняя комнату невидимым дымом канонады и боевым азартом...

За бригам "Арамис", которым командовал Салазкин, гнались Виталькин фрегат "Афродита" и трехдечный линейный корабль Паши Краузе "Три Адмирала". Вот-вот прижмут к отмели плоского острова Черная Поясница. Но тут Муреныш принес Салазкину удачу: волчок показал, что задул спасительный зюйд-ост. "Арамис" увалился до фордевинда и лихо ринулся в узкую протоку Кишка Крокодила, которая разрешила остров надвое. "Афродита" и "Три Адмирала" с величайшей досадой прекратили погоню: сунуться за "Арамисом" не позволяла малая глубина Кишки.

Ловкий маневр Салазкина позволил не только спасти бриг, но и вообще изменил ход сражения. У подветренного берега Черной Поясницы Кинтель на сорокапушечной "Оранжевой Звезде" отбивался от могучего линейного "Гаргантюа", на

котором воевал Дим. Виталик на "Красотке" спешил "Звезде" на помощь, но не успевал. "Арамис" вырвался из протоки и первым же залпом сделал в "Гаргантюа" дыру ниже ватерлинии. Тот осел на левый борт и два хода подряд не мог вести огонь...

Артиллерией всех кораблей распоряжался Андрюшка. Еще, он командовал шхуной "Флейта", но ее к тому времени утопили, и Андрюшка весь отдался "огненной потехе": азартно швырял на кожу гулкового барабана разноцветный кубик. Три грани кубика — белые, это значит промах. Одна желтая — попадание в надводную часть. Одна коричневая — повреждение рангоута и такелажа. А самая грозная — голубая: пробоина в подводной части. Вода хлещет, матросы кидаются к помпам, капитан орет: "Спокойно! Паникеров вышвырну за борт! Заткните дыру коком, он самый толстый!"

Извечное стремление Андрюшки к справедливости исключало всякую возможность, что он станет подыгрывать той или иной стороне.

...Пока "Гаргантюа" чинился, беспомощно обезветрив паруса, подоспела "Красотка", и под боевые вопли капитана Не Бойся Грома три судна пустили несчастный линкор в пучину Нетихого океана.

— Будем лежать на дне, трам-пам-пам, — печально мурлыкал Дим, — в синей прохладной мгле, трам-пам-пам... — Потом сказал: — Тебе повезло, Санечка, с зюйд-остом. А то оказался бы как бриг "Меркурий" перед "Селемие" и "Реал-бе-ем".

— Ну и оказался бы! — храбро заявил Салазкин. — Может, и отбилсЯ бы!.. И Корнеич в мой герб пожаловал бы рисунок пистолета. Как Николай Первый офицерам "Меркурия".

Корнеич уже не сидел над статьей. Он стоял над расстеленной на полу картой и задумчиво тер щетинистый подбородок.

— Здесь не очень-то похоже на ситуацию с "Меркурием"...

— Потому что перед "Меркурием" было открытое море, свобода маневра, — тоном знатока заметил Не Бойся Грома.

— Не в этом даже дело... — Корнеич, скрипнув ногой, сел на корточках. — Тут надо учитывать все сопутствующие обстоятельства. Может, Николай и не стал бы так возвеличивать подвиг "Меркурия", если бы не другие события. Нужно было в тот момент особо подчеркнуть, что есть на Черном море русские герои. Чтобы затушевать другие случаи, негероические...

— "Рафаил", да? — тихо сказал Кинтель. Не хотелось ему об этом, неуютно стало, но удержаться не смог.

— Да... — вздохнул Корнеич. — И, кстати, сдача "Рафаила" спасла, скорее всего, от неприятностей командиров брига "Орфей" и фрегата "Штандарт". Конечно, можно по-всякому судить их поведение, но как не крути, а "Меркурий" они бросили. Умчались от турок, благодаря хорошей скорости, а Казарского оставили на разгром... А потом, услышав канонаду, приспустили флаги: прощай, дорогой товарищ. Думали, что конец... Царь, видать, решил с ними не разбираться, чтобы не раздувать скандал, хватило и Стройникова...

Судя по всему, Корнеич хорошо знал этот случай. Да и другие были не новички в морской истории. Только Муреныш хлопал глазами.

Дим возразил:

— Все равно "Орфей" и "Штандарт" ничем не помогли бы "Меркурию". У турков же целый флот был, одних линейных кораблей шесть вымпелов. Никакой пользы от такого боя...

— Ну да, — хмыкнул Корнеич. — Их рассуждения были признаны здоровыми. Товарища бросить — это все-таки не флаг спустить. Можно сохранить видимость приличия. А вот капитана Стройникова не простили. И офицеров его. Труссы, говорят...

Что-то похожее на рассуждения деда было в то-не Корнеича. И Кинтель спросил с надеждой:

— А может, и не труссы, а... совсем другое здесь?

Корнеич внимательно посмотрел на Кинтеля. Словно догадывался о чем-то! (А ведь он ни о чем не знал, и ребята не знали, даже Салазкин.)

— Думаю, что было другое, — понимающе сказал Корнеич. По-мальчишески потер подбородок о колено, повертел в пальцах бриг "Арамис", поставил на карту. — Думаю, там, на "Рафаиле", столкнулись две правды...

— Разве так бывает, что две? — придиричиво спросил Андрюшка.

— Порой случается... С одной стороны присяга, честь флага и достоинство военного моряка. А с другой — заповедь Божья: "Не убий"... Мне кажется, Стройников ужаснулся, когда понял, что своим приказом к бою он просто-напросто убьет две с лишним сотни человек. Причем это ради одной идеи, потому что на исход войны тот бой, конечно, никак не влиял... Стройников не за себя испугался... Ведь после плена матросы могли вернуться, служить дальше, потом прийти в свои деревни, жить, землю пахать, детей растить... А он все это должен был зачеркнуть одной командой... Конечно, высокая доблесть — взорвать себя, не сдать врагу. Но мне кажется, Стройников счел, что есть еще более высокая доблесть. Пожертво-

вать своим именем, честью, шпагой, свободой, чтобы спасти других. По-моему, он знал, на что идет... И сколько матросских жен и детишек потом в сельских церквях за него свечки ставили...

"И я должен"... — толкнулось в Кинтеле. Но он проговорил со стыдливym упрямством:

— А чего же он, Стройников-то, в рапорте все на матросов свалил? Будто они не захотели воевать до смерти...

— Может, и правда кто-то не захотел, зароптал. Живые люди ведь... А суд не стал это подтверждать. Царю не понравилось бы, что на одном корабле столько трусов... А может, Стройников, когда все было позади, испугался уже за себя, решил таким образом оправдаться. У всякой человеческой твердости есть предел, и когда спадает напряжение, может наступить слабость... Бывает такое...

Он замолчал, и ребята тоже молчали. Со скрытой неловкостью. Потому что почували: говорил Корнеич не только про давние морские бои. Еще и про свою войну.

И, может, чтобы сбить напряжение, Паша Краузе кашлянул и вспомнил:

— Вот у декабристов тоже... Я читал недавно. Вроде все были храбрые, с Наполеоном воевали, а после восстания... в общем, некоторые и на допросах раскалывались, и друг на друга...

Корнеич, словно встряхнувшись, заступился за декабристов:

— Но потом, в тюрьме и в ссылке, ни один не упрекал другого. Хватило совести и чести...

А Кинтелю было хорошо, тепло так от этого, что здесь его спасли наконец от вины за "Рафаил". Корнеич спас. Конечно, никто не снимет официальных обвинений с капитана Стройникова, но теперь за него можно заступиться. Потому что в самом деле — сколько свечек было поставлено в память о нем!..

А разговор о декабристах показался Кинтелю тоже не случайным. Так бывает часто; одно как по заказу увязывается с другим. Кинтель весело поделился с друзьями:

— А в нашем доме тоже декабрист жил. Лейтенант Вишнеvский, из гвардейского экипажа. Мне дед рассказывал недавно...

Этот разговор с дедом случился накануне Нового года.

В декабре квартирные дела начали разворачиваться на удивление бойко. Уже нашлись желающие обменять свое трехкомнатное жилье на квартиру тети Вари и на новую однокомнатную, которую получит дед. И он должен был ее вот-вот получить, да в последние дни какие-то проходим-

цы устроили "поганую волокиту" с ордером. Ссылались то на предстоящую приватизацию жилья, то на неясности с законами.

— Ждут, когда я им "на лапу" положу! — негодовал дед. — Черта с два! Не дождутся, паразиты!.. Превратили СССР в СНГ, а кавардак остался прежний, что в Союзе, что в Содружестве... Тоже мне "содружество"! Две республики выясняют отношения с помощью ракет и тяжелой артиллерии, а остальные ничего не могут сделать...

— Тебя бы туда, ты навел бы там порядок, — ворчала тетя Варя.

— Меня там только и не хватало... Внутренние войска и те из Карабаха драпают.

— Тогда сиди, не воюй.

Но дед остывал не сразу и минут пять еще ругал и политиков, превративших страну черт знает во что, и чиновников, из-за которых Новый год придется встречать на прежнем месте, среди собранных заранее узлов, коробок с имуществом и увязанных в пачки книг.

— Ну и встретим! — не унывала тетя Варя. — И не такое бывало! А уж в новом году с новыми силами — переезд!

Несмотря на дикие цены, она купила на рынке килограмм говядины и полкило свинины, сделала фарш, раскатала тесто и усадила Кинтеля и деда лепить пельмени.

Пельмени Кинтель любил. Но сейчас веселому тети Вариному напору подчинился насупленно. Порой ему казалось, что тетя Варя командует им чересчур энергично и придиричиво. Будто он сам не знает, какие дела ему делать! До недавнего времени был хозяином в доме, пуще деда, а теперь... Нет-нет, да и вспоминался ему ноябрьский разговор с отцом. И думал Кинтель: "Если здесь такое, то на новом месте еще хуже начнется... А может, это нарочно? Чтобы я сам запросился к отцу..."

Впрочем, на этот раз Кинтель дулся лишь минуту. В новогоднем вечере всегда есть какой-то намек на сказочность, и не хотелось разбивать это настроение.

Готовые пельмени тетя Варя вынесла на мороз, а из дровяника притащила елочку. Славную, разлапистую.

— Вот! Утром какой-то пьяница у "Гастронома" продавал.

Дед заворчал. Он считал, что можно обойтись искусственной елкой, незачем губить природу.

— Так все равно уже срублена! Пускай будет у нас! — весело спорила тетя Варя. — Я с детства люблю, как елкой пахнет... Вы наряжайте, а еще пробегусь по магазинам...

Кинтель тоже любил новогодний запах елки. Не

сравнить с искусственной. И елочные игрушки любил. Среди них было несколько старинных: стеклянный полумесяц с потертой позолотой, картонный домик, в который раньше вставляли свечку, пять шаров с картинками, ватный лягушонок. Может быть, их вешали на рождественские елки еще Оля Чернышева и Никита Таиров.

Кинтель вдруг подумал, что этим игрушкам потом, на новой квартире, будет неуютно, непривычно. И портреты пра-прабабушки. И старой карте. Она ведь всегда висела здесь.

— Жалко... — вздохнул Кинтель.

— Что? — насторожился дед. Он осторожно вешал на елку розовый шар.

— Вообще... Плохо, что ли, нам тут жилось? Не тесно, вроде...

— Все познается в сравнении. Поживешь на новом месте, обратно не захочешь...

— Обратно и не получится, разломают... Ну, зачем разрушать-то? Крепкий еще дом. Можно было бы в нем какие-нибудь мастерские сделать. Или библиотеку. Вон детская библиотека на Первомайской в какой конуре...

— Я говорил в исполкоме. Чего, говорю, спешите-то? Ломать — не строить. А они все то же: генеральный план, магистраль от реки до театра... Не убедил. Говорят, сохраняются только памятники истории и архитектуры.

— А у нас, что ли, не памятник? Двести лет!

— И про то говорил. Мало того, вспомнил даже, что здесь одно время декабрист Вишневецкий жил. Управлял горными заводами в сороковых годах...

— Правда?! — подскочил Кинтель.

— Были такие слухи...

— А ты мне никогда не рассказывал!

— Я думал, ты знаешь... Да и чего рассказывать-то? Документами это не подтверждается. Может быть, просто легенда. Хотя мама говорила, что карта наша именно от него осталась...

— Ну, Толич, ты даешь... — обиделся Кинтель.

— Ни разу ни словечка!.. Ну-ка рассказывай.

— Ох и вреден ты стал... Ладно. Федор Гаврилович Вишневецкий. Как все тогдашние офицеры флота Российского, окончил морской корпус. Под командой капитана Лазарева ходил вокруг света на фрегате "Крейсер". На том самом, где был тогда и... — дед вдруг замаялся. Чертыхнулся шепотом, будто не может надеть петельку шара на ключую ветку.

— Где был тогда и Павел Степанович Нахимов, будущий адмирал, — ровным голосом закончил Кинтель. — Толич, ты по правде думаешь, будто при имени Нахимова меня колотит нервная дрожь? Хватит уж... Одно дело пароход, а другое адмирал...

— Так мне старому... — с досадливым удовольствием сказал дед. — Хорошо. Поехали дальше... К моменту восстания было лейтенанту Вишневецкому двадцать четыре года. Как сей офицер оказался среди заговорщиков, непонятно, в Тайном обществе он не состоял. Однако же восставших поддержал, отказался присягать Николаю, роту свою, что была в составе матросского гвардейского экипажа, вывел на Сенатскую площадь... Но тем и кончилось. Постояли на площади, увидели, что дело провалилось, и пошли обратно... А ночью голубчика взяли, как и многих... Ну, в разряд главных бунтовщиков Вишневецкий не попал. На допросах он упорством и доблестью, видимо, не блистал, утверждал, что старался удерживать своих матросов от активных действий. Что еще говорил, не знаю. Читал только, что Николай отмечал где-то: мол, показания Вишневецкого довольно любопытны... До суда помотали его по разным крепостям, потом сослали солдатом на Кавказ, через несколько лет он выслужился в мичмана, побыл еще на флоте, ушел в отставку. После того и сделался чиновником в Управлении горных заводов... Но я не уверен, что здесь жил именно он. Возможно, что его брат или даже однофамилец...

— Что ж это он из моряков-то ушел... — недовольно заметил Кинтель.

— Может, по службе продвижения не давали или здоровье подвело... А, возможно, и не был он сильно привязан к морской жизни... Другой декабрист-моряк, Завалишин, отзывался о нем в своих записках весьма не лестно. И, вроде бы, капитан Лазарев на "Крейсере" тоже не очень-то Вишневецкого любил...

— Подумаешь. Мало ли кого начальство не любит, — буркнул Кинтель. Ему стало обидно за Вишневецкого.

— И один из Бестужевых, Павел, по-моему, тоже писал о нем не слишком хорошо. Что Федор Гаврилович был человек неглупый и добрый, но все время роптал на свою судьбу, а это недостойно сильной природы... В общем, как видишь, тоже не герой...

— Почему "тоже"? — напрягся Кинтель.

Дед покосился через плечо.

— Ну, я имел ввиду капитан-лейтенанта Стройникова. О котором ты часто думаешь.

— С чего ты взял, что часто? Больно мне надо о нем думать!

Виктор Анатольевич сделал вид, что поверил.

— Ну и ладно... Попробуй-ка лампочки включать, горят ли...

Лампочки среди пахучих веток сказочно загорелись. Но досада у Кинтеля не прошла, он проворчал:

— А чего ты на них бочку-то катишь? И на Стройникова, и на Вишневого. Будто они самые последние гады...

— Я?! Что ты, мой милый... Я им в судьи не гожусь, потому как сам далеко не герой. Если бы ты знал, сколько у меня на совести совсем даже не храбрых поступков...

Кинтель поморщился. Такие фразы прорывались у Толича и раньше — в грустные минуты. Не часто правда... Пришлось теперь заступаться за деда перед дедом же:

— Это хоть у кого есть на совести. А есть и другое! Ты же сам рассказывал, как с парашютом прыгал, когда в санитарной авиации служил.

— Ну, прыгал. Один раз... Куда не прыгнешь, если приспичит... Это было совсем не романтично и чертовски страшно. А главное — зря...

— Зря?! Ты не говорил... Больной все равно умер, да?

— Если бы так, это имело бы, по крайней мере, оттенок благородной трагедии. А тут сплошной водевиль. Парень украдкой перебрал казенного спирта и маялся с перепоя, а друзья на базе решились, что кончается, дали радиограмму...

Кинтель сказал с хмурым ехидством:

— Бывает, что и с перепоею помирают. Или тогда помогать не надо? Потому что тоже не герой?

— Экий ты сегодня... Может, у тебя двойка за полугодие? Или со своим Салазкинским поругался?

— Мы с ним никогда не ругаемся. А дневник я тебе вчера на подпись давал... Ты скажи лучше: если в человеке ничего героического, значит, он вроде как и неполноценный, да?

— Во-он ты о чем... Это вопрос многоплановый. Поставленный, так сказать, самой российской историей.

— Почему?

— Такая наша жизнь. Даже песня была в недавние времена: "Когда прикажет страна быть героем, у нас героем становится любой..." А не хочешь подвиги совершать, мы тебя... Вот и шло деление: или ты герой, или дезертир и враг народа... А те, кого еще не определили, кто он есть, жили смиренненько и ждали, как оно повернется. Потому что вроде бы не люди, а так... единицы населения. С ними чего церемониться? Можно и за проволоку, и стрелять тысячами не жалко... Впрочем, и с героями не церемонились...

— Я же не про советские времена, а про те, что раньше!

— А корни-то куда уходят? В это самое раньше... Его величество Николай Павлович разве не так поступал?. "Ах, ты не хочешь, сукин сын, быть героем? Так мы тебя им сделаем!" Солдатскую шинель на плечи и на Кавказ ша-агом

марш... А то и в крепость. Для обретения правильности мыслей... А другие величества? Тот же Петр Великий...

— Ну, Петр-то, он все-таки по правде великий был! Флот построил. И вообще он думал не о себе, а о стране!

— А Николай Первый? Думаешь, он за себя переживал? Тоже за великую Россию! За такую, как он ее себе мыслил. Чтобы всюду порядок, все ходили по струночке, а другие государства нас боялись и чтили... По сути дела он сам был раб этой системы.

— Ты скажешь! Царь и раб...

— Раб своих убеждений... Кстати, по дурацкой нашей традиции его изображают этаким безмозглым и бессердечным фельдфебелем. А это был умный человек. Бюрократов и проходимцев-чиновников не терпел. Отличался честностью... Например, был такой случай во время Крымской войны. Изобретатели предложили вести разведку с воздушных шаров, а он запретил: неблагородно подглядывать за противником с воздуха...

— Ну и дурак, — буркнул Кинтель. — Англичане тогда вон сколько военных хитростей применяли...

— Дурак, говоришь? Это как посмотреть. Рыцарство и дурость смешивали во многие времена... Кстати, не чужд он был и вполне человеческим чувствам. Ребятишек любил. В морском кадетском корпусе была резервная рота, мальчишки лет девяти, и его величество весьма жаловал их отеческим вниманием. Иногда звал в гости и прямо во дворце устраивал с ними ребячью возню. Императрица войдет в покои, а ее муженек с пацанами катается по ковру, и все орут от веселья...

— Подумаешь, Гитлер тоже, говорят, любил с детишками поиграть...

— Тыфу на тебя. Ты на все найдешь ответ.

— А если он, Николай, такой хороший был, зачем декабристов повесил?

— Я разве говорю, что он был хороший? Но он был *тоже человек*. А пятерых декабристов повесили по решению суда. С точки зрения тогдашних законов (да и нынешних, кстати) это было вполне обоснованно. Они с оружием в руках пытались свергнуть существующий строй... И на кой черт Каховскому на площади надо было убивать генерала Милорадовича, героя войны с Наполеоном... Кстати, нашим августовским "героям", что сидят в Матросской Тишине, тоже "вышка" грозит, хотя и царя у нас нет, и по сравнению с декабристами они мокрые суслики... Но это все хотя бы по суду. А сколько миллионов, считая с семнадцатого года, угробили без всяких судов и следствий! Николай

— невинная овечка на фоне наших "социалистических завоеваний"...

Кинтель вновь представил желтый обрыв над морем, неторопливый стук пулеметов. И люди ложатся, как бумажные солдатики. И пропадают за кромкой... Никита Таиров падает — не врангелевский поручик, а мальчик в белой блузе с матросским воротником... А девочка Оля бежит к нему сквозь колючие сорняки, беззвучно кричит, а колючки рвут ее платье.

Странно, что Кинтель об этой девочке вовсе не думает, как о своей будущей прабабушке. Наверно, потому, что никогда он ее не видел, она умерла задолго до рождения Кинтеля. Он даже представить ее взрослую не может отчетливо. А девочку Олю видит как живую. Как маленькую скрипачку... И тихая знакомая музыка — та, от которой всегда теплела душа, — пришла к Кинтелю.

Было уже полутемно. Елочные лампочки, послушные переключателю, ритмично мерцали, кидали на стены разноцветные отблески. Искрились остатки позолоты на раме портрета, на фарфоровом циферблате, на дверных ручках. Ручки эти — старинные, на широких пластинах, с фигурными шишечками, были покрашены той же краской, что и дверь. Только середина их, вытертая ладонями, всегда блестела чистой медью. Однажды Кинтель предложил деду отвинтить ручки, отскрести от краски, пусть сияют как медяшки на корабле! Но дед недовольно сказал, что их покрасила его мама много лет назад и потом отвинчивать не позволяла. Потому что есть, вроде бы, такая примета: беспокоить и свинчивать ручки с дверей — это к пожару и другим несчастьям. Кинтель хотел было возразить, что прабабушки давно нет, а приметы — это пережиток, но не решился...

В первых числах января дед получил ордер, и дело с обменом опять закрутилось. Переезд ожидался в середине месяца. Вот уедут Рафаловы, и останется в доме лишь одна семья — Зыряновых. Но и она сидит на чемоданах. К февралю дом опустеет совсем. Разве что тень бывшего морского лейтенанта Вишневого будет ночами бродить по холодным комнатам.

...Услышав о декабристе, Корнеич насторожился.

— Постой, постой. В музее, по-моему, ничего об этом неизвестно... Если такой факт подтвердится, это меняет дело. Можно было бы дом-то и отстоять.

— Да декабрист-то незначительный, — виновато сказал Кинтель. — Говорят, не герой вовсе.

— Герой — не герой! Все равно история...

Паша Краузе — человек спокойный, но решительный, — предложил:

— А давайте, как освободится дом, въедем явочным порядком. И будет у "Тремолино" двухэтажная резиденция.

Корнеич думал о чем-то, терзал пальцами подбородок. Отозвался рассеянно:

— Ага, въедем, а потом придут натренированные мальчики в сером, с дубинками. Они такие операции любят: и риска никакого, и плюс в отчете... Кстати! — он глянул на Кинтеля и Салазкина. — К ним в управление подался наш общий знакомый! Следователь Глебов! Помните?

— И очки не помешали? — весело удивился Салазкин.

— В контору же, в штаб. Видимо для укрепления юридической платформы. Я с ними разбирался недавно по поручению редакции. Они шумно навестили один кооператив, якобы для проверки, не имея на то оснований...

— А Диана ушла в спецшколу для слаборазвитых, — сообщил Кинтель. — Сказала на прощание: "Что здесь, что там — одинаковые дебилы, но там хоть зарплата повыше..."

— Скатертью дорога, — отозвался Корнеич. — А что ты еще знаешь о Вишневеком?

Кинтель пересказал, что слышал от деда.

— В одной комнате можно было бы морской музей сделать... — задумчиво проговорил Паша Краузе. — А внизу мастерские...

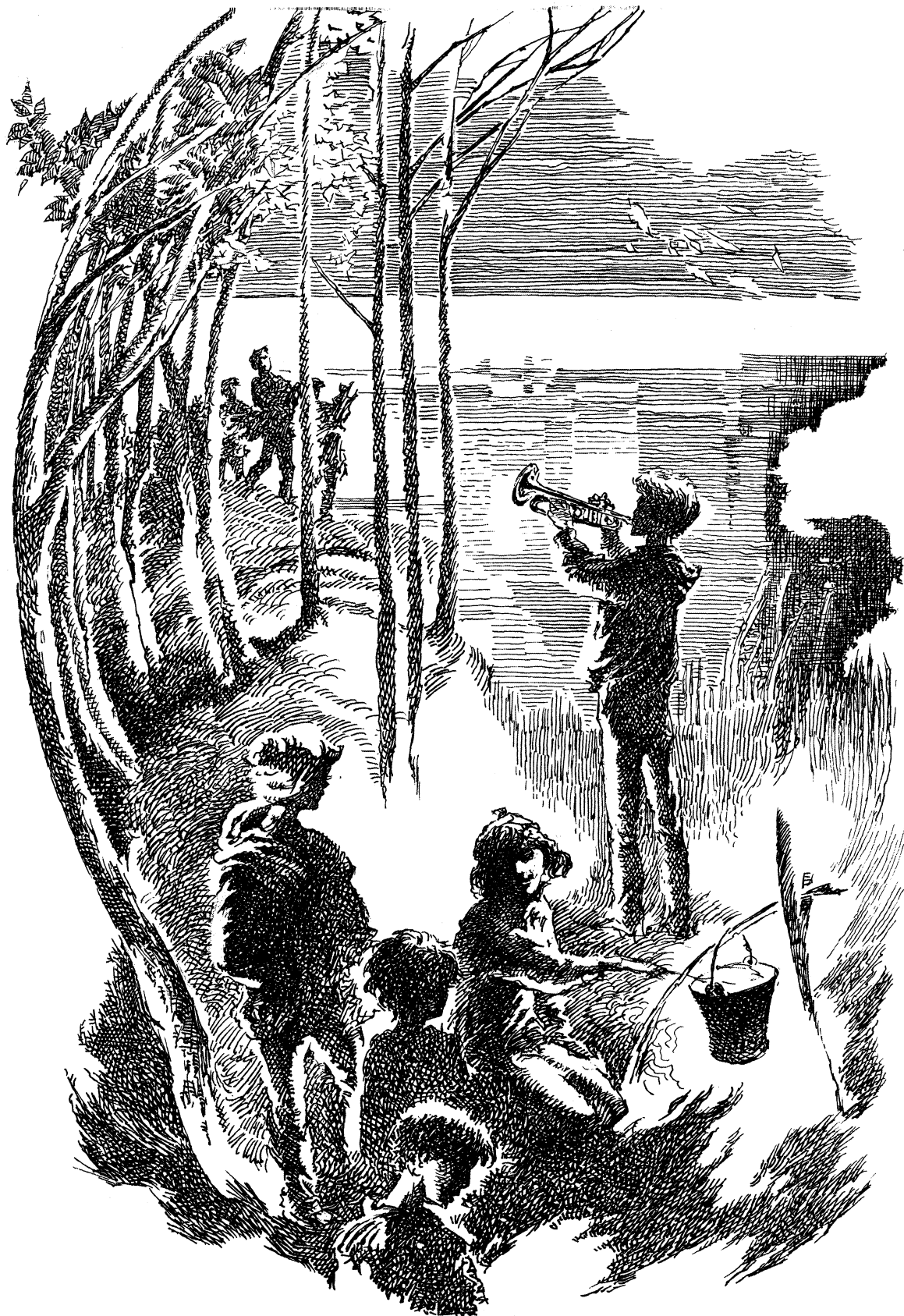
— Тише, — с шутливым испугом, но наполовину серьезно попросил Корнеич. — У меня мелькнул проблеск идеи. И надежды. Но пока ни слова об этом, чтобы не сглазить...

Ни слова так ни слова. И заговорили о прежнем. Кинтель сказал неловко:

— Если бы у Стройникова тоже был хоть проблеск надежды, он бы ни за что не сдался.

— В том-то и дело! — резко откликнулся Корнеич. — А у него не было никакого просвета... Кстати, ни в одной цивилизованной стране сдачу в плен при безвыходных обстоятельствах не считают преступлением. Потому что жизнь человеческая — не мелочь для размена... А у нас даже в мирное время... В восемьдесят первом году в шведских шхерах села на мель советская подлодка "У — сто тридцать семь". Видать вела разведку и напоролась. А недавно в "Известиях" один офицер признался, что у них был приказ: закупорить люк и взорвать лодку вместе с людьми, если шведы попытаются взять ее. А там пятьдесят шесть человек... Хорошо, что у шведов хватило ума не соваться.

— Решили, что себе дороже, — с зевком сказал

Паша Краузе. — На лодке-то, говорят, были атомные торпеды.

Любивший точность Андрюшка напомнил:

— Но ведь потом в "Известиях" была и другая статья, там написано, что все это неправильно...

— А потом была и третья. И четвертая, — вздохнул Корнеич. — Одни настаивают, другие опровергают... А не бывает дыма без огня...

Вмешался Дим, произнес скучным голосом:

— Вот как начнут Черноморский флот делить, хватит тут и дыма, и огня... Одни под желто-блукитные флаги захотят, другие под андреевские...

— Каховский звонил из Севастополя, — отозвался Корнеич. — Говорит, город митингует. Нельзя, мол, флот Украине отдавать и город тоже...

— Ну, правда нельзя! — подскочил Не Бойся Грома. — Это же все русское! Нахимовское... Жалко же...

— Жалко, что и говорить, — согласился Корнеич. — Особенно город. Даже в голове не укладывается. Севастополь — и вдруг будет за граница... А флот... Если всерьез разбираться, он, такой громадный, ни Украине, ни России не нужен. С кем воевать-то сейчас? Конечно, военные найдут кучу причин, чтобы такую армаду содержать, да на это же столько миллиардов надо... Все равно кончится распродажей или резкой на металл... Лишь бы в самом деле крови перед этим не было. Найдутся ведь умники и здесь, тоже закричат: ничего не отдадим, костями ляжем, не сдадимся!

Все помолчали, словно какую-то виновность почувляли.

Паша Краузе так же спокойно, как о всем прочем, только потише, спросил:

— Корнеич, а в Афгане сдавались?

— Всякое бывало... Стволы направят в пузо — куда денешься...

— Но ты же... — сказал Паша совсем негромко, — не сдался тогда...

Корнеич не нахмурился, не показал, что говорить об этом не стоит. Но легкая неохота скользнула в голосе.

— Да я уж объяснял ведь: надо было дать ребятам отойти подальше. К тому же была какая-то надежда... — Корнеич посмотрел на Кинтеля. — Как у брига "Меркурий". Хоть маленькая, но была. Вот она и оправдалась. В обоих случаях... Надежда — вообще великое дело. Иногда небывалые чудеса сбываются...

Кинтелю показалось, что Корнеич говорит не о себе. И не о "Меркурии". А о нем, о Кинтеле. Словно прочитал его тайную и давнюю надежду на чудо. Но откуда Корнеич мог знать? Тайну эту ведал лишь Салазкин, а он человек железный.

Кстати, именно по совету Салазкина Кинтель написал в конце декабря открытку. И опустил ее в ящик номер двенадцать в крайнем подъезде дома на улице П.Морозова. На открытке было: "Мама, поздравляю тебя с Новым годом". Подпись поставить Кинтель не посмел, а слова написал печатными буквами. И после этого за все каникулы не решился пойти в сквер с поваленным памятником, поглядеть на знакомое окно.

...Кстати, похищать и прятать памятник не пришлось. В те же сентябрьские дни, когда Кинтель и Салазкин вновь пришли на разведку, статуи в сорняках не оказалось. Наверно, увезли на переплавку.

ПУСТОЙ ДОМ

Тетя Варя всю жизнь работала медсестрой. Сперва обыкновенной, потом старшей, потом сестрой-хозяйкой. Она была невысокая, сухонькая, быстрая, с решительным нравом. Казалось, ее с рождения запрограммировали на преодоление жизненных трудностей. С дедом они были знакомы со школьных или даже с дошкольных времен (как Алка Баранова и Кинтель). Была ли между ними когда-то жаркая любовь, Кинтель не знал. Но то, что два дружных пожилых человека решились сойтись и жить вместе, чтобы не коротать век вдовой и бобылем, Кинтелю было понятно. Тем более, что тетя Варя ему нравилась. Он всегда покорялся ее веселому напору. И даже безропотно сносил от нее всякие процедуры и уколы, когда схватил однажды жестокою ангину.

И все-таки, все-таки... Что-то последнее время было не так. Засел в глубине души колючий шарик досады. И порой хотелось огрызнуться или хлопнуть дверью. Может, правда — переходный возраст? Или догадка, что в общем-то он, Кинтель, нужен тете Варе далеко не в первую очередь (или даже совсем не нужен). А прежде всего нужен ей Толич.

Впрочем, Кинтель сдерживался...

Переехали в конце января. Новая квартира была в пяти кварталах от прежней, в девятиэтажном корпусе на улице Титова. На шестом этаже. Трехкомнатная, с телефоном. Одну комнату Кинтелю выделили в полное распоряжение. И оказалась она гораздо больше той, в которой он обитал раньше. Живи да радуйся.

Но Кинтель не радовался. Раздражал его невысокий потолок, узкие (ненастоящие какие-то) подоконники, постоянный шум улицы за непривычно широким окном. Все чужое...

Чтобы не порвать с прошлым окончательно, Кинтель постарался собрать в своей комнате по-

больше привычных вещей. Хмуро, не спрашивая деда, повесил над своим столом старую карту полшарий, а над постелью — портрет пра-прабабушки. Толич не спорил, вздыхал только.

Первые ночи на новом месте Кинтель почти не спал. Мешал рокот моторов, мешали чьи-то шаги вверху, над потолком. Казалось, что и снизу, и даже из-за стен слышны чужие голоса...

Кинтель жаловался Салазкину:

— Понимаешь, как-то жутко даже делается, когда представишь: над тобой люди, а над ними еще, а над теми снова... И внизу тоже. И по сторонам... Какое-то многоклеточное пространство, у меня голова пухнет.

Салазкину, который с рождения жил в многоэтажных громадах, такие чувства не были знакомы. Но он сочувственно кивал.

Впрочем, с Салазкинским Кинтель теперь виделся реже. После зимних каникул семиклассники стали учиться с первой смены, а пятиклассники остались со второй. Так что можно было встречаться по вечерам, на короткое время, или в выходные. Чаше всего встречались у Корнеича. "Тремолينو" собирался там в среду и в воскресенье. Чаше было неудобно: у Корнеича и Тани и без этого дел невпроворот: и работа, и семейные заботы, и учеба. Только Муреныш там дневал и ночевал...

В среду сбегались вечером, на часок, а в выходной бывало, что и на полдня: строили планы на лето, мечтали о новой шхуне, раскидывали на полу громадную карту для игры... Но были и учебные занятия: по устройству судна, по морским узлам, по сигналам, по маневрированию парусников. И тут Корнеич спрашивал строго. Даже с Муреныша и маленького Костика...

В новой квартире хватало забот: каждый день надо было что-то прибавить, переставлять, налаживать. Больше времени стало уходить и на другие дела. С продуктами в январе сделалось совсем паршиво, даже на хлеб ввели талоны. И, конечно, всюду очереди. Торчишь перед булочной на морозе, среди скандальных теток, три часа ради двух батончиков... Да что там хлеб, если даже соль по талонам! И цены совершенно взбесились. Называлось "либерализация", то есть "освобождение"... На фиг она нужна такая свобода! Правда зарплату людям тоже повысили. Но толку-то... Дед однажды принес аж целую тыщу. Двумя бумажками по пятьсот рублей. Похвастался ими перед Кинтелем. Но тут же добавил, что раньше на такие деньги семья могла тянуть полгода, а теперь куда их? Только... Да и то не годятся, потому что бумага жесткая...

В очередях говорили, что правительство совсем спятило, и на кой черт надо было в августе стро-

ить баррикады и защищать демократов. Кое-кто, однако, за правительство заступался (больше мужики): мол, президент и министры сами хлеб не сеют и, если семьдесят с лишним лет коммунисты довели матушку Россию до ручки, чего теперь искать виноватых. Ладно, что хоть нет пока стрельбы как в Карабахе и Цхинвали...

А в школе уроков стали задавать столько, что если все готовить, суток не хватит. Особенно старалась учительница, пришедшая вместо Дианы. Умная тетка, рассказывала интересно и не орала зря, но замучила сочинениями. Кончилось тем, что семиклассники создали стачечный комитет во главе с Артемом Решетило. Комитет потребовал: сократить домашние задания так, чтобы тратилось на них не больше часа. Потому что домой приходишь после двух, а в три уже сумерки, голова гудит, и тянет в сон от такой жизни. А кое у кого дома еще и батареи не работают. Попробуй, попиши, когда руки стынут... Педсовет, конечно, в крик:

— Если хотите бастовать, а не учиться, скатертью дорога! Нынче никого насильно не держат!

Семиклассники в ответ:

— А вы не бастовали, да! Сами затащили программу, а теперь на нашем горбу...

Учителя сдали позиции. А домашние сочинения с перепугу отменили совсем...

Как ни занят был каждый день Кинтель, а все же выпадали и свободные часы. И куда деваться? Салазкин в школе, Корнеичу надоедать неловко. И от такой неприкаянности да еще от печали по старому гнезду начал Кинтель захаживать на родную улицу Достоевского. Там пацаны залили на пустыре каток и соорудили изрядных размеров ледяную горку. Побалдеешь в шумной компании, разомнешься — и легче на сердце.

А иногда пробирались в старый дом. Он стоял теперь пустой и темный. Последнее семейство, с Витькой Зыряновым, выехало почти сразу за Рафаловыми. Окна были заколочены, но никто дом, конечно, не охранял: откуда у ЖКО ставка для сторожа?

Во всех квартирах в свое время были поставлены батареи, но печки сохранились. В кухне на первом этаже ребята облюбовали маленькую плиту. У нее-то и собиралась иногда "достоевская" компания. Разожгут дрова, сядут у раскрытой дверцы на чурбаках, грызут семечки, травят анекдоты? Хорошо у огонька, хотя порой и грустно почему-то...

Джула сказал однажды:

— Ты, Кинтель, как уехал, дак чаще прежнего бывать с нами стал.

— Ностальгия...

— Чего? — удивился необразованный Эдька Дых.

— Тоска по родине, дубина, — сказал ему Джула. — Это по-научному, тебе не понять.

— Где уж мне, с дворянами не дружим.

— А они там не люди, что ли? — огрызнулся Кинтель.

— Да вроде люди, — сказал Джула. — Команду склепали, пришли к нам на каток: айда, ребята, "шайбу-шайбу". Ну, ничего, поиграли. Один раз только драчка вышла, один у них там шибко нахальный...

— А все равно мы их на нашу горку не пускаем, — гордо заявил Гошка Полухин, именуемый Рюпой. Джула возразил:

— Это смотря кого. Санька Денисов, дружок твой, Кинтель, тут часто крутится по утрам. И еще несколько. Ничего, нормальные парни...

— Вы только сюда Саньку не зовите, — попросил Кинтель. — Незачем ему...

— Это само собой, — согласился Джула. И достал мятую полупустую пачку "Космоса". Компания обрадованно охнула. Закурили все, кроме Рюпы, которому Джула показал дулю: "Подрасти сперва". Посмолил сигарету и Кинтель. Не потому что хотелось, а так, под настроение. Старые приятели вокруг...

Во рту потом было противно, по дороге домой Кинтель плевался и даже снег пожевал, дома старался дышать осторожно, в сторонку. Но дед унюхал:

— Табачком баловаться изволили? А как же наш обет?

— Это ж когда было!.. А ты тоже нарушал! Обещал больше одной рюмки вечером не принимать, а сам...

— Ты не выкручивайся.

Но Кинтель выкручивался:

— Я и не затягивался, просто так в рот сунул разок, за компанию...

Тетя Варя сказала почти всерьез:

— Еще раз такое дело, и сниму я с тебя штаны. Таковую "компанию" пропишу... У меня медицинский жгут есть, первое средство от любви к никотину.

Кинтель вспомнил Салазкина, хмыкнул, поехал. Перевел все в грустную шутку (в шутку ли?):

— Вот уйду я от вас, будете знать...

— Куда это ты уйдешь? — насмешливо спросил дед.

— Найду куда... Обратю в старый дом!

— Валай... Только его вот-вот сроят.

— А вот это уж фиг! — У Кинтеля прорвалась торжествующая нотка. Потому что он знал: Кор-

неич не сидит сложа руки. Насчет дома развернул он бурную кампанию. Уже была договоренность с кооперативом "Орбита" (где работал теперь бывший трудовик Геночка), что дом общими силами постараются отстоять. И тогда одна половина помещения — "Орбите", а другая — "Тремолино". И "Орбита" обещала даже сделаться спонсором отряда. Потому что для кооператива выгодно помогать детским коллективам, меньше берут налогов. Да и вообще ребята в "Орбите" были неплохие, готовые помочь не только ради выгоды, но и от души. Двоих там Корнеич знал еще с афганских времен.

Чтобы легче было отстоять дом от разрушительных архитекторов, Корнеич в музее раскапывал сведения о декабристе Вишневском. Никаких документов, что Вишневский жил на улице Достоевского (бывшей Купеческой), не нашлось. Но имелись сведения, что он все-таки бывал в Преображенске. И Корнеич на свой страх и риск пустил по городу слух, что чиновники готовятся снести дом, связанный с историей декабристов. Заволновалось Общество охраны памятников...

А людям из отряда "Тремолино" уже снились комнаты морского штаба, украшенные картами и атрибутами корабельной жизни. И музей парусного флота с портретами моряков-декабристов. И мастерская, где растет на стапеле корпус новой шхуны...

Может, недалеко уже время, когда оживет старый дом, вспыхнет в его окнах свет.

Кинтель зажмурился и будто наяву увидел, как в доме одно за другим загораются высокие окна. И тут вспомнил другое окно — то, на пятом этаже. На улице П.Морозова.

Кинтель ходил туда после зимних каникул несколько раз, но каждый вечер окно было темным. И такая же темная тревога приходила к Кинтелю. Подумалось даже: "А вдруг она после той открытки уехала навсегда? Потому что не хочет ничего знать про меня..."

Не выдержал Кинтель, поделился тревогой с Салазкиным,

Тот смутился почему-то, но постарался успокоить Кинтеля:

— Может, уехала в отпуск. Или работает сверхурочно, машинистки теперь нарасхват. Папе надо было статью перепечатывать и он еле договорился...

Возможно, все было именно так. Но тоскливое беспокойство порой накатывало на Кинтеля. Накатило и сейчас. К счастью, затрещивил в прихожей телефон. Тетя Варя сказала:

— Ваша табачная светлость, возьмите трубку. Кинтель взял. И обрадовался:

— Салазкин! Ты откуда звонишь?

— От подъезда... Даня, можно я у тебя переночую? Мама с папой на свадьбу к знакомым уходят, а мне... ну не хочется одному. И мама волнуется: вдруг, говорит, ночью грабители загребут тебя... Меня то есть...

— Чего ты долго объясняешь! Беги скорее!

Салазкину и раньше случалось ночевать у Кинтеля. Так, для интереса. Хорошо лежать в полумраке и шептаться до середины ночи обо всем на свете.

Тетя Варя догадалась, о чем разговор.

— Вот и хорошо. А то мы с Толичем в кино собрались. — Она деда тоже называла Толичем. — На восемь часов. "Унесенные ветром", три серии. Придем к полуночи...

— Гуляйте, ваше дело молодое, — буркнул Кинтель. Увернулся от подзатыльника. Тетя Варя спросила:

— Надеюсь, ты не с Саней приобщался к никотиновому зелью?

— Еще чего! И не вздумайте ему сказать!

— Тогда иди вычисти зубы, а то и говорить не надо...

Кинтель добросовестно вычистил.

Салазкин появился на пороге, когда дед и тетя Варя уже ушли.

— Ты не думай, что я боюсь один дома оставаться. Просто...

Кинтель втащил его в комнату.

— Ух и замороженный! Пошли чай пить. Полбанки сахарной смородины в полном нашем распоряжении.

Усидели эти полбанки. Порассуждали про отрядные дела, посмотрели с середины вторую серию "Узника замка Иф", потом — программу новостей. Новости все были уныло-скверные.

Затем на экране заплясали длинноногие девицы в чулках с подвязками и без юбок. Кинтель плюнул. В одиночку он, может, и поглядел бы с минуты на такое дело, но при Салазкине стеснялся. Переключил. По второй программе шел концерт иного рода. Певец в длиннополой шинели надрывно вопрошал:

Поручик Голицын! А может, вернуться?!
Зачем нам, поручик, чужая земля?!

Хорошая песня, но сколько можно одно и то же! Тем более, что было ясно: возвращаться нельзя. Иначе — обрыв над морем и хриплые от науга пулеметы...

По Ленинградскому каналу мелькнул обрывок мультлика, потом диктор сказал, чтобы смотрели передачу "Этот непростой девяносто первый" — по итогам прошлого года. И началось опять то,

что видели тысячу раз: бывший вице-президент Янаев, страдающий насморком и дрожанием рук; танки перед белым домом, депутаты, президенты, генералы... Пустые постаменты памятников. Потом — кричащие женщины-осетинки, бой на проспекте Руставели в Тбилиси, пальба в Карабахе... И мальчик лет восьми с черными пробоинами на белой рубашонке — упал ничком и в предсмертном усилии пытается вцепиться в асфальт...

— Ну что за гады... — со стоном сказал Кинтель. — Ну, совсем уже сволочи психопатные...

— Он опять включил Малинина, убавил звук.

Салазкин сказал:

— Меня мама в магазинные очереди не пускает. Говорит, на той неделе в "Гастрономе" на Кировской мальчика задавили насмерть. Толпа к прилавку разом придвинулась, а там поручень такой из трубы. Его как раз шеей на эту трубу...

— Слышал я... Ну и правильно, что не пускает тебя...

— А кто должен? Они с отцом оба на работе...

Кинтель выключил телевизор.

— Давай ляжем. И поразговариваем...

— Да! О чем-нибудь хорошем, — согласился Салазкин. Но как-то неуверенно.

Разделись, залезли под одеяла. Кинтель — на свой старый диван, Салазкин — на раскладушку. Кинтель оставил включенной настольную лампу. Помолчали. Ничего хорошего для разговора в голову не шло.

— Дед хочет свою коллекцию значков в комиссионку отнести, — вздохнул Кинтель. — Потому что зарплату сколько ни прибавляют, а цены еще страшнее скачут, как бешеные... Я говорю: не надо, протянем как-нибудь...

Салазкин неуверенно спросил:

— А отец... он не помогает?

— Подбрасывает иногда. Но ему еще и тете Лизе с Регишкой платить приходится.

— Алименты?

— Ну, вроде. Только не по суду, а он сам... А мне сказал: "Я ведь тебя не прогонял. Жили бы вместе и никаких вопросов..."

В этот миг проснулся телефон. Кинтель побежал в прихожую. Крикнул оттуда:

— Салазкин, это тебя!

Звонила мама.

— Ну да! Конечно! — досадливо отвечал Салазкин в трубку и переступал босыми ногами. — Не волнуйся ты, пожалуйста, все у нас в порядке. Мы уже легли... Ну и что же, что рано! Поболтаем, потом спать... Ты больше не звони, а то мы уснем, а тут опять трезвон... Спокойной ночи.

Он вернулся, сел на раскладушку.

— Что поделаешь. Она всегда такая беспокойная из-за меня...

— Радуйся, глупый. Ты же счастливый...

Это у Кинтеля впервые вырвалось такое. Неожиданно.

Салазкин быстро глянул исподлобья. Зацарапал на колене родинку. Кинтель проговорил уже иначе, грубовато:

— Ложись давай. А то простынешь, от окошка тянет...

Салазкин не лег.

— Даня... я хочу тебе признаться... — Он вдруг встал, щуплый, виноватый, затеребил подол майки. Кинтель дернулся от испуга за него:

— Что случилось?

— Даня... Дело в том, что я знаю, почему в окне было темно. Там...

Кинтель приподнялся. Салазкин говорил почти шепотом.

— Я тебе не рассказывал, чтобы не расстраивать. Но я узнал там, у соседской девочки. Она сказала, что Надежду Яковлевну увезли в больницу. Прямо в Новый год...

— Что с ней?!

— Этого я не знаю... Но ты не бойся, теперь она уже вернулась! Честное слово!

— Откуда ты знаешь? — Кинтель уже сидел. А сердце стучало неровно, нехорошо так.

— Я узнавал. И окно вчера светилось, я сам видел...

— Правда?

— Да!.. Ты не сердись, Даня... Ты все равно ничем бы не помог, только измотался бы весь...

Что было делать? Выругать Салазкина? Но он и так вон какой несчастный... Да и в этом ли главное?

— Но оно правда светится?

Салазкин растопырил локти и приложил к груди кулачки:

— Я же сказал!

Кинтель помолчал, зябко потирая плечи. И жалобно попросил:

— Санки, давай съездим туда, а? Сейчас... Если она правда дома, то, наверно, еще не легла и в окошке опять свет...

"Я понимаю, Санки, что это глупость. Бредятина просто. Но я не успокоюсь, пока не увижу сам. Ты, наверно, думаешь: вот дурак, переться по морозу..."

— Или ты лежи, а я сгоняю один. Я быстро...

— Ты определенно спятил. "Один"! — И Салазкин прыгнул к табурету с одеждой...

Окно светилось. Над мохнатой от инея изгородью, над заснеженными ветками горел в искрящемся от мороза воздухе желтый прямоугольник складчатых, просвеченных лампой штор. И даже неторопливая тень прошла по ним один раз.

Стояли недолго. Колючий холод хватал за щеки, за нос.

— Все в порядке, — выдохнул Кинтель и ощутил, как из губ рванулся теплый парок. — Пошли, Санки...

Они зашагали назад по скрипучей от плотного снега аллее. Опустевший постамент памятника весь был в изморози, она серебрилась под фонарем. И какой-то гад вывел по ней пальцем кривую свастику. Кинтель стер ее двумя яростными ударами варежки. Вдали звякнул трамвай.

— Бежим, Санки...

Когда вернулись, то еще через дверь услышали, как надрывается телефон.

— Это наверняка мама! Даня, скажем, что крепко спали!

Но это была не мама Салазкина. Незнакомый мужчина озабоченно спросил:

— Извините, это квартира Виктора Анатольевича Рафалова?

— Да... Но его сейчас нет.

— Простите, а вы, наверно, Даня?

— Да... — От непонятного страха стало пусто в груди.

— Видите ли какое дело. Вам звонит сосед... бывшей жены вашего папы. Ее неожиданно увезли в больницу. А девочка вся в слезах. И очень просится к вам... Вы меня слышите?

— Да... — потерянно сказал Кинтель. И встряхнулся. — Да, я слышу! Мы едем сейчас!

— Видите ли, она могла бы побыть и у нас. Но очень плачет: только к Дане и ничего другого...

— Я понял! Я еду!

— Простите... именно вы?

— Но дедушки же нету! Он придет совсем ночью!

— Не надо ехать. У меня рядом гараж, и машина, к счастью, на ходу. Я привезу девочку сам.

(Продолжение следует)

Те, кому попал в руки номер "УС" за март 1993 года, наверняка помнят статью екатеринбургских социологов, сотрудников Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук С. Мошкина и В. Руденко "Глядя на взрослые игры",

в которой они рассказали о результатах опроса уральских дошколят на серьезные политические темы. Во всяком случае, в почте журнала — немало откликов на публикацию от родителей, бабушек, дедушек, благодаря ей в чем-то открывших собственных детей.

Не ушла работа ученых и от внимания обстоятельной научной общественности.

Для продолжения этих исследований им выделен грант (дежневая поддержка) престижного Демидовского фонда (подробней об этом см. "УС" № 1-94. "Лауреаты Демидовского фонда").

Сегодня вашему вниманию предлагаются обобщенные итоги следующего опроса, проведенного авторами уже среди ребят постарше, — читателей детских библиотек Екатеринбурга, по инициативе муниципальной библиотеки. Но прежде одна оговорка. Возможно, кому-то покажется обидным и даже злым вынесенное в заголовок словечко "екатеринбургер", рискующее стать ярлыком. Поясняю: название — мое, редакторское, С. Мошкин и В. Руденко с ним лишь согласились.

А выбрано оно по той причине, что, на мой взгляд, довольно точно отражает основной смысл их текста: российские дети "переходного периода", которым представлена полная свобода самим разбираться во всех проиллюстрированных морали, этики, патриотизма и других сложнейших даже для сверхискушенных душ и умов материях, все более жадно впитывают в себя совсем не лучшие черты импортной культуры и психологии, оставаясь одновременно носителями далеко не самых благородных и цивилизованных манер постсоветской люмпен-среды.

Да в конце концов, мы же сами с некоторых пор легко клеймим наших подростков заимствованными определениями с английским окончанием "ер": "тинейджер", "рокер"...

Отчего бы не соединить его с именем родного города, по подобию известного бутерброда?

В самом деле, звучит нелепо, грубовато, но и — горько.

Так может быть, в очередной раз определив, назвав и испытав при этом чувство горечи, поймем, что нельзя, ни в коем случае нельзя даже в самые скверные времена оставлять без надзора и ориентиров собственное завтра?..

А. ПОНИЗОВКИН

Сергей МОШКИН,
Виктор РУДЕНКО

"Екатеринбургер — 93"

(юные читатели мегаполиса)

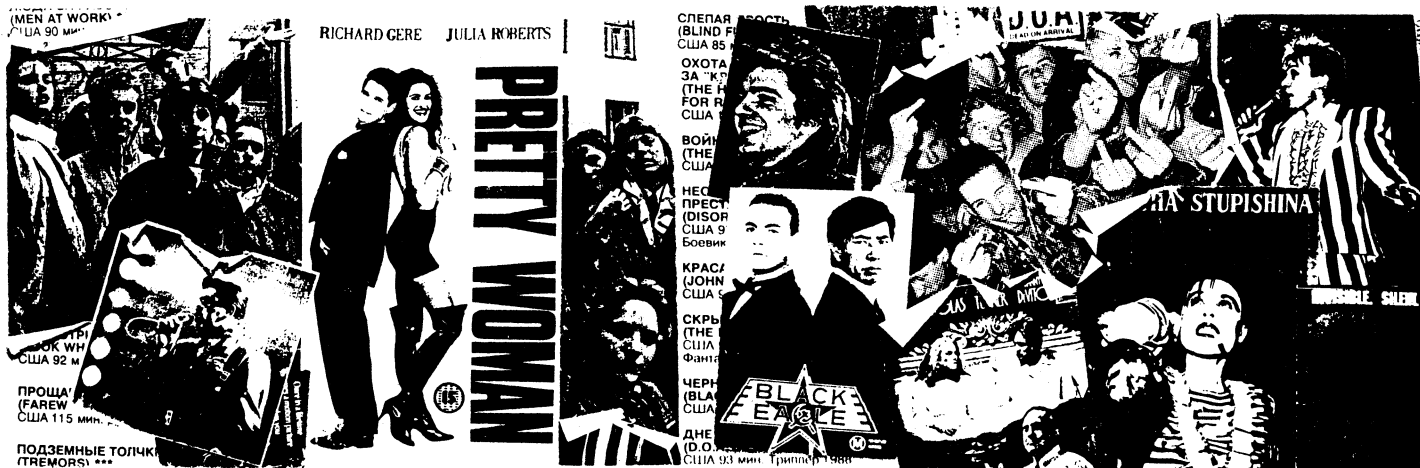
Сегодня можно определенно сказать, что дети осознанно оценивают современные реалии и часто склонны анализировать повседневную жизнь. Для них она постоянно меняется, и большинство детей отмечает, что в России настало время перемен, перемены во многом негативных, но в основном — к лучшему. Это время, когда необходимо решительно действовать, чтобы изменить нашу страну и обустроить свою жизнь. Дети постоянно подчеркивают: больше жить так нельзя, люди должны опомниться и сохранить природу, стать добрее. Значительная часть подростков связывает нынешнее время с раскрепощением и свободой. По их наблюдениям, теперь можно сказать то, что думаешь, а главное — можно реализовать свои способности и возможности в любой избранной сфере деятельности. При этом дети верят в хорошие перспективы Отечества и отмечают, что в обозримом будущем Россия сможет стать развитой и цветущей державой. Лишь небольшая часть опрошен-

ных (28%) усомнились в будущих успехах россиян и скептически заметили, что мы так и будем проживать в грязной и неумытой среднеразвитой стране, отданной на откуп иностранцам и раздражаемой внутренними экономическими и национальными распрями и неурядицами.

Наше исследование показало: прежде всего ребята чувствуют социальную подоплеку происходящего. Так, среди причин, вызвавших появление нищих и бездомных людей в современных больших городах они называют в первую очередь массовое сокращение на производстве, невозможность найти работу, высокий уровень цен. Лишь 10% опрошенных указали на причины "личного" плана: склонность к пьянству, нежелание где-либо работать. Теми же — социальными — причинами они объясняют усилившуюся криминогенную опасность в больших городах. При этом ребята всех возрастов четко осознают, что жизнь современного взрослого достато-

чно напряжена и наполнена страхами за свое будущее. На первом месте среди этих страхов стоит преступность: люди боятся быть убитыми на улице или в подъезде, боятся быть ограбленными. Называют также угрозу быть уволенными, страх перед повышением цен. Причем, отмечая появление новых страхов в мире взрослых, сами дети тоже погружены в атмосферу страха, и раньше всего — страх смерти. Вполне возможно, такого рода обеспокоенность во многом объясняется особенностями возрастной психологии ребят, но факт остается фактом — дети говорят: "Боюсь, что не доживу до 20 лет", "Мне кажется, что я никогда не стану взрослым — меня убьют". Речь идет почти всегда о насильственной смерти.

Дети живут в атмосфере страха и остро чувствуют недостаток добра в современной повседневности. Об этом они говорили, размышляя о книгах, о занятиях современных людей. Об этом же свидетельствуют и полученные нами кос-

венные, но еще более симптоматичные данные. Каждому ребенку было предложено назвать по одному "герою" и "злодею" XX столетия. Как правило, дети начинали со "злодеев" — для них эта тема не представляла труда. Среди упоминавшихся — А. Гитлер, И. Сталин, Р. Хасбулатов, М. Горбачев, А. Руцкой, Б. Ельцин... Тема же благородных и честных людей явно загоняла ребят в тупик: за вопросом следовало либо молчание, либо долгое размышление.

Примечательно, что среди злодеев XX века В. Ленин не фигурировал, зато в списке радетелей человечества он — на первой позиции. За Лениным следуют опять-таки Ельцин и Горбачев. Лишнее подтверждение истины: трагические фигуры, за счастьем и горем людей они несут ответственность в равной степени.

Не осталось незамеченным детьми и происходящее в последнее время социальное расслоение российского общества, появление бедных и богатых. В высказываниях звучала следующая мысль: люди чрезвычайно обеднели, ничего не могут позволить себе купить, стесняются своего внешнего вида и в то же время вынуждены отказывать своим детям даже в малом. С другой стороны, отмечается появление богатых. Причем, как показывали наши предшествующие опросы, проведенные полтора года назад, поначалу отношение было резко отрицательным. Сегодня можно уверенно сказать, что в обществе, а соответственно, и среди детей идет процесс переоценки ценностей. Ответы ребят на сходные с прошлогодними вопросы свидетельствуют о конце периода неприятия как состоятельных людей, так и бизнеса и предпринимательства в целом. Смысл большинства прозвучавших ответов сводился к тому, что крупное состояние в наше время создается большим трудом, людьми квалифицированными, умными и предпринимчивыми (62% опрошенных). В то же время, дети отмечают почти повальное увлечение взрослых мелким неквалифицированным бизнесом, который можно было бы назвать простой погоней за деньгами, богатством и славой, часто сопряженной с облада-

нием властью. Примечательно и то, что среди главных увлечений современных людей дети, как правило, называют сексуальные пристрастия. Богатство, политика и секс — вот триада, характеризующая по мнению ребят, жизнь современного россиянина. Отсюда и вывод части подростков: взрослые в наше время ничего не стыдятся и не стесняются, а добиваются своей цели любыми средствами.

Обратим внимание, что среди основных ценностей мира взрослых дети называют богатство. Это само по себе примечательно и вот почему: категория богатства становится одной из краеугольных ценностей в духовном мире современного подростка. Уже с ранних лет дети активно включаются в поиск этого "богатства" и начинают зарабатывать деньги. Особенно важно тут следующее: значительная часть детей сегодня заявляют, что в жизни они не надеются ни на кого, кроме себя самих или Бога. Ни правительство, ни Президент, ни родители или друзья для многих детей не являются надеждой и опорой. То есть на смену оптимизму коллективистского толка, исповедуемому прежним режимом, приходит поколение, которое условно можно сравнить с генерацией людей, появившихся на заре становления Соединенных Штатов Америки и получивших в идеологии американской мечты определение "self-made man" — "человек, сделавший себя сам". По своей природе такой человек — прагматик и индивидуалист, он предприимчив и изобретателен. И действительно, полученные нами данные свидетельствуют: дети проявляют крайнюю изобретательность и сноровку, придумывают самые неожиданные способы зарабатывания денег. Ровно половина опрошенных (и мальчики и девочки) твердо заявили, что им уже приходилось получать деньги. При этом девочки до 12 лет значительно уступают мальчикам в предприимчивости — их вдвое меньше. Но с возрастом положение выравнивается и девочки лишь незначительно уступают сильному полу. "Я на даче помогал соседям", "работал в трудовом лагере",

"мыла полы", "выгуливала собак соседям", "у нас в школе была группа детей — мы красили детские площадки"... — вот типичные высказывания. Остальные дети, хотя и не пробовали еще зарабатывать, но неплохо ориентируются в способах накопления "первоначального капитала". Как оказалось, возможности здесь почти неисчерпаемы и вряд ли стоит перечислять их все. Обратим внимание только на самые распространенные.

Самым известным и почитаемым способом является мытье машин. "Машины летом мыли — по 5 тыс. за день зарабатывали", — рассказывают мальчики. Но, по их словам, этот способ весьма опасен: тут и вымогатели, и конкуренты, да и болезнь подхватить можно от грязи. Не в новинку уже юные продавцы-распространители газет. Коснулась детей лихорадка вокруг перепродажи вещей, сведения о которой уже хорошо усвоили не только подростки, но и 8-летние малыши. Как ни странно, всем известный и легко доступный сбор бутылок оказался лишь на 5 месте. Но что же тут удивительного, в условиях жесткого соперничества со стороны взрослых? Попробуй подступишь к бутылкам — для этого нужно места знать: "Приходилось бутылки собирать и сдавать: по тысяче зарабатывал за день. Много бутылок остается в старых домах, которые сносят, и во дворах, а на вокзал мы уже не сеемся". Центром притяжения подростков становятся всевозможные ларьки и киоски, стремительно ворвавшиеся в нашу жизнь. Там можно мусор убирать, можно и продавать (если умеешь считать), можно оптовой реализацией товара заняться за определенную плату, а можно и посылным быть. В ходе опроса нам пришлось столкнуться и с ребятами, выполняющими тяжелую физическую работу. Художавые мальчики 10—11 лет с огнем в глазах рассказывали о заработках на разгрузке машин с овощами и мукой.

Примечательно, что часть детей зарабатывает деньги преступными способами. "Бывало и преступным способом зарабатывал, — рассказывает 14-летний

Миша, — бывало и просто в ларьках". В основном с 13 до 17 лет добывают деньги преступно: грабежом, в основном, на улицах. Нападают на нетрезвых или таких, кто много разговаривает. Не робеют и девчонки: "Надо сумочку хватать и убежать побыстрее". У тех же, кто еще совсем юн, есть свои не совсем законные способы: "Ящики за ресторанами таскаем и сдаем за деньги в киоски. Здесь на Химмаше по 300 рублей, а в центре — по 700". "Еще некоторые в совхозе набирают капусту, морковь, свеклу и продают"... Прцветают карточные выигрыши — выиграть можно до 10 000 рублей, а если проиграл и нечем заплатить, то снимаю куртку. При этом нас немало озадачило то, что в детской среде уже действуют законы преступного мира, неплатежеспособному должнику поначалу устанавливается срок, в течение которого необходимо вернуть карточный долг — "включается" так называемый "счетчик". За срок набегают процент. Если же и по истечении срока долг не оплачен, "включается" "счетчик-дубль": теперь по истечении срока сумма удваивается...

Преступные способы заработка фигурируют и в ответах девчонок. В основном это грабежи и вымогательства. Но есть и свой специфический способ — торговля телом. "Ну вы сами подумайте, — обращается к нам Марина, — всего ведь хочется: и одеться, и поесть. Сейчас дорого все, вот и приходится зарабатывать. Тысяч 30 можно подработать". "А мне, — говорит 14-летняя Люда, — в позапрошлом году парень в магазине 50 рублей предлагал. Да и сейчас на этом много не заработаешь — это ведь не профессионально все делается!"

На фоне погони за деньгами появились и несколько экстравагантные способы обогатиться: написать сочинение за плату, решить задачу по математике. И уж совсем новые: "Мне родители за оценки платят: за пятерку — 50 рублей, за четверку — 40, а за тройку только 30". Это — девятилетнему Саше, а вот Сергей старше, у него и заработок по-

солиднее: "500 рублей за одну пятерку — за неделю до трех тысяч набегают!"

Поистине неисчерпаема фантазия у наших детей и родителей, но вот что странно: в стране с давней христианской традицией коммерциализация начинает вьедаться даже в акты милосердия. Без тени смущения в числе прочих способов заработать дети называют и такие: "Старушке сумку за деньги поднести можно", "Можно грядку дедушке в саду вскопать"...

В своих размышлениях дети мечтают о богатстве, и с ним связывают представление о будущем счастье. Однако в средствах достижения этого счастья они, зачастую, тоже идут вразрез с христианской традицией милосердия. Среди других мы задали ребятам вопрос из категории вечных в наиболее емкой формулировке Ф. М. Достоевского: "Можно ли убить хотя бы одного человека во имя счастья всех людей?". Большинство ребят дали отрицательный ответ, причем достаточно осознанно. Они вдумчиво говорили: "Я не имею права лишать человека жизни, даже если он того заслуживает", "Я бы лучше изолировал его: в тюрьму посадил". Однако 37 процентов опрошенных с легкостью заявили, что человека убить можно, "если он сам тиран и мешает жить остальным." Причем многие насыщали свой ответ развернутыми пояснениями типа следующего: "Нет, я бы его не убил — я бы его живьем закопал!"

Меняется окружающий нас мир, меняется и взгляд на него ребенка, в том числе его эстетические представления. И тут на наш взгляд, можно зафиксировать некоторые интересные тенденции. Ценность "богатство" перерастает в ценность престижного потребления. Пока это не главная ценность. Но ее появление во многом несет на себе отпечаток времени. Мы убедились, что у детей идет интенсивное формирование вестернизированного "западнического" восприятия мира на российский манер. Об этом можно судить по их представлениям об "идеальном мужчине" и "идеальной женщине". Всех мальчиков мы спросили: "Как должен выглядеть "настоящий" мужчина? Чем он должен заниматься?". Соответственно, девочек о том, как должна выглядеть "настоящая женщина" и чем должна заниматься она. В итоге около половины ответивших связали эти образы с престижным потреблением. Среди престижных вещей мальчики, как правило, называют кожаную куртку, кроссовки, кожаную кепку, пистолет. Они отмечают, что "настоящий" мужчина должен обладать и солидной суммой денег. Вот один из представших пред нами весьма представительных образов: "Мужчина должен одеваться в "волан", в какой-нибудь костюм Ле Монти или Адидас, кроссовки фирмы Ле Монти. При себе иметь всегда сигареты "Мальборо" или "Кемэл". Куртка — жеваная, черного цвета с

замком и застежками. Карманы на замках. прическа под "теннис".

На всякий случай должен иметь газовый баллончик, денег с собой около 50 тысяч, небольшой ножик, должен ездить на джипе, который водоплавающий. Он должен быть бизнесменом, зарабатывать деньги, коммерцию делать: полта, пуховики, очки — что-нибудь полезное".

У девочек предметы престижного потребления по существу, "из той же оперы": кожаная куртка, юбка-резинка, лосины, высокие сапоги, капор... А вот и один из образов (заметим — более утонченный по сравнению с первым): "Женщина должна быть не толстая. Длинные волосы. Не у всех, конечно, но мне нравится химия мелкая, средняя и короткая юбка, туфли на каблучках, джинсы или штаны — в редком случае. Лосины уже из моды вышли. Колготки лучше капроновые. Распущенные длинные или короткие волосы с ободком. Куртка кожаная или мятая. Плащ, желательно, яркий. Кожаная куртка — черная. Перчатки из ангоры или смешанные — с простой шерстью. Сапоги кожаные с мехом без замка на маленьком каблучке. Шарф шелковый. Стирать должна машина, но есть вещи, которые только вручную. Женщина не должна работать вообще или только на полднечке. Готовить должна, по магазинам ходить, посуду мыть, если детей нет, полы тоже. Но только не на заводе работать".

Отметим еще, что среди основных предметов, которые бы дети желали видеть в своей домашней обстановке, они тоже называют преимущественно престижные вещи: мягкую мебель, магнитофон, стенку. И в этом нет ничего предосудительного. Печально лишь то, что при этом происходит вымывание фундаментальных культурных ценностей: знания (среди желаемых предметов в интерьере своего дома только пятая часть ребят желала бы видеть книги), образования, науки, изобразительного искусства, театра — всего того, что составляет основу духовности человеческого мира. Увы, эти ценности постепенно отодвигаются на периферию мира детства, даже у читателей библиотек. Современные дети — читатели практически не могут назвать знаменитых художников XX столетия, с трудом вспоминают поэтов, ученых и даже писателей, относя к ним Пушкина, А. Дюма... Учащиеся музыкальных школ нередко затрудняются назвать композиторов нынешнего столетия и обращаются чаще к именам Чайковского, Баха, Моцарта. И уж совсем курьез — среди знаменитых композиторов XX столетия был назван Достоевский. Конечно, на первый взгляд сам по себе этот вопрос может показаться надуманным: ребята младшего возраста еще плохо ориентируются в веках, столетиях... Но дело в том, что того же Пушкина, переносят в новейшую историю и старшие дети — 13—16 лет.

Подчеркнем, что наш вывод о вытес-

нении фундаментальных культурных ценностей на периферию современной жизни не голословная догадка. Зримыми символами окружающего людей мира всегда являлись памятники. С древних времен, по мере того, как уходили в прошлое старые или возникали новые ценности, люди возводили или разрушали свои монументы. Кого же готовы отлить в бронзе наши юные сограждане сегодня?

Абсолютное лидерство в рейтинге претендентов на изваяние, как мы и ожидали, занимают политические лидеры (Ленин, жертвы октябрьских событий в Москве, Ельцин...). Ценности власти и политики внедряются в сознание детей буквально с их первых шагов. А вот отечественные писатели оказались на скромном седьмом месте. О художниках, скульпторах, композиторах, ученых и так далее дети не вспомнили вообще. Даже религиозные ценности (Бог, Всевышний, Христос, Сергей Радонежский) промелькнули в единичных ответах. Это же можно отнести и к таким ценностям, как Родина, российский народ, учитель, бабушка, природа. Единицы сочли их достойными увековеченья.

Происходит примечательные подвижки и в других сферах. Известно, что важнейшей сферой социализации детей является игра. Если верить Йохану Хейзинге, автору знаменитого "Человека играющего", жизнь есть игра, а игра, в свою очередь, является важнейшим источником культуры. Все мистерии минувших столетий разыгрывались в пространстве игры. Но любое поколение, прежде чем допустить молодую поросль к тайнам взрослых "игр", стремилось познакомить детей с упрощенными жизненными правилами. Так древнегреческие ребяташки играли в правителей, в перетягивание каната. Дух состязательности выражал атмосферу полиса и сами соревнования даже не воспринимались как игра — это была сама жизнь. А в каком же игровом пространстве происходит социализация современных подростков?

Опрос, проведенный среди екатеринбургских детей, выявил следующую шкалу предпочтений (количество упоминаний на 100 опрошенных): карточные игры — 203; компьютерные игры — 54; спортивные — 32; народные — 26; коммерческие — 16; интеллектуальные (шахматы, шашки...) — 11; фривольные — 5.

Нетрудно заметить, что энергичные футбол и хоккей, теннис и баскетбол, прыжки, ляпки, и т. д. заметно потеснены азартными, как и сама наша жизнь, играми. Один лишь перечень их названий может поразить воображение неискушенного читателя: "дурак", "покер", "пьяная курица", "Акулина", "фарраон", "очко", "три карты", "ку-ка-реку", "козел", "свинья", "девятка", "пузырь", "66", "туалет", "солнышко", "сплю", "колодец", "свара", "пузля", "бура", "Вероника", "ведьма", "петух",

"ворона", "тысяча", "кинг", "баня", "преферанс", "сто одно", "дворник", "де берц", "блэк-джек", "бридж", "верю — не верю", "кабапа", "36", "пиковая дама", "людоед", "палач", "уши"...

Картами забавляются дети всех возрастов, с тем лишь исключением, что у 8—12-летних ребят чаще фигурирует то, что попроще: "дурак", "пьяница", "баня"... У старших тоже на первом месте "дурак", но практикуются и более серьезные "преферанс", "покер"... Эти игры позволяют даже зарабатывать на жизнь. "Можно выиграть тысячу, если попадет хорошая карта и хорошая ставка будет", — такие комментарии дают некоторые мальчишки. Реликтами становятся традиционно элитарные шашки и шахматы. Го, нарды и другие настольные игры, похоже, вот-вот можно будет отнести к разряду забытых — о них не упоминают вообще. Но мир игр от этого не становится скуднее. Стремительно ворвались в жизнь компьютерные "Дэнди", "рэндзю". Жаль только, что среди электронных игр пока преобладают суррогаты со сценами насилия и убийств. Среди новых практикуемых игр дети называют и обучающие: "Менеджер", "Автобанк", "Коммерсант", "Монополия". Упомянется, слава Богу, сложнейшая "Цивилизация", правда, таких игр тоже не много.

В ходу в подростковой среде и условно обозначенные нами так называемые фривольные игры, то есть забавы детей переходного возраста. Среди них и танец двух молодых людей на микроплощадке из одной газеты, и "бутылочка", с неизменными поцелуями, и так называемое "яблоко" с передачей сочного плода друг другу с помощью одного подбородка. В этом списке любопытна и "спичка". Правила незамысловаты — каждый желающий может попробовать. Выстраивается ряд мальчиков и девочек, и они передают изо рта в рот обыкновенную спичку. Если уронил, отломи и отбрось половину, а оставшееся передавай вновь в том же порядке. Уронил снова — делай то же самое. И так бесконечно, пока спичка не превратится в соринку.

Играли ли в такие игры древние греки? Наверное, нет, ведь не было у них ни спичек, ни карт, ни компьютеров! А может быть, жизнь было другая?

По приведенному выше описанию мира ценностей и предметов, бытующих в детской среде, видно, чем заполнен наш "дом". Но, по меткому афоризму великого философа современности Мартина Хайдеггера, домом нашего бытия является и язык. Язык вмещает в себя все его болячки и все самое сокровенное и прекрасное, что имеется в этом доме. Российский дом по своему прекрасен, прекрасен и русский язык, в котором можно найти самые красивые слова со множеством оттенков. Несомненно, что дети с ранних лет впитывают в себя все богатство этого языка. Но в необустроенном доме немало изъянов и даже зияю-

щих дыр. Отсюда логично было предположить, что и в детском языке нашла отражение извечная неустроенность россиянина. Нашим детям был задан очень простой вопрос: "Матерятся ли у вас в классе?". В результате мы обнаружили, что сегодня девять из десяти опрошенных школьников Екатеринбурга в возрасте от 8 до 16 лет утверждают: мат в их классе стал обычным явлением. И наивны те, кто полагает, будто этим грешат только обычные общеобразовательные школы. Мат сегодня вспоминают и в элитных гимназиях, лицеях. "В лицей нас отбирали по конкурсу, — говорит четырнадцатилетняя Катя, — но попало много "левых", вот они-то и ругаются".

Мат живет в школе. Матерятся на переменах, после уроков, а иногда и во время занятий. "У нас в школе с этим не строго, — замечает Света, — учителя не запрещают. А вообще-то все зависит от классного руководителя". А вот слова Миши из шестого класса: "Девчонки у нас обычно не ругаются, если только их не вывели, как сегодня. Мы их снежками обкидали после школы, а они на нас матом".

Матерятся в школах все: и девочки, и мальчики. По крайней мере, об этом нам сообщили 67% детей. Еще треть наших собеседников сообщили, что в их классе сквернословят только мальчики. Сильная половина как будто бы рождается с матом на устах, с возрастом их "русский простонародный" лишь совершенствуется. Девочки ведут себя по-другому. Если в начальных классах они скромны и прилежны, то, став старшеклассницами, в "изяществе слога" практически не уступают ребятам. На наш вопрос тринадцатилетняя Юлия ответила: "Конечно! И я тоже".

Как говорят сами дети, мат незаметным в повседневной жизни. Им и слова связать можно, и недостойного обругать. Нужен он и просто для "понта". А вообще готовность оскорбить человека и наградить его матерным словом лишней раз свидетельствует о невысокой ценности человеческой личности в нашем обществе. В социальной среде, заполненной страхами, дети находят в мате еще и защитные механизмы, сдерживающие их и дающие разрядку. Наконец, при низкой ценности знания и других порядковых ценностей, мат восполняет их недостаток и позволяет самоутвердиться в детской среде. Воистину язык — дом бытия!

Мир изменчив, говорили древние, и с этим трудно не согласиться. Нынешние дети так же не похожи на своих предшественников, как современная мода не похожа на моду вчерашнего дня. Сегодня у них все другое: взгляды, понятия, убеждения. И при этом они остаются детьми. Общество запуталось в шкале ценностей, меняя местами вечное и преходящее. Но оно должно осознать, что ситуация, в которой находятся сегодня дети, определяет и наше, и их будущее.

Урок второй: российская власть и уральская провинция. Оппозиция в уральской старообрядческой литературе.

Мы продолжаем публикацию учебных материалов к курсу региональной истории XVIII века. Наш следующий урок ведет кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета, заместитель директора Института русской культуры Виктор Иванович БАЙДИН. Он — один из "крестных отцов" Уральской археографической экспедиции, собравшей за годы своего существования сотни ценнейших рукописных и старопечатных книг — свидетелей непростой судьбы нашего народа.

Материал может быть использован и на уроках по истории России XVIII века, а также в курсах истории религии и мировой художественной культуры.

Виктор БАЙДИН

Антихрист у власти

Власть и общество — краеугольная проблема отечественной истории, она постоянно вызывает ожесточенные споры. Одни считают, что русский народ сознательно подчинил все свои помыслы великой идее создания сильного государства. Другие — что несение государственного тягла, этот тяжкий труд на "строительстве" могучей державы, вытянул из россиян — капля за каплей — все жизненные соки. А иные (вслед за М. А. Бакуниным) убеждены, что русскому народу было изначально не приемлемо скольконибудь крепкое здание государственности, идея эта была навязана ему ордынцами и немцами... Впрочем, точек зрения было множество. Напомним, ставшие крылатыми, слова В. А. Гиляровского:

В России две напасти:
Внизу власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

Когда во времена Петра I произошел своеобразный "раскол" в обществе, когда Россия, рванувшись к Западу, не посчиталась с теми, кто относился к

Западу враждебно, когда "птенцы гнезда Петрова", стали как бы иностранцами в собственной отчизне, а Империя подавляла вспыхивавшие то тут, то там народные бунты — в том веке восемнадцатом социальные низы общества произвели собственную идею — идею Антихриста у власти. На Урале обитало много старообрядцев. Они помнили предыдущий жестокий век церковного раскола, страшное "огнепальное" время. Новое же столетие обострило этот конфликт, породило новые характеры, чье упорство и искренность доносят до нас пожелтевшие страницы старинных книг...

В Древнехранилище Уральского университета есть несколько десятков рукописей с иллюстрациями-миниатюрами. Такие книги в старину называли "лицевыми", а рисунки в них — "лицами". "Лица" одних рукописей нарисованы и раскрашены в традициях древнерусской иконописи, других — в стиле крестьянского примитива, в третьих явно ощущается влияние изобразительного искусства

ва нового времени. В числе последних по художественным достоинствам и по политической заостренности выделяется старообрядческий Апокалипсис Толковый.

Апокалипсис — это последняя по порядку и самая таинственная книга Нового Завета. Покойный Александр Мень так охарактеризовал жанр библейской письменности: "Апокалиптика всегда образна, это всегда видения, всегда какие-то картины. Более того, апокалиптика не столько говорит о конкретных событиях времени, сколько думает о грядущем. И мир апокалиптиков — это нечто уже кончающееся, уходящее; все их помышления направлены на последнюю борьбу добра со злом..."

И естественно, что в переломные моменты истории интерес к Апокалипсису и его толкованиям неизменно возрастал. А образность Откровения давала широкие возможности для сопровождения текста иллюстрациями. Они выполняли роль "книг для неграмотных".

Самая известная миниатюра Апокалипсиса — конное воинство святых во главе с Христом на полном скаку преследует группу всадников (илл. 1). Всадники защищаются щитами от стаи птиц, направляемых ангелом, и оглядываются на своих преследователей, а их кони, между тем, уже врываются в пламя ада. В Огне геенны вверх лапами лежит зверь — одно из двух олицетворений Антихриста на миниатюрах Апокалипсиса. На переднем плане изображены конкретные люди. Один из них — мужчина в башмаках, белых чулках, коротких, чуть ниже колен, зеленых штанах и латах, из-под которых видна пурпурная царская одежда. Он с одутловатым усатым лицом и гривой выющихся черных волос. Перед нами... Петр I. Одежда европейского стиля, императорский титул, изменение календаря, рекрутская повинность, перепись населения, подушная подать и подчинение церкви государству — все это в народном сознании характеризовало нового императора как воплощение антихриста. Понятно, почему на рисунке нет второго апокалипсического зверя — змея. Ведь сам Петр I — олицетворение антихриста.

Другое лицо в короне — женское, круглое и с чуть курносом носом. Это — Екатерина, вторая жена Петра I и его преемница на императорском престоле. Между ними еще один всадник в шлеме и кирасе. Его лицо с крупным носом и тонкими усиками тоже кажется знакомым. Да это же Александр Данилович Меншиков! Сравнение с известными портретами светлейшего князя такую идентификацию подтверждает. Может быть, нарисовать Петра I на миниатюре с более пышными, не "кошачьими" усами, понадоби-

лось художнику для того, чтобы индивидуализировать портретную характеристику светлейшего, усики которого были тончайшими.

Композиционно и стилистически рисунок ближе не к западно-европейским гравюрам на апокалипсические темы, а к популярным в петровское время изображениям батальных сцен. Композиция заимствована из росписи одной из триумфальных арок, воздвигнутых в Москве в 1709 году в честь победы над шведами под Полтавой (илл. 1а). А в стиле много общего с лубком "Славное побоище Александра Македонского с царем Пором Индийским". В нем тоже, как считают, Александром представлен Петр I, а в образе Пора — шведский король Карл XII. Значит, художник Апокалипсиса был знаком с иконографией массового изобразительного искусства первой четверти XVIII столетия и сознательно использовал установившиеся в нем "стандарты", чтобы рисунки были более понятны и узнаваемы.

На другой миниатюре Апокалипсиса нарисован пикирующий ангел, он держит в руках "камень, подобный большому жернову" (XVIII, 21)¹. Другой камень — жернов, брошенный им, уже погружается в волны моря. В море тонут рушащиеся башни и корабли: от одного видна только мачта без парусов, от другого — с парусами. Третье небольшое судно под парусом еще плывет, его пассажиры со страхом смотрят на ангела. Пассажиров четверо: двое мужчин средних лет с бородами и двое отроков. Один из них в круглой шапке с короткими полями или опушкой. В таких миниатюристах обычно изображают знатных людей (илл. 2).

В образце, использованном для создания рисунков Апока-

липсиса, этой миниатюры, очевидно, не было. Она единственная не имеет никакой надписи. В западных иллюстрациях Откровения подобный сюжет только намечен — в виде ангела, бросающего в море или реку камень. В то же время сюжет известен по одной из редакций русского лицевого Апокалипсиса. Правда, он всегда объединен с картиной рушащегося горящего города — Вавилона. В нашей рукописи картина вынесена на отдельную миниатюру. Значит, к сюжету с кораблем у художника было особое отношение.

А дело в том, что здесь довольно точно изображен "дедушка русского флота" — ботик, найденный Петром I весной 1688 года в амбаре в селе Измайлово. На нем молодой Петр учился ходить под парусом на Яузе, Просянном пруду в Москве и Переяславском озере. Миниатюра, скорее всего, навеяна рассказом самого царя об этих событиях в предисловии к морскому уставу 1720 года (илл. 2а).

Кто же пассажиры ботика на миниатюре? Отрок в шапке, видимо, Петр I. На всех его изображениях конца XVII столетия мы видим такой же головной убор. Второй юноша, вероятно, А. Меншиков. Несомненно портретное сходство персонажей с изображениями на следующей миниатюре, где Петр в сопровождении Меншикова скачет в геенну огненную. О давней близости Меншикова к Петру было широко известно.

А теперь посмотрим на бородатых людей. Одним из них — сидящим на корме — может быть фигурирующий в рассказе наставник по освоению ботика голландец Христиан (у царя — Карстен) Брандт. Еще при Алексее Михайловиче он участвовал в строительстве судов в

¹ Здесь и далее ссылки на привычный нам библейский текст Апокалипсиса. Римские цифры означают главу, арабские — стих Откровения.

селе Дедилово на Оке. Другим — учитель царя в детские годы Никита Зотов. В лице человека, сидящего на носу ботика, много общего с обликом реального Н. Зотова. Это был князь-папа "всешутейного собора", граничившего с кощунством по отношению к традиционным культурным ценностям. Кроме того, он всюду сопровождал царя в качестве главы походной канцелярии. С точки зрения художника-старообрядца для всей этой компании корабль неправедных был вполне подходящим местом. Автор как бы переинтерпретирует изобразительные сюжеты, восхваляющие Петра I. Победы императора на иллюстрациях Апокалипсиса предстают его поражениями.

Изображение самого ботика, очевидно, несет определенную знаковую нагрузку. В начале XVIII века в народе ходил лубок "Баба яга едет с крокодилом драться" — из серии так называемых "раскольничьих листов", направленных против петровских нововведений. В прошлом столетии Д. А. Ровинский и В. В. Стасов установили, что это — сатира на Петра I и Екатерину. Так вот в одном из вариантов этого лубка в углу листа, как напоминание или условный знак, изображено озеро с кораблем — любимым детищем Петра.

Миниатюра с ботиком вместе со следующей, на которой Петр с женой и соратником попадает в ад, составляют отдельную изобразительную новеллу внутри лицевого Апокалипсиса, обозначая, соответственно, начало и конец царствования Петра I. Значит, миниатюры должны были появиться тогда, когда Петр I, Екатерина и Меншиков уже сошли с исторической арены, то есть не ранее 1727—1728 годов.

Но нет ли на рисунках еще каких-либо хронологических

ориентиров? Оказывается, есть реалии, особенно архитектурные. Так на одной миниатюре, видимо, воспроизведена часть храма Покрова в Филях — знаменитого памятника подмосковного "нарышкинского барокко" конца XVII в. Не раз в образе Вавилона (города греха из Откровения) выступают Москва и, в частности, Кремль. Их, как и портреты исторических лиц, художник рисовал, конечно же, по памяти. Образ отличается условностью и точных временных привязок не дает.

Подозрение в политической сатире падает и еще на одну миниатюру лицевого Апокалипсиса. На ней изображена "вавилонская блудница" — женщина с сосудом в правой поднятой руке, сидящая на семиголовом звере. Ей поклоняются цари, стоящие у ворот города (илл. 3). В нарушение западной и русской иконографических традиций и вопреки тексту Откровения зверь стоит не на водах многих" (XVII, 1), а на суше. А город, которого в этом сюжете вообще быть не должно, так как сама блудница олицетворяет собой Вавилон, — это обобщенный образ Москвы.

Блудница одета в женскую одежду европейского стиля XVIII века. На ней красные туфельки на высоких каблучках, богато украшенное парадное придворное платье из юбки и корсажа, из-под которого видны пышные кружева. Юбка еще без фижм — специальных каркасов для расширения юбки в боках и придания изогнутых очертаний. Фижмы начали применяться с 30-х годов XVIII столетия. Кроме того, в петровское время у светских женщин приняты были волосы на лбу выкладывать в два больших локона, а два других спускались на плечи. Так убраны волосы у императрицы Анны Иоанновны на портрете с

популярного сейчас плаката "Из истории государства Российского". Портрет написан, вероятно, вскоре после восшествия Анны Иоанновны на престол. На более позднем парадном портрете (гравюра с него, датирована 1731 годом) Анна Иоанновна уже в юбке с фижмами и с прической со множеством локонов, спадающих на спину, — они входят в моду с 30-х годов. Так вот прическа блудницы ближе к первому — "петровскому" типу. И вообще обилие конкретных деталей позволяет сделать предположение, что в виде блудницы запечатлена все та же Анна Иоанновна, лицо которой с грубоватыми крупными чертами имеет много общего с лицом блудницы.

Фигуры на миниатюрах нашей рукописи, как правило, вполне соразмерны, за исключением всадников Апокалипсиса, облачного ангела и некоторых других, что традиционно рисовались большими, по сравнению с людьми. Блудница же изображена гораздо более крупной, чем преклоняющиеся ей цари, и полной. В этой связи нельзя не вспомнить описание внешности Анны Иоанновны сделанное Н. Б. Долгорукой, урожденной Шереметевой, в начале 1730 года: "Престрашного была взору; отвратное лицо имела: так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше и чрезвычайно толста". Предвзятость этого описания очевидна: оно принадлежит невесте, а потом жене и вдове князя И. А. Долгорукого — фаворита Петра II, и потому — врага новой императрицы. Но вряд ли можно отрицать, что в словах одной из замечательных русских женщин, оставившей бесхитростные, печальные и очаровательные записки, пусть и в утрированном виде, нашли отражение

реальные черты облика Анны Иоанновны.

На голове блудницы — украшенная тремя высокими перьями шапочка или фантанж — разновидность чепца. Обычно же на апокалипсических иллюстрациях блудница изображена в короне. Не означает ли очередное отклонение от канонов, что Анна Иоанновна еще не была коронована? Это произошло 28 апреля, по современному счету 9 мая. Если предположение верно, то художник наблюдал Анну Иоанновну до коронации, где-то весной 1730-года. Относительно теплоте времени года соответствует и одежда блудницы. В любом случае в Москве автор рисунков мог видеть императрицу не позднее 1732 года, так как затем двор переезжает в Санкт-Петербург. Таким образом, иллюстрации к Апокалипсису начали создаваться не ранее 1730—1732 годов.

Миниатюра с блудницей тоже не имела текстового сопровождения. Скорее всего, содержание ее комментировали устно: обычная надпись просто-напросто не соответствовала бы изображению, так как его детали были значительно изменены. С Анны Иоанновны в России надолго установилось женское правление, что позволяло сопоставлять рисунок блудницы с новыми монархинями, например, с Елизаветой Петровной, в царствование которой было проведено немало антистарообрядческих акций. Очевидно, позднее миниатюру снабдили надписью, взятой из Толкового Апокалипсиса, что блудница — город, имеющий власть над царями земными. Соединение текста и изображения произвело контаминацию: содержание иллюстрации теперь олицетворяло и императрицу, и столицу императорской России — Петербург.

Учение о российских импера-

торах-антихристах было для правительства чрезвычайно опасным — оно выражало политический протест. Григория Талицкого, переписчика книг и автора эсхатологических (о конце мира и приходе антихриста) сочинений, которые осуждали Петра I и его деятельность, приговорили к самой мучительной казни: перед четвертованием подвергли копчению.

Новосибирский ученый, академик Н. Н. Покровский исследовал ранее неизвестный очаг сопротивления политике Петра в Сибири. Идейной его основой был как раз тезис об "антихристовой природе" императорской власти. После выхода указа о праве монарха назначать преемника по собственной воле, казачий гарнизон города Тары, его жители и окрестное население отказались присягать неизвестному наследнику. Бунт подавили с невиданной жестокостью: десятки людей были посажены на кол, колесованы, четвертованы, сотни — наказаны кнутом. Следствие и казни продолжались свыше пятнадцати лет, и многие годы спустя путешественников поражало запустение целой округи после страшного тарского розыска...

Создание рисунков — "книг для неграмотных", — которые иллюстрировали "антихристовы" деяния властей, при прочих равных условиях рассматривалось как отягчающее вину обстоятельство. Потому-то художник — автор серии столь политизированных сатирических изображений — нигде не оставил своей подписи, справедливо опасаясь оказаться в застенках Тайной канцелярии.

Но и миниатюры, и сама рукопись, хотя и косвенно, но все же немало "рассказали" об иллюстраторе и даже его жизненном пути. Кто был этот смелый и талантливый художник, мы

узнаем из продолжения нашего урока — в апрельском номере журнала.

Несколько советов учителю

Учитель мог бы предложить ученикам сопоставить на материале нашего урока известные портреты Петра I с миниатюрами Апокалипсиса, чтобы выяснить, в чем различие подхода художников к образу современной им личности Петра.

Можно обсудить мнение известного историка Р. Пайпса (США) о том, что со времен Петра I русское общество раскололось на четыре "лагеря", каждый из которых не только занимал определенное социальное положение, но и ориентировался на известную систему социокультурных ценностей: дворянство — на европейские стандарты; духовенство — на православно-христианские (византийские); купечество — на азиатские; а крестьянство — на дохристианские, славянско-языческие традиции. На этой основе может возникнуть и дискуссия.

Можно обсудить с учениками вопрос: чем объясняется пренебрежительное отношение Петра I к православной церкви? Верил ли первый российский император в Бога?

Если материал нашего урока будет использоваться в курсе истории религии, тогда демонстрацию миниатюр Апокалипсиса можно сопровождать чтением фрагментов Откровения св. Иоанна Богослова.

Можно использовать и соответствующие старообрядческие тексты (например, "Мольба" старообрядца, записанная в 1731 году и опубликованная в "Задачнике по истории России" С. Г. Смирнова (М., 1993).

НА РАБОТКА НА ОТКАЗ

Повесть

Иллюстрации Александра ШАТУНОВА

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вездеход резко дернулся вперед, отряхиваясь, и налипший на крышу пласт серого снега одеялом сполз на землю. И сразу же гусеницы захлюпали в вязкой каше: вокруг успело-таки подтаять. За ближайшим поворотом путь преградил снежный завал. Это была даже не лавина — просто масса раскисшего снега лениво съехала метров на пятьдесят вниз по склону и, выбрав единственное во всем ущелье ровное место, здесь и застряла.

— Парень, давай к турели.

Из башенки на крыше брызнул лазерный луч — на дальней скале вспыхнула красная точка, взвилось каменное крошево, посыпались камни.

— Не идет! Может, примерзло?

Ну что ж, это не первый случай, бывает, что и гусеницы смерзаются намертво. Шабан поморщился. Теперь предстояло снова лезть в хитин и растапливать завал личным оружием.

— Брось дергать, все равно не оторвешь. Одевайся.

Верхний люк выпустил его на крышу. Следом вылез Роджер, волоча за ремень кобурку чудовищных размеров, зацепил ее за край люка, чертыхнулся, дернул и, чуть не упав, пошел красными пятнами, тщетно пытаясь принять безразлично-молодецкий вид. Контраст между ним и кобурой был разительным — Шабан даже присвистнул. Ну и монстр... Оружие титанов. Ясно, отчего Роджер при всем своем очевидном желании покрасоваться не носит кобурку на поясе: мальчишки ужасно не любят вызывать чужой смех, да и кто любит? А зря. Редкая и замечательная вещь этот "винсент-магнум", до упора набитый гранато-пулями. Идеальный копытоотбрасыватель. И имя у него, как у Менигона. Забавно.

Усевшись на башенку, Роджер лихо передернул затвор. Он был явно рад случаю пострелять, и Шабан, заметив его блестящие глаза, фыркнул. От грохота выстрелов загудела под ногами броня вездехода. Результат оказался ничтожным: пули бесследно тонули в снежной массе. Роджер, раскиснув, убрал пистолет в кобурку.

— Ты еще спичкой попробуй, — сказал Шабан. — У тебя что, лучевика нет?

— Мне не выдали. Сказали, что скоро на ту сторону, а там он не нужен. Может, у вас лишний найдется, а?

Шип ему... У Шабана в Порт-Бьюно был лучевой пистолет, остав-

ленный на прощанье Менигоном, но он покачал головой. А Роджер с завистью смотрел, как Шабан, расфокусировав луч, расправляется с завалом. Через несколько минут дорога была свободна, вниз по ущелью стекала грязная жижа.

— Может быть, в обмен на "магнум"? — с надеждой спросил Роджер.

Снимая хитины, поторговались. В придачу Шабан получил флакон с пенящейся жидкостью. Довольный Роджер убирал оружие в багажник. Шабан снова сел за руль, и вездеход, обогнув большую глыбу, муторно затрясся по камням. Через час стены ущелья раздвинулись. Снег кончался. Уже в полдень выбрались, наконец, на равнину и пошли вдоль хребта. В этом месте не было предгорий, крутые склоны начинались как-то сразу, и ближние вершины закрывали собой недоступный гребень. В последний раз гусеницы проскрежетали по камню, и сразу же за кормой потянулся клубящийся пыльный хвост: вышли в степь. Шабан, отдав Роджеру управление, разрешил себе расслабиться. Местность была знакома. Вдалеке за высохшим по случаю сухого сезона озерком по мере движения уходили за горизонт развалины древних построек, а еще дальше лежала обозначенная вышками граница крохотного анклава Коммуны, приблизиться к которой разведчикам не рекомендо-

валось, несмотря на то, что Коммуна никогда не была членом Содружества, а может быть, именно поэтому. Больше ничего на глаза не попадалось, за анклавом голая степь простиралась до самого океана. Слева нависали горы. Один раз в узком просвете, в вечном тумане ущелья, проточенного в теле горы мелкой, переплюйного вида речкой, показалось бледное размытое солнце, нехотя переваливающее в этот час через апогей. Часов через шесть, когда вездеход достигнет Порт-Бьюно, оно осторожно опустится ниже и начнется вечер; тогда откроются и будут работать до утра бачи и концертный зал, худо-бедно завертятся программа ночных развлечений, и Лиза наверняка приготовит что-нибудь вкусное.

— А там что? — Роджер мотнул головой куда-то вправо. — Вон там. А?

Что там может быть? Шабан прищурился, всматриваясь в горизонт и уже чувствуя, как рефлекторно обостряется реакция, как подрагивают готовые к действию мышцы. Степь, мальчик, степь, ты степи никогда не видел? Пустота там, холод и ветер, и очень хорошо, что только пустота, нам бы этой пустоты до самого Порт-Бьюно. Степь куда опаснее гор, этого ты, мальчик, еще не знаешь, это тебе еще предстоит постигнуть на практике. А ведь и вправду что-то есть... не может быть... Проволока? Шабан прилип к визиру, крутя увеличение. Верно, проволока. Во огородили... Он весело чертыхнулся. За ограждением что-то шевелилось, какие-то плотные округлые тела слепо тыкались в проволоку. Отскакивали, разбредались, сталкивались друг с другом и опять отскакивали. Гриб? Гриб, конечно. Толстые волосатые гифы — шевелящиеся, ощупывающие. Плантация, и не маленькая.

Роджер затормозил.

— Подпольная?

Шабан молча кивнул. Разумеется, подпольная, иных плантаций ползучего гриба и не бывает. Странно, подумал он, не знал я ничего об этой плантации. Наверное, новая. Ай да стервецы: под самым под боком у Коммуны! Ловко.

— Будем давить? — спросил Роджер.

Давить? Да-вить? Шабан покачал головой. Нет, парень, давить плантацию мы не будем. Смотри, чтобы тебя самого как-нибудь не задавили за одни эти слова, это я тебе говорю. Тоже мне, законник.

— Нет. Поехали.

Роджер помялся.

— Но ведь мы же обязаны, верно?

Ну вот. Еще и непонятливый...

— Мы много кому чего обязаны, — буркнул Шабан. — Марш, я сказал.

Степь была суха, слякотный сезон в этом году запаздывал. Мутный воздух высосал из земли аммиак и воду, глинистую почву раздирали трещины. Иногда вездеход ломал сухие кусты или с треском давил вылезший из грунта плоский листовидный корень. Один раз из развороченного гусеницей куста выскользила настоящая ежиная ящерица — редкий теперь вид — и, встопорив колючки, прытко засеменила прочь. Роджер вильнул было рулем вслед за ней, но она уже успела юркнуть в трещину. Больше живности не попадалось: в это время года все живое прячется в землю, а толпы диких убегунов откочевывают к северу и, на время объединившись, пробиваются через чужие земли к океану, чтобы к началу теплых дождей вернуться назад в оживающую степь. Изредка вдали показывались покинутые жилища —

невысокие конусы, похожие на кротовые отвалы, скрывающие в себе пещеры для целого клана, но с выходом не на верхушке, а сбоку и под глиняным козырьком для защиты от ливней. Попадались и развороченные конусы: не то они были покинуты давно и успели обвалиться, не то были разрушены в племенных войнах. Шабан вспомнил, как Менигон расказывал о стремительных ночных нападениях, когда дозорные не успевали поднять тревогу, а нападавшие, не давая жертвам высунуться, заваливали вход и, выждав сутки-двое, раскапывали и добывали всех, кто еще не задохнулся. Последняя большая война была на памяти Менигона, и ее с огромным трудом пришлось останавливать, ибо прекратился приток сил и даже прирученные начали уходить с рениевых шахт. Тогда еще тоннеля не было и в помине.

Роджер, увлекшись, все-таки прозевал ориентир, и вездеход юзом сполз в старую, с полкилометра шириной, воронку, свидетельствующую о том, что людям пришлось-таки тогда вмешаться. Воронка и была ориентиром. Впрочем, на твердом спекшемся склоне убегуны уже успели вырыть новое жилище — с виду вполне целое и с очень высоким отвалом. Шабан помнил свои ощущения при посещении такого жилища: сыро, темно, гадко. Хуже, чем снаружи. Понятно, отчего убегуны поклоняются Теплу и даже приносят Теплу человеческие жертвы, если, конечно, считать убегунов людьми. Они всегда идут туда-где-Тепло, по результатам спутниковой термографии удобно определять места их скопления. Эти потомки людей, отпрыски человечества Первого Нашествия всегда охотнее работали за Тепло, чем за пищу. Одно время контора, осененная идеей благотворительности, пробовала расплачиваться с ними блоками для строительства разборных домов, но из этой затеи ничего не вышло: в домах убегуны жить не желали. В ходу была гипотеза — тепло домов убегуны считают эрзацем и сторонятся его как противоестественного.

Вездеход, буксуя, одолел подъем, и снова легла под гусеницы степь, а Роджер, взяв круто в сторону, отыскал колею, оставленную ими по дороге туда, и дал полный газ. Шабан, устав от мелькания, сам не заметил, как задремал. Проснулся он оттого, что затекло тело, и удивился, увидев на приборной панели солнечное пятно. Он еще моргал, еще пытался сообразить, сколько же времени проспал, но уже было ощущение: что-то не то, что-то случилось не так, как должно было случиться. Наконец он увидел Роджера, уверенно и без особой тряски ведущего вездеход, увидел неглубокую прямую колею, справа и до самого горизонта — степь, дрожание воздуха над высохшими озерами, слева — хребет, сильно отодвинувшийся, но это было заметно только по увеличившемуся пространству степи, отделившему вездеход от гор. Что-то было не так, не проходило ощущение неправильности, все сильнее он чувствовал необходимость вмешаться, как-то повлиять на результаты совершенной ошибки. Ага, вот оно! Солнце! Солнце висит над вершинами. Почему оно здесь, подумал Шабан. Его не должно быть. Оно было за горами, и весь наш путь пролегал в тени, и мы знали, что обратный путь, несмотря на то, что солнце будет высоко, тоже пройдет в тени. Отклонились в степь? Зар-раза! Некоторое время он мрачно смотрел на бегущую под днище колею и чувствовал, как в нем накапливается холодное бешенство.

— А ну, стой!

Роджер удивленно обернулся, и то, что он прочи-

тал на лице Шабана, заставило его поспешно затормозить. На время вокруг ничего не стало видно: мимо, клубясь и закручиваясь в вихри, пронеслись тучи поднятой вездеходом пыли. Сволочь, думал Шабан, ненавидяще глядя на Роджера. Лопух безмозглый, убожество. Кто-то из мудрых и убеленных сказал, что если хочешь убить человека, сосчитай сначала до десяти. Другой советовал считать до ста. А до скольких считать, если человек, на которого ты рассчитываешь, уверенно хочет угробить и тебя, и себя? Ишь ты, не понимает. Глазами лупает, а глаза голубые, испуганные, но это не тот испуг, не за жизнь свою глупую, а опять боязнь получить нагонный от строгого учителя. А за что, сам не понимает. И при всем том, между прочим, уверен, что какое бы разявство ни учинил, я непременно и даже жертвуя собой буду спасать ему жизнь... Нет, не понимает... До сих пор не понял.

— Это что? — злобно спросил Шабан, ткнув пальцем вперед.

— Колея.

— Вижу, что не девка. Это не наша колея. Это колея от колесного вездехода. Наш след не такой и не здесь, а вот теперь хорошенько подумай, чей это след. Учти, колея свежая, сегодняшняя. Надеюсь, это тебя и сбilo с толку, иначе я с тобой больше не езжу. Я не работаю со слабоумными... Так чья это колея?

— Э-э... — сказал Роджер, моргая. — Кто-нибудь из наших, из разведчиков?

Шабан ядовито фыркнул:

— Это на колесном-то вездеходе?

— Может, военные?

— Может, и военные, — согласился Шабан. — Только не наши. У наших бездельников другой рисунок на покрышках. И когда это ты видел армейский вездеход в трехстах километрах от Базы? Они и летают-то здесь только парами и на максимальной скорости. А если это вторжение — мы бы уже знали. Забудь.

— Тогда кто?

Это еще предстояло осмыслить. Ясно было только то, что такой след не мог оставить ни один из известных Шабану типов машин. Может быть, все-таки военные или охрана? Нет, чушь, ерунда. Вся их техника, даже та, что никогда не покидала складов, известна наперечет, как бы они ни старались уберечь свои липовые секреты. Конечно, им могли подбросить что-то новое, но это значит, что вне основного графика прибыл корабль — нет, шиш, не может быть сейчас никаких кораблей. К тому же армия считает, что делать здесь нечего: все-таки не охранный объект и не приграничная зона.

Это могли быть разведчики из другой зоны экспансии, ныне — из сопредельного государства, охотники покопаться в чужих недрах, и это было скорее всего. Хищники, дерзкие, хорошо вооруженные, знающие, на что идут. Гончие. С этими лучше не встречаться, им не резон оставлять свидетелей, напрашиваясь на уничтожающий удар. В таких случаях армия всегда реагировала мгновенно. Шабан хорошо помнил последнее сообщение Хромца Гийома, он услышал его, когда зашел для какого-то разговора в кабинет к Позднякову, но разговора не получилось, а был только хриплый, с одышкой, голос через спутниковую связь, последнее, что сказал Хромец в своей неудачливой никудышной жизни: "...Загнали в ущелье... Третье ущелье слева в Большом Каньоне.

Слышите, третье! Дальше ледник, нам не уйти. У Вейгельта перебиты ноги. Вездеход бросали, он разбит... Их много, все вооруженные. Ждем помощи! Слышите, третье! Третье ущелье слева. Помощи!" — и после нескольких секунд тишины: "Вот они. Сейчас нас будут добывать. Третье ущелье, третье!.. Они подходят ближе... их очень много... они медлят. А это для тебя, ты слышишь меня, Поздняков?.." — и голос, взвизываясь криком, звучал еще долгую минуту, он шел из спрятанного в стене переговорного устройства и был невыносимо реален, словно Гийом умирал не в далеком обледенелом ущелье, а среди тех, на кого он надеялся и кого проклинал под нацеленными в упор стволами. Останков не нашли, и искать было бесполезно: то ущелье накрыли ракетным залпом. После этого набеги чужаков стали редкостью. Интересно, если это хищники, то откуда: из княжества Хинаго или с Мелких Озер?

Наконец, и это тоже было не лучшим вариантом, след могли оставить щитоносцы. Кто они такие и почему их так называют, никто толком не знал. О том, что их корабли видели в Редуте, большинство узнало из официального бюллетеня "В опровержение вздорных слухов", обнародованного на следующий день после того, как их необычный корабль полдня безнаказанно висел над Порт-Бьюно. Самих щитоносцев никто никогда не видел, но на Прокне, да и на других планетах Лиги многие рассказывали о черных кораблях, неуязвимых якобы для любого оружия. Шепотом передавали историю о том, как летающая платформа с Базы, поднявшись навстречу черному кораблю, медленно плывущему вдоль хребта Турковского, выпустила по нему четыре ракеты. Был приказ атаковать или военные просто перенервничали, так и осталось неизвестным. Черный корабль не сделал попытки уйти, якобы даже завис на месте, покачиваясь, и тем, кто это видел, показалось, что он ждет удара с холодным высокомерным любопытством. Ракеты шли точно, и все четыре попали в цель, но и только. Не было ни взрыва, ни ударной волны, ни разлетающихся оплавленных обломков. Ракеты пронеслись сквозь корабль, как сквозь облако, и вылетели с обратной стороны, прозрачные, вроде сосулек, стремительно, много быстрее, чем полагалось бы по законам перспективы, уменьшившиеся в размерах. Эти ракеты не упали нигде, они, по утверждению очевидцев, просто растворились в небе, как леденцы во рту, но еще раньше черный корабль задвигался, меняя очертания, будто не летел над хребтом, а переползал через него, и тут же в небе вспыхнуло. На месте входящей в крен боевой платформы вздулось и поплыло по ветру бурое облачко, а обломки, закувыркавшиеся было вниз, были подхвачены черным кораблем, всосавшим их, как губка воду. После этого корабль будто бы, все так же колыхаясь, пересек всю территорию Редута вплоть до океана, где и был потерян из виду. Шабан не знал, что здесь правда, а что сгенерировано буйным воображением. Большинство считало щитоносцев не людьми, говорили еще, что черные корабли это вовсе не корабли, а овеществленные формы Мирового Разума. Однако эта идея стала чахнуть после того, как появились сведения о высадивании с кораблей неких наземных транспортных механизмов. Все это, по мнению Шабана, здорово напоминало чушь, и он поверил в щитоносцев только тогда, когда сам увидел зависшую в зените черную кляксу корабля... Нет, скорее все-таки гончие.

— Так что будем делать?

Роджер пожал плечами, и Шабан, вспомнив о Менигоне, пожалел, что задал лишний вопрос. Менигон бы мгновенно нашел лучшее решение. У него был богатейший опыт, у Менигона, он сам когда-то состоял в спецгруппе разведчиков, о чем очень не любил вспоминать...

— Связаться бы с Базой, — осмелел Роджер.

О, господи!.. Надо же...

Спутниковая связь через два часа, можешь посмотреть расписание. Ретрансляторов здесь нет. Предлагаешь два часа поспать? Хотел бы я знать, засекли нас уже или еще не успели...

Ну, теперь все, подумал Шабан. Все забудь. Теперь ты машина. Механизм для спасения двух жизней. Хорошие быстрые рефлексы. Только это. Все остальное — конец, вспышка, столб огня и пыли, дымящаяся яма посреди степи. Яму они зарывают.

— Вот что, — сказал он. — Будем отсюда выбираться. Только не назад, иначе, если они нас уже засекли, поймут, что мы напали на след, догонят и прикончат. Двинем наискосок к хребту, вон к той горе, что без вершушки, и очень тихо, чтоб без пыли. Тогда, может быть, проскочим. Пошел!

Чужая колея ушла вбок, и по экрану слева направо ползл хребет — вездеход разворачивался. Теперь они двигались так медленно, что глаза успевали рассмотреть каждую трещину в пересохшей земле, и Шабан удивился, увидев, какие они глубокие, а края их приподняты, кое-где даже вывернуты наружу. Он представил себе, как траки гусениц ломают сейчас края трещин, и обеспокоенно посмотрел на увеличивающийся пыльный хвост. А медленнее тоже нельзя: если их видят, то заподозрят неладное, и тогда — столб пыли, яма в земле. Идиотское положение. Напысь, решил Шабан. Выберемся — напысь по-скотски и напысь кому-нибудь морду. Все равно кому.

Несколько секунд он тупо глядел в затылок Роджера, на потемневшие до серости, слипшиеся волосы. Потеет. Стало быть, боится, и это правильно. Хотя нет, почему правильно, ну устроят нам сафари со стрельбой, так что — мир перевернется? Всю жизнь, всю историю люди охотятся один на другого, смерть — нормальный физиологический процесс, а уж если поморчать, так лучшего места и не найти. Не в комфорте же помирать, в комфорте обидно. Не этого, парень, надо бояться, не этого.

Чушь, подумал Шабан, напрягаясь. Бред. Думай, о чем думаешь! Ты машина, ты механизм, и это дает шанс. Ты дурной механизм. Издыхая, ты будешь думать о том, что не уберег парня, что он уже никогда не увидит того, что увидел ты, там, где другие не видели, и никогда не поймет того, что понял ты. Работай! Черта с два я дам себя угробить. У нас есть чем драться, и у меня не хватит духу почувствовать себя жертвой.

— Не лезь на холм, — предостерег он Роджера. — Обойди его слева. Слева, я сказал. Там есть ложбинка, по ней и двигай. Там не так сухо, меньше пыли будет.

Роджер затравленно кивнул, и Шабан счел уместным подбодрить его щелчком по плечу. Давай, парень, давай. Пока везет. Из ящика под сиденьем он достал дыхательные фильтры — мало ли что — и полез в башенку. Как и следовало ожидать, она давно оттаяла и крутилась нормально. На всякий случай Шабан несколько раз прогнал ее по кругу. А

может быть, она и не замерзала вовсе, вдруг весело подумал он, — может быть, парень просто забыл снять ее со стопора... Он проверил, как ходит в турели ствол, и поставил излучатель на короткие импульсы — в случае чего можно бить очередями, вспышек по десять, — осмотрел прицел и огляделся. Горы уже заметно приблизились, и солнце, канув за гребень, больше не показывалось. Скорее бы. Нервное это дело — ждать последней в своей жизни драки, вернее, ждать, что ее все-таки не произойдет. Хуже не придумаешь.

— Впереди должна быть большая низина, — сказал он. — Поедешь по ней. Если пройдем спокойно, считай, выбрались. И не торопись. Вот выйдем на свою колею — тогда рванем.

Низина открылась с пригорка вся сразу, обширным пространством темной почвы. Отсюда лишь недавно ушла вода, кусты, торчащие здесь чаще, чем в других местах, еще не все засохли. Какой-то зверек выскочил прямо перед носом вездехода и, смешно замелькав лапками, мгновенно закопался в землю. В следующую секунду Шабан увидел вдаль, в самой середине низины неподвижное темное пятнышко, продолговатое, похожее на запятую, и невдалеке от него две крохотные точки. Одна из них чуть заметно двигалась — мелкий суетливый жучок, спешащий куда-то по своим неотложным делам. Вот если бы еще над жучком не дрожал потревоженный воздух, если бы не стелился за ним скудный пыльный хвост... "Вот они, — подумал Шабан. — Вертолет и два вездехода. Гончие". От неожиданности он не сразу сообразил, что надо делать. "Гончие, — крутилось в голове. — Гончие. Гийом..." Удивляясь, он смотрел на деловито разъезжающие чужие машины, будто не было только что подъема на бугор, когда он шипел над ухом Роджера: "Тише! Еще тише!" — и ругался, что опять подняли много пыли.

"Почему они нас не видят?" — подумал Шабан, и эта мысль разом заставила его ощутить всю безнадежность положения. Роджер еще ничего не заметил. Вездеход медленно сползал в низину.

— Назад! — заорал Шабан.

Роджер вскрикнул коротко и тонко, как пойманная птица. Вездеход, взвизгнув турбиной, развернулся на месте, и в этот миг Шабан увидел, как черная запятая вдруг подскочила в воздух метров на двести, а там, на высоте, раскрылись цветком тонкие лопасти, слились во вращающийся диск, и тогда Шабан выстрелил. Взяв прицел ниже вертолета, он повел стволом излучателя вверх, потом снова вниз, перчеркивая небо там, где кренчилась, разворачиваясь для атаки, боевая машина, где откинулись сейчас крышки носовых люков, готовясь выпустить просящуюся наружу смерть. Он понимал, что сейчас будет поздно. Вездеход содрогнулся от близкого взрыва, и сейчас же справа, раскидав комья вырванной земли, вспыхнул второй огненный столб, еще ближе — третий, четвертый...

А это вездеходы, понял Шабан. Черные точки вдаль теперь стояли как вкопанные, окрасившись дрожащим огнем выстрелов. Полоса разрывов наискось прошла за кормой, по броне простучали камешки. На крышу перед башенкой мягко упал вырванный из земли горящий куст, и Шабан, яростно крутнув ствол, сбросил его под гусеницы. Вездеход с воем шел на подъем, оказавшийся вдруг таким крутым и длинным. Позади снова повисла пыльная туча. Чужие вездеходы пропали из виду. Сквозь

пыль Шабан сек дно низины короткими импульсами, не особенно надеясь на удачу, стараясь лишь заставить чужаков понервничать. Судя по отблескам, внизу уже что-то горело, должно быть, кустарник. Разрывы теперь густо вставали впереди: чужаки пристреливались к верхней кромке подъема. Роджер, не отрываясь от управления, обернулся. Лицо у него было потное, измученное отчаянием.

— Вперед, вперед, — сказал Шабан почему-то шепотом. — Проскочим.

Черта с два, подумал он, следя за тем, как быстро сокращается расстояние, отделяющее их от беснующихся разрывов. Проскочишь тут...

Пуля попала им в корму, когда они уже почти выбрались. При ударе Шабана вытряхнуло из башенки, и он, закрывая руками голову, кубарем ссыпался вниз. Ему показалось, что он летит очень долго и никак не может остановиться...

Когда он осознал, что жив и лежит на полу между сиденьями, он понял, что вездеход идет на максимальной скорости и что в вездеходе очень жарко. Он пошевелился и зашипел, закусив губу. Пересчитал все углы, подумал он. С-с-с-в-в-волочи! Морщась, он перевалился на бок. Тело слушалось, но чувство было такое, будто его били железными прутьями. А почему так жарко? Кряхтя от боли, он поднялся на ноги и сел на заднее сиденье. На корме медленно тускнело темно-красное пятно раскаленного металла. Ага, вот они куда попали. Стало быть, повезло... И тут он понял, что еще ничего не кончено, а то, что будет дальше, будет зависеть не от человека по фамилии Шабан, а от его умения быть машиной с правильными и быстрыми рефлексам.

— Живы? — повернул к нему Роджер ожившее лицо. — Очень больно? — Шабан, беря себя в руки, успел еще раз удивиться, как быстро у Роджера меняется настроение. Только что собирался помирить, и вот на тебе...

— Куда едем? — спросил он, облизывая языком сухие губы.

— Пока в Порт-Бьюно, — сказал Роджер, — если, конечно, не будет других распоряжений.

Было видно, что он очень хочет получить распоряжение ехать именно в Порт-Бьюно.

— С ума сошел! — закричал Шабан, забыв про боль. — Живы в горы!

Роджер, пожав плечами, развернул вездеход.

— Они нас так не оставят, — стараясь говорить как можно убедительней, сказал Шабан. — Они же сейчас за жизнь свою дерутся. Просто, как ящик: они нас прихлопывают и спокойно уходят за границу. И наоборот: если мы будем живы и сообщим на Базу — их прихлопнут. На равнине нам конец. Гончие это. Псы.

Тело снова свело режущей вспышкой боли, и он, зажмурившись, скорчился на сиденье. Хотелось выть. Да, здорово нам врезали, подумал он сквозь боль. Кормовой локатор, конечно, вдребезги, а броня — надо же! — выдюжила. Пуля, само собой, излетная, но все равно. Просто везет. Шабан ощупал ноги, плечи, ребра: нет, кажется, ничего не сломано. Действительно, везет. Покопавшись в кармане, он достал коробочку, вынул щепотку порошка из сушеных гифов ползучего гриба и зарядил себе в нос хорошую понюшку. Когда исчезла боль и одеревенела голова, он открыл глаза. Теперь предметы были расплывчаты, но он знал, что скоро в голове прояснится и тело на время станет легким, почти невесомым, как бы-

вает, когда летаешь во сне. Драки все равно не избежать, нельзя позволить боли отвлекать себя от дела.

Шабан поочередно напряг мышцы, проверяя, не болит ли где. Нигде не болело, и тело, ставшее почти бесплотным, рвалось вверх, как аэростат. Он поднялся в башенку. Вездеход ходко бежал по твердому, как кирпич, руслу высохшей речки и то и дело лязгал гусеницей о камень. Горы были уже рядом, впереди распахнулось ущелье, стиснутое красноватыми скалами. Шабан огляделся вокруг. Позади ничего не было видно, и он остро пожалел о разбитом локаторе, зато далеко слева вставала пыль. Ага, вот они как. Опоздали, милые, теперь вам нас не отрезать, раньше вас в ущелье будем, вы, ребятки, нас там еще поищите... Интересно, оба они там или только один? Тогда где второй? По следам, что ли, идет? Очень возможно, а если подумать, то скорее всего так оно и есть. Ну и черт с ним: раз не стреляет, значит, еще далеко, а ущелье — вот оно. Теперь нужно было сосредоточиться и решить, что дальше. Можно было бы подождать чужаков в устье ущелья и встретить их хорошей лучевой очередью... Нет, сказал он себе, их двое. Неоправданно. К чертям всякий риск, развлечение для недоумков. Он посмотрел на часы — до связи оставался час с лишним. Протянем, решил он, собираясь скомандовать Роджеру, чтобы не останавливался. Поиграем в кошки-мышки... И тут он увидел дым.

Это была тоненькая, едва заметная струйка, наверху ее трепал ветер, и где-то на уровне невысоких здесь вершин она исчезала, но она шла из того самого ущелья, куда они уходили от погони. Теперь Шабан узнал это ущелье. "Что там у них? — подумал он обеспокоенно. — Пожар? Куда же это мы? Что я делаю, теперь же туда нельзя!.."

Хуже всего было то, что Роджер тоже заметил дымок и даже чуть притормозил, вопросительно глядя на Шабана. Шабан похолодел.

— Крути влево, — сказал он глухим, абсолютно чужим голосом. — Сейчас... Врежем им как следуем...

Через минуту он пожалел о своем решении: можно было попытаться заскочить в следующее ущелье — но теперь было уже поздно. Каменная, без единой промоины, туша горы надвинулась справа, а спереди, увеличиваясь в размерах, приближалось пыльное облако, и уже можно было различить впереди него черную точку. Точка росла. "Один!" — обрадовался Шабан, лоя точку в прицел. Стрелять было пока еще рано. Покрутив головой, он заметил второй вездеход. Тот был в стороне и еще дальше. Было видно, как он, не разбирая дороги, гонит на предельной скорости. Шабан зло улыбнулся: зря, не успеет. А этот — мой...

Невдалеке грохнул взрыв, и Шабан понял, что по нему открыли огонь. Проверив прицел, он поставил его на слежение и внес поправку на aberrацию. Занервничали, подумал он. Неважно они эту очередь положили, прямо скажем, бездарно. Он нашел пальцем спусковой крючок. Пора.

Перед глазами, на мгновение ослепив, вспухло белое пламя, и вездеход с ходу пронесся через огненный султан взрыва. "Неплохо", — вслух сказал Шабан и, чуть повернув ствол, нажал на спуск. От чужаки полетели клочья, он вспыхнул и растекся, как пластилиновая фигурка на раскаленной плите. По-

том язык огня пропал, удушенный столбом жирного дыма.

"А теперь нас... — как-то отстраненно подумал Шабан. — Все". Он понимал, что не успеет установить прицел. Слепая удача — один к десяти, кто в нее верит? Только тот, кому больше не на что рассчитывать. "Ну! — крикнул Шабан, разворачивая башенку. — Где ты?"

Второго чужака не было видно. Там, где он только что был, даже ближе, висела, неторопливо колыхаясь, плотная черная туча. Она была похожа на большую медузу посреди океана, ленивую и безразличную ко всему, что плавает вокруг, она была как живая, и не было сомнений в том, что это такое. Это был черный корабль.

— Ы-ы-ык! — сказал Роджер, вытаращив глаза. Челюсть у него отвисла. Вездеход заскрежетал тормозами, пошел юзом.

Стрелять?.. Шабан чувствовал, как дрожит на спусковом крючке его палец. Стрелять? Или не стрелять? Он боролся с искушением нажать на спуск, он знал, что обязан стрелять в щитоносцев, не разбираясь, кто они такие. Они — враги. Этим все сказано, а значит — уничтожить. Но как можно уничтожить корабль-тучу? Как? Полоснуть излучателем, зажмурить глаза, сжаться и, раззявив рот в крике, ждать ответа? Нетрудно догадаться, что долго ждать не придется.

— А-ап! — Роджер со стуком захлопнул рот. — Ф-фф-фу-у! Уф!

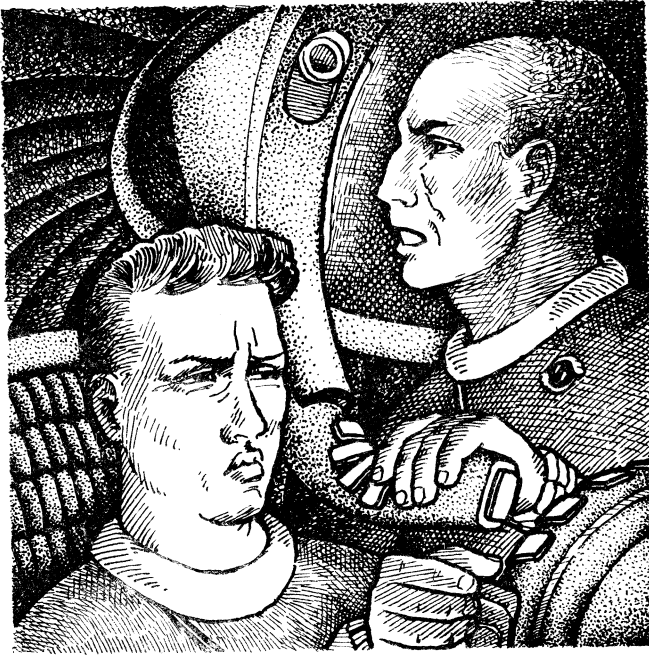
Черный корабль исчез. Только что медуза была тут, висела и покачивалась — не то мишень, не то занавес, — и вот ее не стало, и глаза не успели уследить за ее исчезновением. Ну и правильно... Черный корабль... Бред. Их не бывает... Шабан с облегчением перевел дух, рассмеялся сквозь зубы и сразу выбросил из головы все на свете черные корабли. Второй чужак был хорошо виден. Он уходил в степь.

— Добьем! — загораясь, закричал Роджер.

Шабан неторопливо повернул ствол. В визир прицела было видно, что чужак гонит вовсю, стараясь уйти из зоны поражения. Оттуда не стреляли. "На что они надеются? — тщательно прицеливаясь, подумал Шабан. — На то, что я промажу? Или на то, что пощажу их после того, что они сделали с Гийомом и что хотели сделать со мной? На что-то ведь надеются..." И тут на него нахлынула волна отвращения, и он понял, что не выстрелит. Там, в чужом вездеходе, были люди; лишившись мужества при виде черного корабля, растеряв весь кураж погони, не веря больше ни в себя, ни в свой пулемет, они мчались прочь от наступающей смерти, в страхе они оглядывались, не замечая заливающего глаза пота. Они втягивали головы в плечи, каждое мгновение ожидая режущего удара луча, они уже слышали шипение вскипающего металла... Шабан убрал палец со спускового крючка. Он чувствовал себя гадко.

— Уйдет! Уйдет ведь! — переживал Роджер. От нетерпения он подпрыгивал на сиденье. — Ну вот! В овраг ушел. Теперь ищи его...

— А ну, брось трепыхаться, — буркнул ему Шабан. — В погоню не пойдем. Во-первых, у него скорость выше нашей, во-вторых, не наше это дело соваться под пулемет. Наше дело сообщить на Базу — и пусть они там разбираются, если им хочется. Давай-ка выйдем, поглядим, что у нас с кормой. Брось сюда фильтр.

Он скосил глаза на указатель фона — как всегда, высоковат, но, в общем, не смертельно, — надел фильтр, выбрался через верхний люк и тяжело спрыгнул на землю. Какое-то мелкое насекомое, ошалев, забегало кругами возле его ног, противно пискнуло под каблуком. Корма вездехода была оплавлена и почернела. Там, где пуля выела кусок, броня прогнулась внутрь, с края выбоины свисала корявая стальная сосулька.

— Срежем? — спросил Роджер.

— Как хочешь. Лучевик теперь твой, вот ты и режь. А лучше плюнь. Я бы еще сильнее искромсал. Может, мы под эту выбоину "армадил" получим? Нет худа без добра... — Поехали.

Вездеход взял с места рывком, словно допотопный танк, выскакивающий из засады, и пошел мощно и ровно. Было ясно, что Роджер хочет о чем-то спросить, и Шабан очень хорошо знал, о чем. Он боялся этого вопроса. Теперь он чувствовал себя в положении человека, которому предстоит испытать неприятное, очень болезненное ощущение, и он, протестуя всем телом, старается оттянуть момент боли, но с сошущей тоской понимает, что момент этот наступит, что и здесь придется пройти, и еще неизвестно, что там дальше, за страхом и болью.

В устье ущелья дым стал отчетливо виден; он сделался гуще и чернее, и ветер наверху рвал его с наугуй, как резину. Шабан облизнул пересохшие губы и нарочито небрежно потянулся за фляжкой.

— Чего встал? — спросил он, стараясь придать голосу естественное неудовольствие.

Роджер молча показал на дым.

— Ну и что, — упреждая вопрос, сказал Шабан. — Бывает. Там когда-то была шахта и маленький лагерь. Теперь там ничего нет, кроме брошенного старья. Должно быть, там убегуны, больше некому. Поехали.

— А может, посмотрим?

— Вперед, я сказал.

Кажется, пронесло, подумал Шабан. Еще раз пронесло... Украдкой он вытер вспотевшее лицо, промокнул рукавом залысины.

Роджер явно обиделся и демонстративно не отводил глаз от рвущегося под днище бездорожья. Барышня, фыркнул про себя Шабан. Гимназисточка. Мадемуазель. Что бы ему сказать такое, чтоб не сходил с ума? Черт, и сказать-то нечего, слова все растряс, хоть жестами изъясняйся.

— Через час сменю, — сказал он. — А в том ущелье завал. Там полдня по камням прыгать.

В Порт-Бьюно въехали засветло. Шабан притормозил у въезда в охранную зону, покосился на решетчатую вышку. На вышке было пусто, и пулемет, обычно торчавший в сторону степи, теперь смотрел вверх, как телескоп. В караулке горел свет и сквозь окно различались мотающиеся, как воздушные шары на ветру, фигуры — там либо дрались, либо отплевывали флик-джигу. Динамик на крыше орал невыразимое. Проезд в рядах проволоки был свободен. Справа жалко торчала недомонтированная будка автоматического контроля с выдвинутыми блоками и отпечатком подошвы форменного ботинка на боковой панели. Похоже, въезд никем не охранялся. Такое Шабан видел впервые.

— Гуднем им? — предложил Роджер.

— А зачем? Видишь: открыто, поехали.

Сочиню рапорт, подумал Шабан. Кажется, это

Живоглотовы ребята. Так им, сволочам, и надо. Даст им Живоглот опохмелиться, вклевит по первое число — суток по десять на индивидуума. "Припомним, — сказал внутри него другой голос, и он узнал голос Менигона. — Не только они, сам же Живоглот и припомнит при случае. И будет прав: не суйся, умник, куда не просят, береги внешние органы, пока не пооборвали, не лезь в его дела, не любит он, когда лезут..."

"Но ведь он лезет в мои!"

"Не очень-то и лезет, говори дяде правду. Он же к тебе неплохо относится — пользуйся! Благодаря кому ты всегда имел пропуск куда угодно, хоть в Межзону? А? И на Землю имеешь шанс отправиться вовремя, это я тебе говорю. Так какого ж тебе еще?"

"Он подонок. Мразь. Это же нелюдь, Винс! Он же хочет, ты пойми, все они хотят, чтобы и я стал таким же. Я сам становлюсь скотом!..."

"Да ну? Ай как плохо! — Голос Менигона ироничен, невидимые губы кривит усмешка. — И ты, конечно, хочешь его убить? Стереть, так сказать, с лица, да?"

"Да. То есть, нет, не знаю. Просто хочу, чтобы его не было."

"Он будет всегда. Мы пришли сюда как воры, и до тех пор, пока хоть один из нас останется здесь, ничего не изменится. Мы не те, этой планете нужны другие люди. Мы очень мало кому нужны, Искандер. Кретины называют нас авангардом человечества. Волны экспансии: одна, другая, третья... Вот они идут, мертвецы, потомки людей. Их предки, говорят, построили пирамиды и Акрополь. Их потомки стыдливо вычеркнули нас из школьных программ. Ровнее строй! Ты думаешь, это человеческие лица? Вглядились получше, какие это лица. Запе-вай! Ах, как красиво они идут, просто не оторвать глаз! Их торсы каменно-неподвижны, строй встает на носок и единой волной выбрасывает вперед прямые в струнку ноги. На два такта: ать-два, ать-два... Подковки на сапогах. Вольноопределяющийся Шабан, шире шаг! Вы что, не видите, что ломаете строй?"

Замычав, как от боли, он дернул рулем — вездеход, вильнув вбок, искрошил гусеницей вазон с корявым декоративным растением. Рывок обратно — и снова тарактеные траков по бетону дороги. Шабан мотнул головой удивленно уставившемуся на него Роджеру: так, мол, парень, ничего. Вот-вот, подумал он. Вот только на это меня и хватает — вазоны давить. Он чуть не плюнул. Впереди уже встала во весь рост, нависла двухсотметровой стеной стальная грань куба Порт-Бьюно. Центральное шоссе, усаженное по обочинам местной растительностью, уходило прямо в фундамент, к гаражам и дезинфекционным камерам. Перед самым въездом на постаменте, облицованном чистым рением, высилась недавно установленная сверкающая статуя, изображающая Первопоселенца. На горизонте слабо дымилась конусы отвалов ближайшей шахты, многие из них далеко обогнали по высоте несуразный кубический поселок. Правее и дальше располагался комбинат, но за дальностью были видны только трубы, выраставшие словно из-под земли. Еще правее была только степь да кое-где вдоль невидимой отсюда проволоки карандашами торчали сторожевые вышки. Вездеход, присев на передние амортизаторы, затормозил у закрытых ворот. Автоматика не сработала, вероятно, была выключена. Черт-те что, подумал Шабан. Охрана — вздрзг, ворота заперты, трубы не дымят — опреде-

ленно, что-то случилось. Авария или праздник? Вернее всего то, что тоннель все-таки докопали. Довзрывали, поправился он. Что ж, это должно было когда-нибудь случиться. Глупо было уверять себя, что это произойдет нескоро.

Шабан вдавил кнопку гудка. Странное дело: теперь ему совсем не хотелось вылезать из надоевшей стальной коробки. Гудеть пришлось долго — занемел палец. Противный звук действовал на нервы.

— А может, тихонечко стукнем? — загорелся Роджер и потянулся к управлению. — Давайте, я, Легонько, одной гусеницей.

— Не надо. Слышишь: идут. Приехали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Винтовой коридор был пуст и оттого навязчиво мрачен. Над головой пыльно светился потолок, кое-как освещая шершавые стены, загнущиеся в нескончаемом повороте. Коридор вел вверх. Уже давно, с тех пор, как был ликвидирован верхний гараж, им почти не пользовались. Еще и теперь на полу удавалось рассмотреть старые вмятины от траков гигантских "армадилов", а вот и покореженное место на стене — это Амар сюда въехал с разгона, — хороший был парень, но безалаберный отчаянно, — и вот угодил на шельф, к черту на кулички, и что-то давно о нем ничего не слышно. А я позволил себе возразить Позднякову, а Поздняков, взявши меня за плечо, сказал убедительно: "Нельзя, Искандер, нельзя этого", и я потом ходил самодовольный, как павлин, удовлетворенный тем, что сделал все, что можно. А когда перестал быть павлином, убедил себя в том, что действительно ничего нельзя было сделать, да только убедить так и не получилось. Он пошел быстрее. Нет, не буду я тут сидеть. Устал, и ноги болят, и правильно сделал Роджер, что не пошел со мной, а я его, впрочем, с собой и не звал, и теперь он наверняка уже у себя, отдыхает, и не бывает у него никаких синдромов... Интересно, когда здесь убирались в последний раз, подумал он. Слово цементом присыпано. Мусор, тряпье какое-то валяется, стекло битое. Он поддел ногой рваную картонную коробку и тут же отпрыгнул в сторону — из коробки выскочило маленькое и белое, заметалось по полу и скрылось в тряпичной куче. Шабан плюнул. Это могла быть либо мышь, сбежавшая из лаборатории по разгильдяйскому недосмотру, либо гигантский белый клещ, единственный местный вид, приспособившийся к жизни в человеческом жилище, случайный переносчик пятнистой горячки, но насекомое мирное и на человеке, как правило, не паразитирующее. На всякий случай Шабан обошел тряпье стороной. Тоже уроки Менигона, подумал он серьезно. Если опасность существует, сведи ее к минимуму, а если опасности нет, то такого не может быть, оглядись по сторонам хорошенько!..

Пять минут назад он привалился к стене отдохнуть, чувствуя, что онемевшие от усталости ноги дальше не пойдут. По грубой прикидке, он находился где-то на уровне двадцатого яруса. Навстречу спускались — Шабан прислушался: много, человек десять. Шлепанье разогнавшихся на спуске ног было похоже на яростную работу мухобоек, когда жарко и мух очень много. Шлеп! Шлеп! Это хорошо, подумал он, что пол старый, пластикат выкрошенный, а то было бы: "Бум! Бум!". Нет, не охрана, определил Шабан, когда наверху кто-то блажно заорал, яв-

но валяя дурака, кто-то завопил режущим фальцетом модную песню в общеизвестном на Прокне варианте: "У модели есть на теле...", еще кто-то подхватил, возводя голос в пикантных местах до ангельской вышины, и все, даже многоногое шлепанье, кануло и пропало в оглушающем взрыве гогота. Компания веселилась вовсю, но это, конечно, было только начало. Потом пойдут морды бить, решил Шабан, или заберут вездеход и будут колесить по степи дикими зигзагами, бестолково палить во все, что умеет бегать, летать и ползать, от искрящей змеи до последней клювастой землеройки. Шабан напрягся. Против воли сжались кулаки, отставленная назад нога заелозила по полу, ища упора. Избить, размззть, расквасить, — что угодно, только чтобы не было этого ржания!..

Такой злости Шабан не испытывал давно. Кулаки зудели. Он даже не успел удивиться этому, как из-за поворота вынесло всю компанию. "А я говорю, у меня сопрано!" — и снова разинутые в ржании пасти, матерые потные морды: "Ой, не могу!" Ржали с энтузиазмом, до икоты, в изнеможении наваливались на стены трясующимися животами, перхали и давились, смахивая слезы, и — шлеп, шлеп! — перли вниз; их просто распирало. Некоторых Шабан знал в лицо: все здоровенные сытые мужики, местная рабочая аристократия, мастера, десятники, герои подземных миль, прогрызатели каменных хребтов, погонщики бессловесных убогунов. "Плешь!" — восторженно закричал белообрый солист, увидев Шабана, и озабоченно пощупал свою макушку. "А у меня такой нет", — добавил он грустно и, состроив плаксивое лицо, талантливо захныкал. Новый взрыв гогота не успел достичь апогея — Шабан, прыгнув вперед, сшиб солиста косым ударом под челюсть. Не давая упасть, поймал за ворот, ударил еще, не разбирая куда, чувствуя, что злость никак не проходит, — белообрый гулко обнял стену и, заваливаясь набок, жалко выставил защищающую ладонь, в моргающих глазах — испуг и непонимание. Схватить, вытрясти из мерзавца душу, пока остальные не опомнились, — нельзя, Шабан спиной чувствовал, что нельзя. Разворачиваясь на каблучке, подавил желание лягнуть отползающего с подвываемым белооброго, шагнул навстречу раскормленным жвачным мордам, выдохнул-крикнул: "Ну!" К нему приближались стадом, все сразу. Распалая себя, подходили медленно, не спеша поддегивали рукава, щерились, ласково ощупывая глазами. Один еще не отсмеялся, гогот ушел в емкое сырое чрево, и оттуда взрыкивало. Убьют, решил Шабан. Вот сейчас кинется первый, а за ним все стадо — затопчут, забьют по-мясницки и только потом начнут жалеть, что забили так быстро, без выдумки, и будут думать, что делать с трупом... Пятясь к стене, он вытащил из кобуры пистолет, обхватил ладонью ствол — увесистая штука, такая и быка свалит, если по лбу, что и требуется. "А толку?" — подумал он, почувствовав лопатками стену. — Ну, оглушу одного-двоих, а дальше? Дальше видно будет, хотя скорее всего дальше уже ничего не будет видно".

Почему-то они остановились. Все разом. Не решаются? Тот, что впереди, обернулся — загривок в потных складках, красный, — о чем-то шепчется с другими в полный голос. Ага, вот оно: "Разведчик, я его знаю". — "И что?" — "Живоглот шкуру снимет..." — "А при чем здесь разведчик?" — и кто-то уже одергивал засученные рукава, кто-то, пряча

глаза, отходил в сторону. Шабан все еще продолжал сжимать в руке ствол, слыша, как в груди прыгает сердце, холодное, как большая лягушка. Перед ним расступились, давая дорогу. "Извиняемся", — прогундосил тот, что шептался, и Шабан вспомнил, что видел его когда-то давно десятником в тоннеле. Он отлепил лопатки от стены и понял, что сейчас никуда не пойдет, — ноги норовили зайти дрожью, и он почувствовал, какая это будет дрожь: не крупная, колотящая, как несколько часов назад, когда попал под ливень, и уж тем более не благородная дрожь гнева и негодования, — а мелкий, подленький, трусливый ознобчик, который никак нельзя показывать этим самодовольным животным, чтобы ни у кого из них не хватило духу хрипеть потом: "А вот один передо мною так прямо в штаны и наклал, спроси, кого хочешь...". "Пошли, ребята", — наконец сказал десятник, решив, видно, что разведчик держится стены, чтобы не подставлять зря спину; остальные уже шлепали вниз, избегая смотреть друг на друга, со злобой скашивали глаза в сторону утирающегося белобрысого.

Дождавшись, когда последний из них утащится за поворот коридора, Шабан побрел вверх. Как ни странно, ноги не дрожали, а только очень устали и немели где-то под коленками. Почувствовав, что руку до сих пор оттягивает пистолет, Шабан сунул его в кобуру и не сразу попал. Зря боялся, подумал он и, покрутив головой, усмехнулся: надо же, на этот раз Живоглот спас, вот уж чего не мог себе вообразить... Все его бояться, не один я, а вот все ли ненавидят так, как я? Где уж там. Ненависть-то роскошь, это ведь не каждому дается, а только за большие заслуги, вроде медали, и чаще всего вместе с переводом куда-нибудь на шельф, чтобы не маячил. Вот и от этих "героев подземных миль" ждать нечего, струсили. Два пугала у них — Живоглот и фоновое излучение, но радиации они боятся все же меньше. И даже повадки у всех сходные, потому что все, что у них есть, помимо работы, — жратва, деньги, обмен моделями да еще, пожалуй, устроить дебош в баре, погонять по коридору канцелярскую крыску. Понять бы их, пожалеть бы, как того требовали великие гуманисты, да как-то не получается. Ведь убили бы, видно было, что убьют или, в лучшем случае, безнадежно покалечат, и ведь ничего не стоило наставить на них ствол, показать значок или просто удрать, а как ни странно, даже в голову не пришло...

Сзади кто-то догонял, тяжело, с надсадной одышкой. Донеслось силпое: "Погодите!" Шабан обернулся. Это был белобрысый солист, потный, утирающийся рукавом, мордатый. Чего это он, подумал Шабан. Предупреждение, угроза свести счеты? И так ясно, что теперь одному лучше в шахты не соваться. Или он меня глупее себя считает? Становилось любопытно. Шабан с интересом поглядел на белобрысого, подождал, пока тот отдышится и отплюется.

— Мотор не тянет, а?

— Не-е... Ребята послали извиниться. Фу-уф! — и белобрысый без особого труда проглотил одышку. — Быстро вы, разведчики, ходите, насили догнал. Ребята плохого не хотели. Праздник же, ну и выпили немало, в такой день как не выпить, сегодня разрешено без ограничения. К тому же у большинства срок истекает... Два года в тоннеле как каторжные, сами понимаете, — и все, пробили, наконец, прогрызли, даже не верится. А ловко вы меня отделали, не каждый бы так смог, а мы-то, честно гово-

ря, подумали — клерк попался, хомяк сидячий. Так что вы обиды не держите, ладно?..

Было занято смотреть, как он, сконфуженно моргая, прикладывает руки к сердцу. Действительно, артист. Если бы еще не настороженные глазки, которые он так старательно отводит, чтобы выдержать роль, не показать ледяной злобы, совсем можно было бы подумать: раскаивается человек, чуть только не хнычет. Подлец, земноводное, брезгливо думал Шабан. Ударь его сейчас — утрет морду и спасибо скажет. Липкий, как слизень, и голый, как слизень же, насквозь виден. Бойтся, что Живоглоту донесу. По себе судит, гад, но пусть бойтся, это только к лучшему...

Высокомерно пожав плечами, он пошел дальше. Белобрысый отстал. Некоторое время из-за поворота были слышны его шаги, потом шаги заторопились, быстро удаляясь, — белобрысый спешил догнать свою компанию — и вскоре далеко внизу еле слышно залаяли голоса: не то белобрысый получал от со товарищей внушение за недогадливость, не то компания добралась уже до гаража и скручивала в бублик диспетчера на предмет выдачи вездехода. Ну и черт с ними, безразлично подумал Шабан. Он попытался заставить себя думать о комедийно закончившейся стычке, но не это сейчас было главным, и мысли упорно не лезли в искусственное русло. Стычка произошла слишком давно и не с ним, была забыта, выпала в прошлое на тысячу лет, а истории, как известно, врут и путают. Догадка подтвердилась — теперь Шабан твердо знал, что тоннель окончен. Когда-то он часто пытался представить себе свои ощущения, когда узнает об окончании тоннеля, — что это будет: гнев, отчаяние или, может быть, то и другое вместе? Во всяком случае, не восторг, как у большинства, это он знал точно. Все оказалось совсем не так драматично, как можно было себе представить, и он с удивлением понял, что не был готов к этому. Оказывается, не так уж это страшно, когда все вокруг переворачивается, подумал Шабан, входя в боковой коридор, — лишь бы и ты переворачивался в ту же сторону. А может быть, все это бред, и мир наоборот встает с головы на ноги? Приятно так думать, а уж если быть с собой совсем честным, то приятно и наоборот, когда все за, а ты один против и упиваешься раздражением, благородно не показывая виду. Да нет, ерунда, я просто устал. Нельзя ни о чем думать, кроме постели, когда так устаешь, непременно отыщешь философский тупик там, где его сроду не было, и спать не захочешь, а назавтра: "И дурак же я вчера был!"

Кабинет Позднякова оказался запертым. Шабан бесполезно подергал дверную ручку. "Нет приема, — с неприятными интонациями только что разбуженного человека ответил дверной автомат. — Неврите ручку и приходите в приемные часы".

Конечно, его разглядывали. Видеоанализатор прятался где-то здесь, скорее всего в самой двери. Спохватившись, Шабан расстегнул куртку, обнажая служебный значок второй стелени. "Очень сожалею, но шефа действительно нет, — смягчился голос, меняя тембр — теперь это было бархатное контраalto. — Если у вас срочное сообщение, пожалуйста, подтвердите это, и я попробую с ним связаться. В случае секретности сообщения категории выше третьей, согласно инструкции, передайте информацию в спецархив. Ближайший пункт приема информации находится..."

Шабан повернулся и побрел обратно. "Всего вам доброго", — задумчиво сказал в спину автомат. И тебе того же, подумал Шабан, волоча ноги. Опять мимо. А было бы неплохо вот так и явиться к начальству, всклокоченным, с грязью в отросшей щетине, разнузданно ввалившись в ореховый кабинет, сжимая кулаки, провонявшие чужими мордами, принести с собой хотя бы запах того, что творится вовне, а там — рывкнуть, взорваться, заорать, что так дальше нельзя, и, может быть, тогда удастся увидеть — нет, не понимание, куда там, — хотя бы испуг, и то хорошо. Нет, поправил он себя. Не выйдет. С Поздняковым так не получится, не такой человек Поздняков. В лучшем случае возьмет за плечо и снова скажет: "Нельзя, Искандер, нельзя". Вот с Живоглотом можно бы попробовать, если припрет: слишком уж он властен, не может быть, чтобы не испугался человека, который его не боится. Хм... можно подумать, что я его не боюсь. И не только его, если разобраться. А хуже всего то, что меня даже устраивает, что Позднякова не оказалось на месте: развлекается, должно быть, как все, и значит, можно опять не торопиться с трудным разговором, тем более что пар я уже выпустил — солист со своим soprano кстати повернулся, — могу теперь без особого насилия над собой и завтра ничего не сказать, и послезавтра... И почему я, собственно, решил, что буду себя плохо чувствовать, если не вмешаюсь, один против всех? Очень может быть, что не так уж плохо...

Кровать была замечательная, распростертая на половину комнаты, предмет зависти, не какая-нибудь откидная полка. С наслаждением задвинув за собой дверь, на которую тут же обрушилась волна праздничного гула жилых ярусов, Шабан, не раздеваясь, плюхнулся на постель животом, затряс ногами, сбрасывая форменные боты. Расправившись с ботами, он уткнулся лицом в подушку и замычал от удовольствия. Спать не хотелось. Когда это я успею выспаться? — попытался вспомнить Шабан. Ах, ну да, в вездеходе. Тоже, нашел место... Он вспомнил испуганную физиономию Роджера и улыбнулся в подушку. Младенец все-таки, хоть и не совсем простак... Расстроился ужасно, когда ему так и не удалось связаться с Базой, и когда я попробовал, тоже не удалось — теперь-то понятно почему, — и, значит, чужакам в уцелевшем вездеходе удача улыбнулась во весь рот, имеют теперь неплохой шанс уйти живыми. Теперь, помимо тоннеля, еще забота — что-то предпринять, чтобы он не разболтал про дым в ущелье. Кстати, откуда там дым? С ума они, что ли, походили? Наведаться бы туда, да в одиночку могут не выпустить — не Роджера же брать с собой. А если дым оттого, что их накрыли?.. Шабан почувствовал нервный озноб. Вот это плохо. Хорошо бы осторожно прозондировать Позднякова: если беглецов накрыли, то он должен знать, но страшно — может догадаться, умный он, когда не надо, куда мне до него...

Под боком промялась и зашуршала постель. Конечно, это была Лиза, кто же еще мог войти так, чтобы не было слышно ни шума шагов, ни колыхания воздуха. Она всегда ходила бесшумно, но далеко не по-кошачьи, а скорее парила, едва касаясь ступнями пола, будто ее тело уже подхватил воздух, а ноги по милой забывчивости еще переступают по-прежнему. Так кошки не ходят. Мягкие руки, теплое

дыхание, коснувшееся шеи. Шабан подумал, что волосы у нее, должно быть, сейчас распушены светлым водопадом, струи льются на плечи и на лицо поверх счастливых глаз, но не было сил вернуться посмотреть на нее. Она легла рядом, обняв за плечи, прижалась к нему, поцеловала в шею, и Шабан неприятно ощутил, что шея у него грязная и даже не вспомнить, когда мыл ее в последний раз, хотя, конечно, мыться перед разведкой самое бессмысленное занятие.

— Нет, нет, моя девочка, — пробормотал он нехотя. — Не могу я сейчас ничего, тошно мне, не человек я сейчас — кит на отмени, пес побитый, облезлый. Ты же у меня умная, все сама понимаешь.

Она понимала. Быстро поцеловав, отстранилась, спросила: "Ты голодный?"

— М-мм-м... — промычал Шабан. — Разогрей чего-нибудь. Только не сейчас, попозже. Через часок, если не засну, — и Лиза опять придвинулась, обхватила его руками, прижалась, что-то нашептывая, и смысл ее слов не доходил до Шабана, но ему был нужен этот шепот, и он блаженно расслабился, чувствуя, что под ее руками перестает ощущать границы своего тела и, может быть, в первый раз за много дней по-настоящему счастлив. Но Лиза вдруг приподнялась и затрясла его за плечи:

— Ты не спи. Слышишь, не спи! Я не хочу опять одна. Целый день одна и на прошлой неделе три дня подряд одна. Сегодня был праздник, и опять тебя со мной не было. Зачем ты уходишь? У тебя всегда злое лицо, когда ты собираешься уходить. Это оттого, что у тебя пистолет, да? Ты же не военный, зачем тебе пистолет? Ты всегда бросаешь кобуру в угол, когда возвращаешься. А сегодня не бросил. Потом ты опять уйдешь на несколько дней, и я опять останусь одна. Я не хочу. Почему мне нельзя всегда быть с тобой?

— Как прошел праздник? — поинтересовался Шабан, переворачиваясь на спину.

— Замечательно! — Лиза захлопала в ладоши. — Было так весело! Сначала что-то говорили. Я ничего не понимал, но люди вокруг кричали и смеялись. Потом заиграла музыка и снаружи начали пускать в небо цветные огни. Я в окно видела: много-много красивых огней, и все вокруг смотрели и радовались. А один огонь упал на вышку, и человек, который был на вышке, долго кричал и махал кулаком, а все люди смеялись и показывали пальцем. Я тоже показала пальцем, а люди увидели меня и опять засмеялись. Это так странно, когда люди смеются. Потом в небе прошли воздушные корабли, но это было уже неинтересно. А люди стали вдруг танцевать прямо в коридоре, и один из них захотел, чтобы и я с ним танцевала. Мы долго танцевали, а вокруг люди уходили и приходили и снова танцевали. А один начал шататься, как больной, и упал на пол, и все очень громко засмеялись. Они говорили, что он очень много выпил из бутылки. Тот, с которым я танцевала, тоже хотел, чтобы я выпила из бутылки, но я не стала пить, потому что ты говорил, что мне этого нельзя. А потом он пошел за мной по коридору и все уговаривал меня пойти к нему в комнату, и еще двое шли сзади и смотрели. Это было так смешно! Он стал хватать меня за плечи и тянуть в комнату, но я сказала: "Нет", и он странно посмотрел на меня, и те, другие, тоже. Потом он отпустил меня, и все они ушли. А я пошла домой и увидела тебя.

— Когда-нибудь доиграешься до того, что дашь себя изнасиловать, — хмуро сказал Шабан.

— Что такое "изнасиловать"? — спросила Лиза.

— Как бы тебе объяснить подоходчивее... Сама узнаешь, если и дальше будешь своевольничать. Я же тебе ясно сказал, чтобы не смела разговаривать с чужими. Кто тебе разрешил?

— Я забыла, — просто сказала Лиза.

— Забыла, — процедил Шабан. — Э-забыла! — "Ты даже не представляешь, что теперь будет, — подумал он, впиваясь ногтями в подушку. — Да, девочка, язык твой длинный — враг твой и мой, и выходит, что учи тебя не учи, а как была дурочкой, так дурочкой и осталась, несмотря ни на что. Забывать, значит, научилась. Ох, не вовремя, и ведь забыла именно то, что никак нельзя было забывать".

— А больше ты ничего не говорила, одно только "нет"?

— Больше ничего, — сказала Лиза. Она улыбалась. — Только пела. Когда летели воздушные корабли, из стенки заиграла громкая музыка, и кто-то запел, и все вокруг тоже начали петь. Ты мне говорил, что это гимн. И я пела... те слова, которые знала. Теперь я выучила все слова. Там есть непонятные слова, но я их все равно запомнила. А что такое: "Славой героев пространства озарены на столетья"? Кто озарен? Хочешь, я спою тебе это место?

— Нет уж, — сказал Шабан. — Обойдусь как-нибудь. Кстати, кто-нибудь слышал, что ты тоже пела?

— Нет. Кажется, нет. Музыка играла очень громко, и тот, из стенки, пел громче всех. Остальные как будто только рот открывали, ничего слышно не было.

— Ну ладно. Теперь расскажи, как выглядел тот, который тащил тебя в комнату. Ну там, характерные особенности, родинка на носу, например, или, может, он головой тряс? Может, ты его раньше где-нибудь видела?

Лиза покачала головой и по-детски положила подбородок на руки.

— Не видела. Обыкновенный он был. Как все. Потный, липкий. Я даже не запомнила его как следует. А зачем тебе?

— Зачем, зачем... Какая хоть комната?

— Раз, два... — Лиза старательно загибала пальцы. — Четыре. Значит, четвертая комната от первого поворота налево.

— Ага, — сказал Шабан. — Этого знаю. Его зовут Редла-Штуцер, прозвище у него такое — Штуцер, жмот по снабжению. С ним я договорюсь, жучок он мелкий, на поводу ходит и кругом должен, деньгам рад будет. А те двое, что паслись сзади?

— Один маленький, худой и какой-то темный. Кашлял сильно. Вообще-то я его не очень рассмотрела.

— Это Ли Оммес, — сказал Шабан. — Этот будет молчать. Всегда молчит, даже когда себе во вред. А третий?

— Третий красивый, — протянула Лиза. — Высокий, прямой, волосы вьющиеся. Вот так, мелко-мелко, — она покрутила пальцем, — целая шапка волос. Как будто не настоящие. Когда они уходили, он обернулся и еще раз посмотрел на меня. А разве так бывает, чтобы люди ходили без значка?

— Что? — спросил Шабан. — У него не было значка?

— Не было, — улыбнулась Лиза. — Я думала, я

тебе уже сказала. А что это значит, когда нет значка?

— Это значит, что значок у него лежит в кармане. Есть, значит, причина. Не нужен он ему на виду, понимаешь?

Лиза серьезно кивнула, и Шабану на миг почудилось, что она и впрямь поняла, но он знал, что это невозможно, как невозможно научить ребенка говорить сразу с рождения, хоть наизнанку вывернись, все равно ничего не выйдет. И конечно, Лиза была не виновата, виноват был он сам, и в том, что произошло, и в возможных последствиях. Мысленно он в сотый раз обругал себя и тот день, когда разрешил ей выходить в коридор. Нельзя было. Теперь вот мучайся неизвестностью... так тебе и надо, кретин, честно заработал, это тебе не лазером жечь. Если узнают, что она умеет разговаривать, церемониться не станут. Он пожевал закусенную губу и, почувствовав боль, вытолкнул губу на место. Человеком без значка мог быть только Гебрий Биртолли, журналист, и не какой-нибудь безответный страдалец из местной газеты, а специально явившийся с Земли на открытие тоннеля корреспондент "Единого Ежечасного Курьера", известная фамилия, и непонятно, как он себя поведет теперь, когда услышал Лизин голос, потому что вряд ли не понял, что к чему. Наверное понял, раз Лиза говорит, что уходя обернулся, подумал Шабан, — хотя, конечно, Лиза женщина красивая, почему бы ему не обернуться? Штуцер вот тоже оценил, а оценивши, возжелал и, должно быть, хватал не только за плечи, знал, сволочь, что от нее по физиономии вовек не дождешься. Ладно, со Штуцером мы еще разберемся, зато теперь есть предлог начать разговор с Биртолли — давно хотел, не знал, с какого боку подойти. Биртолли — это вариант, говорят даже, что он когда-то специализировался на экологии, и в принципе вариандонты могут его заинтересовать. Но все-таки скверно. Очень скверно.

— Ты уже не сердиться? — спросила Лиза.

— Нет, — ответил он. — Хочешь, я включу тебе газету?

Об этом можно было не спрашивать. Она радостно взвизгнула и захопала в ладоши. Восторг у нее проявлялся непосредственно, как у ребенка. Вернулся муж, и муж не сердится, муж сейчас включит газету, и все будет хорошо, подумал Шабан. Ох, Лиза, Лиза, девочка моя...

Он включил газету и, когда посередине комнаты между потолком и полом повисли крупные желтые буквы, осторожно убрал стабилизацию. Для пробы сильно дунул — через секунду край текста начал загибаться назад, колыхаясь, как занавес. По давней привычке Шабан пробежал глазами первые строчки — так и есть, текст оказался праздничным приветствием Правительственного Совета. Цвет букв показался ему слишком ярким, и, поморщившись, он заменил его на темно-коричневый. Лиза радостно засмеялась, и тогда он кивнул: "Давай, малыш, можно". Она соскочила с кровати и, легко подбежав к газете, взмахнула руками снизу вверх, будто выпускала в небо птицу. Газета всколыхнулась, рассыпалась, и буквы разлетелись по комнате, ударяясь о стены, рикошетом отскакивая от пола. За границами силового поля они постепенно теряли форму и становились прозрачными, в конце концов исчезая навсегда. Лиза со смехом гонялась за разлетающимися буквами. Набрав пригоршню, она с жадным любо-

пытством смотрела на ладонь и, когда буквы пропадали, растерянно оглядывалась по сторонам. Эта игра ей никогда не надоедала. Шабан знал, что она хитрит, на самом деле растерянностью тут и не пахнет, а вот сейчас она лукаво посмотрит на него и улыбнется... Хорошая все-таки у нее улыбка.

Он закрыл глаза. Лиза, гоняющаяся по комнате за буквами, была привычна, но Лиза, поощая гимн, определенно не укладывалась в голове. А еще говорили, что ей никогда не удастся превзойти уровень двухлетнего ребенка, дескать, модель не человек, куда ей... Он поморщился, поймав себя на том, что назвал Лизу моделью. Жена. Женщина, лучше которой нет и не будет. А если и будет, то я этого не хочу, подумал он. А перспектива есть, особенно если Штуцер успел уже наболтать. Потом как ни кричи, что она мне жена, что она человек, а прикажут отдать — и отдашь, и лучше бы не знать о том, что они с ней сделают. Плохо, что я это знаю. Переговорить со Штуцером сегодня же, сейчас же, пока еще не поздно, а потом уже с Биртолли. Или наоборот? Лиза, Лиза... Сколько шишек сегодня набил и не думал, что последняя будет от тебя. А ты опять улыбаешься. Не спорь, я вижу. Ты всегда улыбаешься. Ты не умеешь плакать, они отняли у тебя даже это. Но это ничего, когда-нибудь я тебя научу, человек должен уметь плакать. Но все же лучше улыбайся, мне бывает хорошо, когда ты улыбаешься...

Когда в дверь ударили второй раз, не кулаком и не ногой, а чем-то тяжелым, Шабан уже пружинил на ногах сбоку от двери. Первое, самое ценное мгновение было выиграно, и теперь он увидел свою руку уже на рукоятки пистолета, а кобура словно и всегда была расстегнута. Он почти развеялся: вот они, рефлексы, — но в дверь снова ударили, и тогда он медленно извлек пистолет. Снаружи били размеренно, упорно, доносилось тяжелое злое сопение. Неужели Штуцер уже разболтал?

Лиза, не удержавшаяся на ногах, когда Шабан ее оттолкнул, поднималась с пола, все еще нерешительно улыбаясь. Она не понимала.

— Укройся там, — приказал Шабан, указывая рукой на спинку кровати. — И не высовывайся.

"Будут стрелять или нет? — билась в голове мысль. — Пока не сломают дверь, наверное, не будут, — а потом?"

В дверь застучали сильнее. Шабан медленно пятился: стрелять с близкого расстояния было бы самоубийством. Найдя ощупью дверную кнопку, он оглянулся на Лизу — она съежилась позади кровати, правильно закрывая руками голову, будто всю жизнь только этим и занималась. Было не разглядеть, улыбается она или нет. Шабан облегченно вздохнул и с силой вдавил кнопку в стену.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Тыфу ты, — сказал Шабан, убирая пистолет. — Я думал, тебя давно след простыл.

— Н-не простыл, — объяснил Менигон. Он был пьян и выглядел вызывающе. В нос Шабану ударил резкий запах дешевого алкогольного суррогата, и Шабан, брезгливо пожав протянутую для приветствия руку, отодвинулся. Менигон немедленно воспользовался этим и, шагнув в комнату, попытался задвигнуть за собой дверь. Руки его не слушались.

— Не хапай дверь, — холодно сказал Шабан. — Здесь кнопка.

Он тут же пожалел о сказанном: пока Менигон был в дверях, его еще можно было выставить. Теперь это превращалось в проблему. Он войдет и будет говорить, говорить, то проникновенно, то горячая, размахивая лапами и брызгая слюной; будет объяснять, почему он поступил именно так, а не иначе; будет захлебываться словами, ненависть собеседника и в то же время всячески пытаюсь убедить его в истинности только что пришедшего в голову абсурда. Или вдруг начнет каяться? И то, и другое — противно. А он будет стараться, пока не выбьется из сил и не заснет прямо здесь, то ли на полу, то ли на кровати — и тащи его потом за ноги в коридор. Он не понимает, что все уже сказано, да и что тут еще скажешь, если при исторической сцене прощания каждый высказал все, что думал о другом. Все без остатка и сверх того еще многое, о чем лучше не вспоминать. До драки не дошло, и на том спасибо.

— Я д-думал, ты мне т-теперь и руки не подашь, — сказал Менигон, держась за стену. — А ты... — он вдруг икнул и качнулся, — а ты — п-подал. Руку.

— Я ее потом вымою, — пообещал Шабан. — Зачем пришел?

— Зачем?.. — На длинном лице Менигона отразилась работа мысли. — А и правда — з-зачем? Чего я у тебя не видел? Д-девку твою говорящую не видел? Я сам говорящий. И как говорящий говорящему я тебе говорю: н-не знаю я, зачем к тебе пришел. И ты не знаешь, — он вдруг выпрямился и бесцеремонно ткнул Шабана пальцем в грудь, — хотя тебе к-кажется, что ты знаешь. И она не знает... вон та, что за кроватью. Пришел вот, и все. Эт-то факт. А с ф-фактами нужно об-бращаться — ик! — осторожно... Во-от!

Шабан пошарил ногой вокруг себя, нашел обувь. Ему было тягостно. Не так уж легко терять друга, особенно когда человек, которого считал другом, приходит вроде бы неизвестно зачем, а на деле — искать понимания, и приходит в скотском состоянии, потому что иначе не может... Менигон — конченный. Теперь он эксперт, уважаемое лицо в агентстве по торгу и найму, да еще на Земле, не где-нибудь. Он сделал выбор и начал дрейф по течению, отдавая себе отчет в том, что неизбежно усилит это течение, и надеясь в душе, что усилит не слишком сильно. Это даже не предательство, подумал Шабан, зря я его тогда облаял. Это просто старость. Голову в песок и ни о чем не думать. Но он не сможет ни о чем не думать, очень он не прост и поэтому будет мучиться, пока сам не поверит в какое-нибудь выдуманное на свежую голову оправдание. Вообще-то Менигон — несчастный сдавшийся человек и, наверное, достоин сочувствия, только шел бы он сейчас к чертовой матери...

— Тебя не ждут на космодроме? — осторожно напомнил Шабан. — Между прочим, не советую тянуть с ренатурализацией. Лучше сделать здесь, а то на кораблях сам знаешь, какая халтура.

— На корабля-ях... — протянул Менигон и злобно усмехнулся. — Врешь ты все, Искандер. Опять врешь. Нету никаких кораблей, один к-корабль есть, да и того, честно сказать, нету. Где он? — Менигон оглянулся, будто в самом деле рассчитывал найти в комнате корабль, и развел руками, но тут же снова схватился за стену. На его лице появилось горькое выражение. — Нету! — повторил он. — Нигде. Я теперь думаю: а может, его и не было?

— Твой корабль на космодроме, — сказал Шабан. — И я тебе настоятельно советую не тратить здесь времени. Упустишь рейс — застрянешь еще на полгода.

Менигон погрозил ему пальцем. Палец был желтый и костлявый.

— В-выгнать хочешь, — сказал он утвердительно. — Все меня гонят. Биртолли, хлыщ, на порог не пустил, Штуцер — ик! — и тот выгнал. А от тебя я не уйду, и не надейся. Здесь буду. Ты думаешь, М-менигон не в своем уме? Это ты не в своем уме, коли п-понять не хочешь... Не пускают никого в корабль, понял? И эк-кипаж не пускают, во! Охрана там, и даже не пьяная. М-морды! Ласково так заворачивают, с приб-баутками. А кого и п-побили.

— Так ты не улетаешь? — не поверил ушам Шабан.

— Ул-летишь тут, когда рейс отменили. Не отложили — эт-то ты заметь! — отменили. Р-раз — и нет рейса. Сплыл. Д-два — оглянулись — а отменить-то больше и нечего. А им мало, им еще хочется. И потому — вперед! От-менить! — Менигон возвысил было голос и снова опустил до шепота. — Меня отменяют. Тебя...ик! — отменяют. Всех...

Его голова поникла и вскинулась толчком, как резиновая. Он деревянно качнулся вперед и поймал Шабана за рукав.

— Потому что праздник, — сказал он с чувством. — Потому что радость, это ты понимаешь? А? Ты вообще-то понять способен? Гордость — понял? Радость! Я только сегодня понял, что такое радость. Это когда праздник, когда поют гимн и н-никто при этом не ржет и не х-хлопает себя по задку. Я сам пел! Даже прослезился, если хочешь знать, сам от себя не ожидал. Святые слезы! Оч-чищение — понял? И я теперь чист перед всеми вами, перед всем дерьмом вашим, и если меня не п-пускают в корабль, то только потому, что я чист, хоть и сам в дерьме, а это их не у...удовлетво...выворяет, им нужно, чтобы я был в дерьме и к тому же еще и грязен, тогда будет можно... А я чист! — Менигон ударил себя в грудь и, не рассчитав, отлетел к двери. Здесь его колени разом подогнулись, будто сломались, он сел на пол и уронил голову на грудь.

Лиза, поднявшаяся наконец из-за спинки кровати, смотрела на Менигона своими огромными детскими глазами, и Шабан, поймав ее взгляд, полный непонимания, подумал, что сам ничего не понимает. И уже не старается понять.

Такой Менигон был попросту невозможен. За три года общей работы Шабан видел его всяким. Он видел серьезного и сосредоточенного Менигона. Менигона осторожного и расчетливого. Менигона хладнокровного и насмешливого. Менигона — хулителя, фрондера и хама. Один раз даже — Менигона добродушного. Мертвецки пьяного Менигона он тоже видел. Но не такого.

— Шел бы ты спать, — неуверенно сказал Шабан. — Поздно уже.

Менигон зашевелился, с трудом, хватаясь за стену, поднялся на ноги и горько покачал головой.

— И все равно я улечу, — упрямо сказал он. — Не этим зв... звездолетом, так следующим. Ч-через полгода улечу. Ч-через год. Во они меня здесь удержат! Пешком дойду! — Он запнулся и завращал глазами. Было видно, что последняя мысль его ошеломила и поразила новизной. — Уйду, — повторил он с воодушевлением. — От вас от всех. К-как там

у Баруха? Э-э... Да! "Мы уйдем по утренним звездам, и наши шаги..." Э-э... наши шаги... Шаги наши... м-м-м... ик! Не помню. Дальше-то как?

— "И наши шаги смешают во лжи добро со злом, и там, где мы ступим, не выпадет дождь и не опустится снег, и звезды будут гаснуть под нашей пятой и разгораться вновь там, где мы прошли, сжигая за нами боль наших слов и смрад наших тел, и не мигнут нам на прощанье", — закончил Шабан и, бросив взгляд на Лизу, заметил, что глаза ее затуманились. Она не просто слушала, она, кажется, услышала! Шабан почувствовал сладкую жуть, как всегда, когда открывал в Лизе новое. Она проснулась, подумал он. Она уже не заснет и уже никогда не станет просто моделью. Может быть, она когда-нибудь станет человеком. Может быть.

— В-вот я и говорю, что он был сумасшедший, — тянул Менигон, плепая губами. — Я-то его уж не застал и знать не знал, а старик Гийом и справку видел. П-помнишь ст-тарика? Ну, тот, что тебя тогда в баре спас, когда тебе чуть ухо не откусили. Гхы! Шизофреником был твой Барух, ты сам это знаешь не хуже меня, да только кто-то придумал, будто говорить об этом н-не принято. К-кем не принято, я спрашиваю! Т-тобой? Девкой твоей паршивой не принято? — Менигон вдруг рассвирепел. Он уже не говорил, а рычал, брызгаясь. — Вот этой твоей игрушкой для постели не принято? Стервой твоей сексуальной? Ты, тебе говорю! Пшла!

— Пусть он уйдет, — робко вставила Лиза. — Я не хочу. Он страшный.

— Пошел вон, — с ненавистью сказал Шабан. — Дверь сам найдешь?

— А вот это ты видел? — кричал Менигон. — Д-дверь ему! Зря стараешься. Я от тебя никуда не уйд..йду, я твой наставник, если знать хочешь, меня Поздняков, свищ этот геморройный, еще когда накачивал: присмотри, мол, за этим... как его? За тобой, то есть, чтобы, мол, слупа не гробанулся, во! И т-ты, молокосос, см-меешь меня гнать? Меня, куст ты ползучий! Наста-аа-авника, дрянь, своего! Коему ж-жизнью...ик!.. и в-вовек не расплатишься! Гад! Я т-твоей наставник, понял? — и я тебе сейчас н-наставлю...

— Но-но, — пробормотал Шабан, отступая. — Утихни.

Но Менигон уже размахнулся. Потеряв при замахе равновесие, он попятился, сляясь не упасть. Занесенный костлявый кулак тянул его назад, как магнит, на длинном желтом лице обозначились удивление и озабоченность. Шабан поймал его под мышки и потащил вон из комнаты. Менигон цеплялся за дверь. Потом он обмяк, перестал сопротивляться и позволил оттащить себя и поставить нетвердым столбом посередине коридора. "В случае чего дверь успеет захлопнуться, а там пусть себе ломится, — брезгливо подумал Шабан. — Охрану вызову".

— В-выгнал, — с горьким удовлетворением сказал Менигон. — И ты выгнал. Не пожалел. Отца родного, можно сказать, дайн либер фатер... Фатер фатеру — люпус. Волчий закон, понял? Это прерия. Дура лекс сед селяви... Стыдно теперь, а? А ты вот что... — Менигон качнулся вперед и неожиданно вцепился в комбинезон Шабана с такой силой, что на груди затрещало, — ты проводил бы меня, а? Я в-ведь один не дойду, я теперь на другом яру...русе, опять уступил м-молодежи... Проводишь? Ну, не надо, в-вижу, что не хочешь... А ты через не хочу, а?

Ты т-только попробуй, и не стыдно тебе будет, а хорош-шшо, так ведь? А?

От него резко несло алкогольным суррогатом. Порошком ползучего гриба тоже попахивало. Влажный мясистый нос свисал к подбородку, как сталактит. Шабан попытался отстраниться.

— Н-нет уж, — мычал Менигон. Разжать его хватку было невозможно. — Н-нет, ты уж меня доведи-и...ик! Т-ты знаешь, когда ид-дут двое пьяных, они сшш...шатаются по а-амплитуде в к-корень квадратный из двух б-больш...шей, чем когда идет один. В-выпив-вший. Вот. А к-когда из двух ид-дущих только од-дин пьян...в-выпивш...ий... да! — то амплит-туда в к-корень из двух меньше, и ты вот это, я думаю, п-понимать должен, потому что г-голова у тебя светлая, хоть и с п-плешью...

Длинный коридор был почти пуст, только в дальнем конце маячил кто-то, и Шабан пораздовался тому, что их не видят. Потом он понял, что они уже идут в обнимку, и покорился, чувствуя, что давно ему не было так тошно. Хотелось взвыть. Проклятое место эта Прокна, медленная убийца тех, кого не смогла убить быстро. Она их жрет. Вот Менигон, который был человеком. Даже редким человеком. Где он? Вот эта развалина, пускающая слюни, вот эти руины? Наверно, и Поздняков когда-то в молодости был неплохим парнем, а жизнь этого неплохого — об колено, об колено! С хрустом. Чтобы знал, что для того, чтобы ползти вперед, нужно быть скользким. И он старается, ползет по спинам других, устилающих ему дорогу, — он и рад бы не по спинам, да не выходит, не по спинам здесь мало кто умеет, а тот, кто умеет, тот чаще всего не хочет, потому что противно и без того, и не видно цели. Тот же Ли Оммес. Еще Тосихидэ, Гупта, Адам Панчев, прозванный, разумеется, Евой, да мало ли кто еще... А может быть, дело в том, что мы не сапиенсы? Есть же какие-то отличия, и не только в химии организма, а и в психологии тоже, об этом написаны труды, надо попробовать почитать, если будет время. Только времени скорее всего не будет. На нужное дело никогда не бывает времени, вечно чем-то занят: разведкой, снаряжением, обработкой результатов, начальством. Иногда даже своими мыслями, хотя проку от синдрома никакого. Мысль — продукт разума, почему-то пришло на ум. Но тоннель сквозь хребет — тоже продукт разума. И разум продуктом разума убьет чужой разум, не задумавшись и, вернее всего, даже не заметив. И может быть, уже убил...

Менигон совсем обвис, еле двигал ногами и цеплялся за шею. Шабан, морщась от гадливости, поддерживал его под мышки. Недалеко впереди с тихим жужжанием уехала в стену дверь чьей-то комнаты, оттуда вышел некто румяный и розовощекий, со служебным значком пятой степени, по виду — мелкий чинуша из конторы, и, увидев разведчиков, панически заметался и юркнул обратно. Дверь за ним схлопнулась, как выстрелила. В прежние времена Шабан не удержался бы, чтобы не хряпнуть с разбега ногой по этой двери, а затем прислушаться и с удовлетворением услышать, как клерк с грохотом баррикадирует вход и как он срывающимся голосом кричит в интерком, пытаясь вызвать охрану. А потом смыться. И получить на весь день заряд бодрости и хорошего настроения. Правда, эта забава всегда была связана с некоторым риском. Если охрана со скуки и в самом деле не станет развлекаться, давая настырному клерку плоские советы, а прибедет на сиг-

нал незамедлительно, будет худо. Люди здесь злы. Может быть, потому, что у них нет домашних животных, подумал Шабан. Кошечек бы неплохо натурализовать, морских свинок. Мне бы тоже иметь какую-нибудь свинку, пусть Лиза чешет ей за ухом. А что, это идея. Заведу себе Менигона на поводке, буду его выгуливать вдоль коридора... Или лучше заведу себе белого клеща.

Позади зажуужала еще одна дверь, кто-то грузным шагом вышел в коридор и остановился. Из-под руки Менигона Шабан оглянулся и обмер. Это был сам Юстин Мант-Лаквиц, бессменный шеф отдела Особой Охраны и приданных подразделений, он же Живоглот, маленький, квадратный, с газончиком блеклых волос на крупной шишковатой голове. Он смотрел вслед и улыбался.

— Стара, ст-тара ты, Эльп-пиника! — воскрес вдруг Менигон и снова уронил голову. Шабан невольно прибавил шаг. Встреча с Живоглотом — это нигуда не годится. Казалось бы, что тут такого: бредет человек со второй степенью на значке, представитель уважаемой касты разведчиков, влачит уставшего товарища. Праздник же, все мы люди. А этот смотрит, будто увидел невесту что, и улыбается. При этом никто не знает, что он предпримет в следующую минуту, когда под бугристым черепом произойдет раскладка по чашкам весов, и чем это обернется для представителя уважаемой касты. И улыбается. Точно так же он улыбался, глядя, как его молодцы рвали на куски беднягу Эрдию — ходят слухи, что Живоглот лично вырезал ему язык, осмелившийся (гы-гы!) пролететь что-то о злоупотреблении властью. Впрочем, скорее всего, это легенда. Но характерная, поэтому говорят об этом шепотом и оглядываясь. А чаще всего молчат, и правильно. Наверняка все было гораздо проще, без вырезанных языков, без кровавой жути из детских ночных рассказов; гораздо обидней, а потому страшнее. Но улыбочка Живоглота была, потому что не быть ее в тот момент не могло. Это уж у него с рождения — работа в радость. Он улыбался и тогда, когда на последнем усмирении приказывал затопить газом близлежащие норы убегунов, — а вот это уже не легенда, а документированная быль, и на кадрах хроники Живоглот жмурится, как сытый кот.

Кое-как свернули в боковой коридор, и Шабан утер со лба пот. С Живоглотом лучше быть в разных коридорах. Еще лучше — на разных ярусах, а самое заветное и недостижимое — на разных планетах. Чего это ради Менигон плел, будто Живоглот мне покровительствует? Или это мне приснилось? Чуть ли какая-то. Он же феодал, ему вассалы нужны, а я быть вассалом не умею. Я умею быть государственным служащим. В государстве с населением десять тысяч человек — одна трехсотая человека на километр квадратный — не мешало бы всем и каждому чувствовать себя государственным служащими. Но это тоже из области снов.

— В-в лифт не п-пойд-ду, — опять очнулся Менигон. — Гхм! Бху! В в-винтовой в-веди...

Шабан и сам не хотел в лифт. Хватит встречи с Живоглотом, совсем не обязательно напариваться на прочее начальство, особенно на Позднякова. Могут быть неприятности. Менигон спьяну полезет обниматься или упадет в буйство — и не видать ему Земли, не быть ему экспертом. Пусть уж лучше летит. Пусть катится "по утренним звездам", и как можно скорее. Месяца через два он будет на Земле, оша-

левший от радости, потом отдышится, по привычке, а там, пожалуй, начнет скучать и окрашивать воспоминания о Прокне розовой акварелью, утвердится в своей правоте и года через три окончательно сопьется. Жаль, на Земле нет ползучего гриба.

Ага, вот и винтовой коридор, апогей обходного маневра. Дверь уезжает в стену медленно, со скрипом, ей совсем не хочется в стену. На двери вмятины: не то усталостная деформация, не то кто-то бился головой. Очень громко хлопает за спиной — вот вам всем! Так, теперь куда? Шабан притормозил набравшего инерцию Менигона и сам остановился, соображая. Вверх или вниз? На каком он ныне ярусе?

— Теперь хватит, — совершенно спокойным, ровным голосом сказал Менигон и отпихнул Шабана рукой. — Устал, поди. Все, цирк окончен.

Шабан остолбенел. Перед ним стоял прежний, хорошо знакомый Менигон, разве что чуть более озлобленный, чем обычно. Чуть более сутулый, с длинными свисающими руками, с фигурой, похожей здесь, на наклонном выщербленном полу, в скудном свете заросшего пылью потолка, на огромную тощую человекообразную, зашедшую в эволюционный тупик. Не был он пьян, и не был он чист, даже если в самом деле тянул со всеми гимн, отрывая и притоптывая в такт, даже если прослезился — плевать ему было на гимн и на светлые слезы под праздничную выпивку без ограничения. Шабан почувствовал себя дураком, обиженным ни за что. Поделом дураку, не забегай, дурак, вперед. Менигон любит говорить, что нет смысла двигаться быстро, если не уверен, что идешь нужной дорогой. Он прав. Что ж, он нашел свою дорогу и быстро по ней движется. Он теперь добропорядочный. Что нужно, чтобы быть добропорядочным в праздничном Порт-Бьюно? Шататься по всему кубу и цепляться к людям, предварительно прополоскав рот какой-то химией в спиртовом растворе, мычать, изливая чувства, если не способен иначе выказать восторг души, — пусть даже с жесткой усмешкой, запрятанной подальше вглубь, где не раскопают, с терпеливой покорностью участника длинного, сложного и абсолютно не нужного ритуала. К-конспиратор! А может быть, и не с усмешкой вовсе, и не с покорностью, а наоборот, с щенячьим удовольствием неопита, долго шутившегося на мутную мертвую жижу под ногами и наконец решившего прыгнуть — ого! Жизнь-то, оказывается, хороша!

— Здесь их нет, — сказал Менигон удовлетворенно. — Так я и думал. А в твоей комнате их целых две, а может, и больше, это только я нашел двух, они даже не очень прятались. И никто не знает, чьи они...

— Кто — чьи? — спросил Шабан.

— "Блохи", — сказал Менигон. — Знаешь таких насекомых? Только эти "блохи" не прыгают, они ползают. Но шустро.

Шабан повернулся и шагнул к двери. Не будь Менигон когда-то его другом, не будь он и теперь его учителем... Или, скажем, будь на месте Менигона какой-нибудь Штуцер — плохо пришлось бы Штуцеру, хоть он и снабженец, хоть перед ним и заскивают разные простаки. Чтобы впредь соображал, что разведчиков после разведки разыгрывать не стоит, разведчики люди грубые, розыгрышей не ценят и не любят, когда их беспокоят не по делу. А этим — шуточки. Вот и Винсент теперь — из "этих". Веселая планета Прокна.

— Дальше, надеюсь, дойдешь сам, — уронил он через плечо. — И больше не приходи, сделай одолжение. Считаю, что попрощались.

— Я с тобой не прощался, — донеслось сзади.

Да? Вот как? Он хочет чего-то еще? Может быть, получить прощальное напутствие от некоего Шабана, какое-нибудь "семь парсек под килем"? Долетит и без напутствий, никуда не денется. Или ему хочется, чтобы некий Шабан немедленно, здесь же на месте поторопился заручиться протекцией на будущее, на случай, если когда-нибудь все же вырвется на Землю? — и протекция, конечно же, будет оказана... Шабан сжал зубы и зашарил рукой по стене, отыскивая дверную кнопку.

— Стой, — сказал Менигон.

Шабан вздрогнул. Самое простое слово, но Менигон нашел то, что нужно. Вернее, он нашел тон, похожий не на команду, а на ответ на крик: "Спасите! Погибаю!"

Разведка. Горы. Воздушная волна впереди обвала, сбивающая с ног, жужжание каменной мелочи, опередившей основной поток, ужас и втягиванье головы в плечи, брошенный к черту геолокатор и двое безумцев, пытающихся спасти то, что тогда казалось им самым ценным: записи результатов глубинного сканирования, какую-то там проекцию месторождения А на плоскость В, относительной глубиной С. Вернее, безумец-то был один, а Менигон подыгрывал и тогда, и много позже...

Разведка. Степь. Пыль, вездеход трясет, турбина на пределе возможного режет уши смертным воем, а сверху, с голубого, как в насмешку, неба заходит для нового залпа боевой флайдарт княжества Хинаго. Он уже промахнулся один раз и ушел на разворот, ему нет дела до того, действительно ли вездеход из Редута нарушил ненароком границу, — да и кто может точно указать, где проходит граница? — он знает только то, что промазал, а это для пилота флайдarta непростительно, за это срывают нашивки, и поэтому он не отстанет...

"Стой, — говорил Менигон. — Дай-ка теперь я..." И давал! Еще как давал. На затылке у Шабана шрам, он станет заметен, когда Шабан облысеет окончательно, — это память о той глыбе, что падала на него, оцепеневшего, — и взорвалась каменной крошкой моментом после того, как Менигон из неудобного положения успел вскинуть оружие и поймать глыбу в прицел. И ведь именно он, а не кто-то иной размазал по небу неопрятную бурую тучку, подсвеченную огнем, — все, что осталось от боевого флайдarta княжества Хинаго. Были и другие случаи, Шабан их помнит, и Менигон, похоже, не забыл. Но это запрещенный прием — вот так играть на чужой ностальгии. Не надо бы этого.

— А мы ведь еще не договорили, — ленивым голосом сказал Менигон. — Впрочем, твое дело. Или ты спешишь?

— Я не спешу, — буркнул Шабан, косясь через плечо. — Я только не люблю, когда из меня делают идиота. Я с разведки и спать хочу, а тебе — шуточки. Приходи завтра, если ты думаешь, что у нас с тобой есть о чем говорить. Только учти, я так не думаю.

Менигон коротко хохотнул.

— Не-ет, малыш, — сказал он. — Говорить мы будем здесь. И думать тоже. Здесь лучше всего, а ты и не понял. Темный ты и упрямый, семь потов сойдет, пока тебя сюда вытащишь. Врос, как пень, и

корни пустил, корчуй тебя и руки береги, а то еще занозу всадишь...

— А почему нельзя у меня? — на всякий случай Шабан решил не обижаться.

— Потому что у тебя "блохи".

— Что?!!

— "Блохи", говорю. Ты что, про "блех" не слышал? Что взять с разведчика! — Менигон развел руками. — Давно я с тобой не занимался, чувствуется влияние улицы на неокрепшую психику, ярчайшее проявление которого — самонадеянность и дремучее невежество. Да ты хоть о чем-нибудь, кроме своего тоннеля, помнишь? Ну хорошо. Может быть, тебе неизвестно и что такое "жучок", "баг"?

— Известно.

— А "блоха" лучше. Она умнее. Она не сидит на месте, а ползает, передает не только звук, но и изображение, а ночью — в инфракрасном. В поляризованном как угодно. В рентгене. В чем хочешь, то есть в чем хочет тот, кому принадлежит "блоха". У нее интеллект — гм — в отличие от некоторых моих знакомых. Есть тут один такой: "Ух, разведка! Ах, Лиза! Ох, тоннель!" А у него под ногами пешком ходят.

Шабан сглотнул. В голове закружилось: Менигон, не удержавшийся на подгибающихся ногах и свалившийся на пол, оказывается, вовсе не потому, что переигрывал по артистической бездарности, а потому, что хотел рассмотреть на полу нечто мелкое; потом Лиза; потом самодовольный Роджер, подбитый вездеход с остывающим красным пятном на корме — и контуженное мелкое насекомое, бегающее кругами, противный писк под каблуком... Даже в разведке не уйти от чего-то взгляда. Не выпускают... Держат.

— Живолот? — спросил Шабан.

Менигон пренебрежительно махнул рукой.

— Если бы только он. Ну, конечно, и Живолот тоже, ему и по должности полагается. По-моему, Лавиц и сам бы не прочь выяснить, у кого еще есть свои "блохи", кроме него, Председателя и кое-кого из Совета. Ты думаешь, он спит ночью? Он "блех" ловит. И метит. Дело ответственное, не всякому холую такое доверишь, да и ловят их не руками, естественно, а... В общем, неважно. Ее же не просто поймать нужно, а суметь отключить так, чтобы ничего не успела передать, чтобы не получила команду на самоликвидацию, а пометив, следить, куда поползет. Это наука. Только всех "блех" не выловить даже Живолоту, а про остальных и говорить нечего.

— "Блохи", — задумчиво сказал Шабан. Его передернуло. — Значит, и Поздняков тоже?

— А ты соображаешь, — похвалил Менигон, — хотя и медленно. Впрочем, ты и раньше не блистал...

— В моей комнате их две, — упрямо сказал Шабан, — а может быть, и не две, а три или даже больше. Так? Допустим, одна из них поздняковская, а остальные? Мне что, не доверяют?

Менигон хмыкнул.

— Либо не доверяют, либо собираются двинуть в начальство. И в том, и в другом случае — побереги плешь. Не то сейчас время, чтобы делать карьеру, ты меня понял?

— Нет.

— И не надо. Но запомни, что я тебе сказал, очень прошу. Что-то будет, или я ничего не понимаю. Что-то надвигается, это как волдырь, который должен лопнуть. Когда он лопнет, будет плохо, и

тоннель только ускорил дело. Ты не можешь этому помешать, я не могу, никто не может, потому что случится то, что должно случиться. Будет страшно. Обещаешь мне сидеть тихо и не высовываться?

— Почему это мне не высовываться? — спросил Шабан, хмурясь.

— Потому что, если высунешься, мне тебя будет очень не хватать, — задумчиво сказал Менигон. — Мой тебе совет: на ближайшие дни напросись в разведку — подольше и подальше. Уяснил?

Нет, подумал Шабан. Челуха какая-то. У Менигона — и вдруг таланты Кассандры. Это смешно. Чушь это. Бред грибоного нюхателя.

— Ты меня за этим вызвал? — спросил он. — Что еще нового?

— Да что нового... — Менигон подвигал морщинами. — Тоннель, как ты уже, наверное, знаешь, додобили. Радости полные штаны. Правительственный Совет от избытка чувств объявил три дня праздника. Они, дураки, не понимают, что за три дня многое может измениться... Что? Да провались ты со своей заумью, я тебе о главном, а ты о ерунде. Не было там твоих этих... составных мозгов или как их там, в сельву, должно быть, сплыли, если ты их не выдумал. Птиц там каких-то видели, говорят, с во-от такими носами, подстрелили их парочку на радостях. Вот тебе и все, а людей там тоже не было. Да, что еще? Башилаву-Носача из отдела Массового Досуга погнали в шею за некомпетентность и моральное разложение, а на его место прочат не то Пирсона, не то Ахилла Дремова, но это тебе, полагаю, неинтересно...

Это действительно было неинтересно. Но главное Менигон все же сказал: вариадонты не стали ждать, когда их накроет последним, прорвавшимся наружу взрывом. Они живы, они ушли в лес! Что-то сработало, разум ли, инстинкт ли самосохранения — какая разница! И теперь этот новый, неведомый нам нечеловеческий разум прячется в сельве, в гиблых зеленых топях, мучается страхом, потому что инстинкта самосохранения без страха не бывает и не всякий разум подавит страх, — сжимается от близкого шороха какого-нибудь безмозглого гада и спасается бегством от всякого шагающего баньяна. Потом они выползут из сельвы, потому что могут нормально существовать только вблизи выхода радиоактивного горизонта (после взрыва, когда пыль оседет в сельву, недостатка в радиации не будет, но это не то), вернуться — и будут встречены всей нашей мощью технологической цивилизации. Мы их не примем, для нас они не носители разума, а неопрятные кучи с дурным запахом. Гони их! А вот мы их разрядом... Да быстрее ты, уходят же!.. И они снова уйдут в сельву, извергнувшую их и готовую поглотить вновь, потому что ничего другого сельва делать не умеет. А как бы хотелось думать наоборот: разум — хозяин сельвы, организующее, так сказать, начало, и сельва, кишашая зверьем, послушна его приказам... Вряд ли. Очень приятно так думать, но это, к сожалению, неправда. А от неправды надо избавляться. Надо, даже если очень этого не хочется...

— Это все? — спросил Шабан.

— Это не все, — сказал Менигон. — Теперь ты. О разведке. И подробнее.

Шабан пожал плечами.

— Ну что разведка... Разведка как разведка, обыкновенная. Гончих вот встретили. А так — ничего.

— Врешь, — Менигон погрозил желтым пальцем. — Говори дяде правду.

Правду ему? Ну, черт с ним, пусть слушает. Менигон слушал внимательно, и лишь когда Шабан добрался до боя с гончими и темного облака, вовремя скрывшего второй вездеход чужаков, засмеялся, коротко и зло.

— Опять щитоносцы, — сказал он с отвращением. — Верховные существа. Надоело.

— Что надоело? — спросил Шабан.

— Все надоело, — заявил Менигон. — Бардак в кубрике. Это по-нашему. Ты бы у них спросил: они молитвы только вместе с жертвами принимают или, может быть, можно всухую?

— С какими еще жертвами?

— С человеческими. Установим на крыше куба алтарь, что там еще полагается? Позднякова — верховным жрецом, из него хороший шаман получится. А что? Это можно поставить на поток. А ну, у кого значок пятой степени? Шаг вперед. И — по жребию, раз в полнолуние. Или наоборот, в новолуние. Под барабанный бой. Мы к этому давно готовы, можешь не сомневаться. Дело за малым: официально щитоносцы еще не признаны. Значит, будут пока подпольные секты, будут гонения. Инквизиция будет, подозреваемых в сектантстве — на шельф.

— Трепло ты, — сказал Шабан. — Щитоносцы существуют, это факт. Я их корабли сам видел.

— Я тоже видел, — сказал Менигон. — Да все видели. Это-то и интересно. Сожрали четыре ракеты. Так нельзя. Это колебание устоев. Последние триста лет человечество живет с убеждением, что в обозримой Вселенной нет иного разума, кроме его собственного...

— Уже есть, — перебил Шабан. — Вариадонты.

Менигон насупился, и стало видно, как ему хочется изложить свое мнение о собеседнике и о его манере прерывать его, Менигона, свободное излияние речи, однако он сдержался и потребовал рассказывать дальше. Услышав про дым в ущелье, он стал очень серьезен.

— Похоже, ребят накрыли, — сказал он после раздумья. — Хорошо, если только с воздуха, тогда у них еще есть шанс. Но если наши орлы высадили десант — тогда худо. Перебьют, как дичь, это им в удовольствие, защитничкам... Стой! — Менигон сощурился. — Если там были солдаты, то они могли видеть и тебя, и гончих, что тебя гоняли, а значит, обязаны были вмешаться. Однако не вмешались. Значит, либо там была задействована не армейская часть, а охрана, либо там никого и не было. Правильно я говорю? Надо попытаться узнать... Погоди, погоди, в какое время ты видел дым?

— Не помню. Что-нибудь около шестнадцати по местному, я думаю.

— Ага, — сказал Менигон. — Иначе говоря, информация должна быть в спецархиве уже сейчас, а если сделать поправку на праздник и разгильдяйство, то самое позднее завтра к утру. У тебя есть допуск?

— Откуда? Нет, конечно.

— И правильно. У меня тоже нет. Не знаешь, у кого можно одолжить значок первой степени?

Шабан заморгал. Сейчас что-то случится, механически подумал он. От таких слов может упасть потолок. И это спрашивает Менигон, обычно сверхосторожный, несмотря на вечную свою хулу на начальство! Но хула имеет право на существование и

начальство ее терпит, полагая необходимой разрядкой, зато передача личного значка в чужие руки дело рискованнейшее, и виновный, вернее, оба виновных (если, конечно, значок не был выкраден) никак не имеют шанса отделаться всего лишь шельфом. Даже не хочется думать, чем это может кончиться.

— У Позднякова первая степень, — сказал Шабан, облизнув губы. Потолок не упал, и это было странно. — Только я к нему с таким вопросом не пойду. Сам иди.

— Спасибо, — сказал Менигон. — А помимо Позднякова?

Шабан подумал.

— У Биртолли должна быть первая степень, — неуверенно сказал он. — Он-то значка не носит, надоело, как видно, что все перед ним в струнку, как перед генералом, он и так не знает, куда от славы деваться.

— Хлыщ этот? А ты с ним знаком?

— Косвенно, — усмехнулся Шабан. — Он обо мне писал в "Курьере". Помнишь?

— Помню. Вот и попробуй.

— Вот и попробую. А ты?

— И я попытаюсь, — сказал Менигон. — До отлета, во всяком случае. А если не успею — тогда ты один. Надеюсь, справишься.

Будто хлестнули по лицу. Значит, ничего не изменилось, значит, Менигон все-таки решил лететь, вернее, бежать во что бы то ни стало. А он-то, дурак, надеялся... на что, спрашивается?

— Да, вот еще что, — сказал Менигон. — Хотел спросить: ты ту плантацию гриба, надеюсь, гусеницами не давил, а? Согласно инструкции?

Шабан сделал над собой усилие и пожал плечами.

— Нет, конечно. Не пойму: с какой стати мне ее давить?

— Это хорошо, — кивнул Менигон. — Ты молодец. А то у меня там пай, было бы жалко. Ну, что смотришь? Существует старая проверенная истина: не пытается устроиться сам только тот, кого и без того все устраивает, а где ты таких в Редуте видел? Я — не видел. И перестань пялить глаза, эка невидаль — пай... Хочешь, похлопочу и за тебя, если имеешь наличные. А?

— Я подумаю, — сказал Шабан. Он не был готов к тому, что снова придется стискивать зубы. Однако пришлось.

Менигон скорчил гримасу.

— Подумаю, подумаю... О чем тут думать? Соглашайся, пока я еще здесь. Поздно же будет.

— Ты все-таки улетаешь? — спросил Шабан.

— Не "все-таки", а именно улетаю. Как только "Юкон" выпустят, так и отчалию. А ты что думал?

— Я думал, в тебе больше совести.

— Я и сам так думал, — сказал Менигон. — Но ошибался.

— Дрянь ты, — выдавил Шабан, уже не сдерживаясь. — Грибник. Шкура.

— Будь осторожнее, — говорил Менигон. Он не слушал и не собирался слушать, и это было оскорбительно. — Держись Позднякова и по возможности не высовывайся. Что-то должно произойти, и очень скоро. Может быть, завтра. Может быть, это уже началось. Будь внимательнее. Уже что-то должно быть заметно, какие-то глубинные токи, ведь никогда не бывало так, чтобы никто ничего не заметил. Отправляйся в разведку, отсидись там. Между нами: дер-

жись подальше от Коммуны. Анклаву конец, так им нужно. А на Живоглота плюнь...

— Гад, — сказал Шабан, давая кнопку. — Холуй барский. Эксперт.

Винтовой коридор был покинут, и Менигон немедленно начал пошатываться и уцепился за стену. Утвердив себя прямо, он посмотрел на Шабана долгим взглядом, и Шабан понял, что Менигон прощается. И на мгновение ему показалось, что в этих очень правдоподобно осоловевших глазах промелькнуло что-то не совсем обычное, что-то вроде гордости учеником и тоскливого сожаления о чем-то несбывшемся, но промелькнуло только на мгновение — и глаза снова потухли и стали бессмысленными. Нет, показалось. Конечно, показалось. Ладно хоть отстал, и то благо. Сворачивая в свой коридор, Шабан видел, как Менигон, увязавшись за чьей-то семящей вдоль стены моделью, шатаясь и размахивая руками сильнее прежнего, пытается ее поймать во вратарском броске и бубнит ей: "Цып-цып-цып..." Клоун. А ведь почти национальный герой, человек-легенда, впервые подтвердивший существование радиоактивного горизонта. Из тех, о ком поется: "Славой героев...", чье имя впоследствии войдет в школьные учебники, да так, пожалуй, что будущие дети Прокны вообразят себе серьезного ученого, спокойного и вдумчивого дядю, а не разведчика, потного и пыльного, сплошь и рядом озабоченного тем, как остаться в живых — и только. Он убивал, и его убивали. Он убивал лучше и потому выжил. Это жизнь, в этом обязательное условие существования на Прокне, и дети, повзрослев, поймут. И сделают свои выводы, поэтому из кого-то вырастет второй Винсент Менигон, а из кого-то — второй Юстин Мант-Лахвиц. Хорошо, что дети не такие прагматики, как мы, иначе вокруг были бы одни Юстины.

Шабан на ходу потер затылок, размышляя. На пальцах остался клочок волос. Вот, черт... Лысею. Есть такая легенда: если человек после натурализации лысеет, значит, он хороший человек. Многие верят, особенно лысе... Ладно. Как там было сказано: плюнуть на Живоглота? Интересная мысль. Это на человека, который непонятно почему до сих пор не подмял под себя Правительственный Совет? Хороша рекомендация, в духе оракула — попробуй истолкуй. Но Менигон зря болтать не станет, хотя его слова могут означать то, до чего не сразу додумаешься. Например, наличие в Редуте кого-то, кто могущественней Живоглота. Вот это страшно. Правда, в такое верится с трудом, но, с другой стороны, все возможно, и Менигон был бы более откровенен, если бы не читающаяся на его лице фатальная уверенность в том, что ему, Шабану, Биртолли и вообще кому угодно в любой час могут подослать "блоху" с крошечным баллончиком, заряженным возбудителем пятнистой горячки...

Ничего не понимаю, подумал Шабан. Какая-то возня, непонятно чья и непонятно зачем. Надо же: "блохи"... "Блохи" разных, должно быть, пород, разного подданства. Кто же хозяева, а? Что-то много получается, откуда только "блех" берут? Не иначе, импорт, здесь-то их не делают. Хотя откуда я могу знать, что здесь делают? Или, может быть, они умеют размножаться? Очень может быть. Может быть, существуют и "блохи"-хищники, уничтожающие чужих "блех"? Не знаю, не знаю... Энт-томологи! Следят, не выпускают из виду. Значит, и про Лизу им известно, вдруг понял Шабан и почувствовал,

как по спине побежали мурашки. Значит, известно уже давно, с тех пор, как я научил ее произносить первые слова. Они слышали ее первый, совсем детский лепет — Поздняков слышал, Живоглот слышал... кто там еще? Но — молчат: не иначе, Поздняков бережет ценного работника от душевной травмы, а если так, то плевать мне теперь на эту троицу: Штуцер, Оммес и Биртолли... Шабан покосил губы, соображая. Черта с два — плевать. Одно дело знать и помалкивать и совсем другое — письменная докладная, которой Поздняков будет вынужден дать законный ход, да скорее всего, докладная попадет не к нему, а сразу к Живоглоту — и это конец. Нет, надо идти, упрашивать, кланяться, сулить и прочее... И немедленно.

У Оммеса оказалось заперто: не то он отсутствовал, не то уже спал. Идти к Биртолли было рано. И Шабан пошел к Штуцеру.

Дверь сработала сразу, едва Шабан нажал кнопку вызова. Похоже, здесь его ждали, и Шабан не удивился: Штуцер никогда не упускал своего. За первой дверью неожиданно обнаружилась вторая — настоящая деревянная дверь в резных завитушках, крепкая и массивная, как ворота средневековой крепости, и, кажется, даже из выдержанного дуба или какого-то другого благородного дерева, только не из местных пород. "Живут снабженцы", — мимоходом подумал Шабан и толкнул дверь.

Здесь было благопристойно. Никто не шумел, не вопил песен и гимнов, не спал под столом в собственной луже и не затевал с моделями игру в "поймай — не отпусти". Собственно, моделей в комнате не оказалось вовсе, зато Штуцер наличествовал полностью и в соответствии с праздником выглядел даже более розовым, чем обычно. Будто ошпаренным. Он был не один, рядом с ним за столом, заставленным полупустыми бутылками и картонными тарелками с недоеденной закуской, по обе стороны от хозяина апартаментов в неестественно прямых позах сидели двое, и Шабан, кивнув всей троице, попытался припомнить, где же он видел этих двоих, но не припомнил. Зато закуска на столе была хороша, особенно заманчиво выглядели местные лангусты, уловленные в Дымящейся реке и, наверное, еще сегодня утром шнырявшие по дну в поисках съестного. За лангустами пламенели нездешние розовые яблоки; на блюде поверх тающего балыка лежало земное чудо: синий натурализованный баклажан. Шабан заставил себя отвести глаза и непроизвольно сглотнул. С первого же взгляда ему стало ясно, что здесь ждали не его.

— А-а, разведка! — радостно закричал Штуцер. — Что, опять сальники текут? Познакомьтесь, это Шабан из разведки, краса и гордость, так сказать... Орел!

Двое незнакомцев молча наклонили головы. Тот, что сидел анфас, помимо кивка, вынул откуда-то из-за спины руку, механическим движением, как оживший манекен, налил себе рюмку прозрачной, посмотрел сквозь нее на Шабана, беззвучно опрокинул в рот и вяло пожевал губами. Он был похож на второго, и оба они были рослые, крепкие ребята, их можно было бы принять за удачные модели, если бы Шабан не знал, что выпуск мужских и бесполок моделей в отделе "Био" хотя и планируется, но разработка не завершена.

— Ваше здоровье, — пробормотал Шабан. — Я, пожалуй, зайду потом. Попозже.

— Это почему потом? — возмутился Штуцер. — А сейчас? А праздник? Мы еще за тебя не выпили, равно как и за всю разведку, и ты за нас еще не выпил. Налейте-ка ему, ребята.

Лжемодель, сидящая в профиль, потянулась за бутылкой.

— Э, нет, ребята, — сказал Шабан. — Сейчас не могу. Мне сейчас пить нельзя, не то свалюсь. Я прямо с маршрута. И потом... — он конфузливо покосился на рослых "близнецов", — у меня к тебе личное дело. А ты с компанией... Так что потом.

— Это кто компания? — сказал Штуцер. — Это вот эти компания? А вот сейчас они не будут компанией. Эй, ребята! Посидите-ка пока в той комнате, договорились? Видите, человек пришел, что-то одному мне сказать хочет. Так ведь?

— Ну зачем же так, — пробормотал Шабан. — Так неловко как-то...

Штуцер не обратил на него внимания. "Близнецы", прихватив со стола початую бутылку, безропотно скрылись во внутренней комнате. Дверь, тоже дубовая и похожая на ту, что Шабан уже видел, поехала за ними медленно, словно броневая плита, и беззвучно захлопнулась.

— Хорошо устроился, — сказал Шабан, оглядывая помещение. — Две комнаты у него, двери из настоящего дерева. Лангустов жрет. Так вот куда идут мои денежки, а?

— Может, все-таки выпьешь? — спросил Штуцер. — Хорошее пойло.

Шабан с сомнением посмотрел на желтую бутылку.

— Коньяк?

— Вино, — сказал Штуцер. — А какое — не знаю, убей бог. Завалюсь вот. Пей, пока дают.

— Нет уж, я лучше понохою, если ты не возражаешь.

— Ради бога, — уверил Штуцер. — Пожалуйста.

После лошадиной дозы, принятой в вездеходе, сушеного гриба осталось мало. Шабан осторожно высунул на указательный палец немного порошка и, заранее жмурясь, вдохнул. Когда тело вновь стало легким и в голове прояснилось, он открыл глаза и поискал на столе чистую тарелку.

— А ты не боишься, что я сообщу в охрану? — спросил Штуцер. Он смотрел на Шабана изучающе и неприятно щурился.

— Не боюсь, — сказал Шабан, накладывая себе еду. — У кого ты тогда в долг брать будешь? Кто тебе даст?

— Шельф по тебе скучает, — заметил Штуцер и потянулся за лангустом. Шабан, пользуясь случаем, последовал его примеру. Лангуст уже не дымился, как ему было положено, и вообще был холодным и скользким на ощупь, как если бы его подали на стол часа три назад, да так оно, наверно, и было.

— Ну что — шельф, — сказал Шабан, осторожно разламывая шипастый панцирь и вгрызаясь в мясо. — Не видел я шельфа, что ли? И на шельфе люди живут. Конечно, когда приливная волна смывает буровую — это неприятно, особенно если ты находишься как раз на той буровой. А так — жизнь как жизнь, терпимо. Скучно, правда.

"А здесь не скучно? — поймал он себя. — Ведь невозможно же, волком же взвоешь... Впрочем, нет, здесь-то по всем параметрам не скучно. Но лучше скука, чем такая жизнь. Там скучно, а здесь скучено, и от этой скученности люди звереют. Нельзя же

в самом деле запихнуть шесть тысяч человек в стальной куб с ребром в двести метров и всерьез рассчитывать на то, что им здесь будет хорошо и воцарится тишь да гладь. Бред это, хотя, конечно, мера вынужденная, удобная для управления, невозможно себе представить мало-мальски эффективное управление вне этой скудности и непрерывной малопонятной возни, черт знает что это будет, а не управление. И все же люди должны жить как-то иначе, — подумал Шабан. — Но я не знаю — как. Наверное, нужен маленький домик с видом на горы, тишина, узкий круг приятных и неназойливых соседей, и чтобы на ветру в окно стучали ветви деревьев. Пусть даже не земных деревьев, а местных, не всех же тошнит от их вида, можно подобрать себе соседей, которых не тошнит. И пусть обязательно будет Лиза, пусть она встречает меня, грязного и уставшего, пусть она меня моет и кормит и вообще пусть занимается мною, а потом, когда я немного отдохну, я займусь ею, ее и сейчас нужно учить разговаривать, вдалбливать ей словарный запас, потому что говорит она все-таки плохо. Но у нее все впереди, она лишь полгода назад произнесла первое слово, и значит, можно надеяться на большее. Потом я научу ее читать. Потом — думать, это очень важно. Они говорят — модель. Что они знают о моделях? Немногим больше, чем я, а я — ничего. А у моделей гигантские неиспользованные возможности, я это чувствую. И может быть, Лиза очень скоро заткнет меня за пояс, может быть, я окажусь именно той ступенькой, с которой она рванет... Но до той поры мы будем проводить долгие вечера вдвоем, я стану ее учить и охрипну, потому что знаю, что это такое — учить модель, — и буду счастлив, замечая, что она научилась чему-то новому, а потом за окном стемнеет, и Лиза начнет вопросительно поглядывать на постель, проявляя атактичные признаки своего предназначения, а я буду делать вид, что ничего не замечаю, а потом выйду из себя и рывкну. Потому что вот она — постель, потому что впереди ночь, одна на двоих, и сдерживаться, право же, очень трудно...

Стой, оборвал он себя. Нашел время. Очередная утопия на тему "как было бы хорошо, если бы..." Если бы что? А если Штуцер донесет, даже не из корысти и не из чувства долга, о котором он знает ничего не знает, а просто так, потому, допустим, что ему не нравится моя физиономия? Утопии — это опасно. Они похожи на надгробия, поражающие стройностью линий и потому очень привлекательные на вид. А в глухую защиту не хочешь ли? С головою? Не рассчитывая ни на что и отдавая по куску то, что есть, не хочешь ли? "Ты везунчик, — говаривал Менигон. — Тебя мало били. А надо бы". Сказано: будет страшно. Кому страшно и в каком смысле? Нужно очень постараться, чтобы стало еще страшнее, чем есть. Война, что ли? Что там сказал Менигон про анклав? Война с Коммуной — это смешно. Анклав не Хинаго — прихлопнут убогого и не заметят, как прихлопнули. Да и зачем? Кому он нужен, анклав, со своим натуральным хозяйством и тощими рудами? Никому, и это правильно.

— Ты по делу? — напомнил Штуцер, хрупая лангустом. — По какому?

Лангуст оказался вкусным. Дожевав членистоногое, Шабан нашел свежую салфетку и вытер руки. Со Штуцером не стоило темнить, по части уверток Штуцер был мастером. На всякий случай Шабан

прислушался. Было тихо. С подбородка Штуцера капал сок. "Близнецы" сидели во внутренней комнате и не издавали ни звука. Вероятно, подслушивали.

— Ты вот что, — решил Шабан. — Ты мне сколько должен?

— Я? — удивился Штуцер и наморщил лоб. — А ведь и верно — должен. А вот сколько? Это ты должен помнить, брал-то я у тебя, не у кого-нибудь.

— У других ты тоже брал, — сказал Шабан. — А мне ты должен триста монет. Теперь припоминать?

Штуцер развел руками.

— Должен так должен. Принимаю на веру. И когда это я у тебя брал? Нет, не помню. Триста монет — надо же...

— Считай, что они твои, — сказал Шабан. — И дам еще сто, если будешь держать язык за зубами. Идет?

— Это насчет чего за зубами? — ненатурально удивился Штуцер. — А-а, догадываюсь. Угу. Так это была твоя блондиночка? Хороша киска, не отрицаю, сразу и не скажешь, что модель. Так в чем проблема?

— В твоём языке, — сказал Шабан, сдерживаясь. — Проглоти.

— А как же, — пообещал Штуцер. — За пять сотен проглочу обязательно.

— За сотню, — сказал Шабан. — Ну так и быть, за две. Но не больше.

— Жмот, — сказал Штуцер. — Не я, так другой. Тебе все равно прямая дорога на шельф, зачем тебе там деньги? Ладно, пусть будет двести. Считай, даром. Другой на моем месте потребовал бы с тебя твою киску на ночь, но Редла-Штуцер хороший человек. Вот за это давай и выпьем. Тебе какого?

— Никакого, — сказал Шабан. — Сам пей. А я пошел. Деньги завтра. Будь здоров. — Он тяжело поднялся. — А если все-таки сболтнешь... в общем, не советую тебе болтать. Разведчики — люди грубые...

— Э, ты погоди! — последних слов Штуцер будто и не слышал. — А как же праздник?

— Спать иду, — и Шабан поднялся. — А праздник — он и завтра праздник.

— Вот и выпей, чтобы крепче спалось. И за завтрашний праздник выпей. — Штуцер скалился. — И за шельф выпей, шельф ненормальных любит, привет там передашь от Редлы-Штуцера...

Шабан махнул рукой и выпил. Вино оказалось на удивление приятным, Шабан не пробовал такого уже много лет и не подозревал, что на Прокне может существовать такое вино. Ну и ну, ухмыльнулся он про себя, делая прощальный жест. Вот тебе и Редла-Штуцер, тот еще жук полосатый. Снабженец. Апартаменты, как у Арбитра, ест-пьет в свое удовольствие, и крепкие ребята у него на коротком поводке. Вот только модели у него нет. Интересно, почему у него нет модели? При своих талантах мог бы иметь и двух, и трех... Пижон. По сути, обыкновеннейшая сошка, работает с разведчиками, и значок у него всего-то третьей степени — а как пыжится, не хочет быть тварью дрожащей. Другой бы десять раз подумал, прежде чем так зарываться. Или у него свой человек в отделе Контроля? Тогда, конечно, другое дело. Между прочим, вот кто мог бы достать значок первой степени — Штуцер. Пожалуй, тысячи за полторы сделает и даже не станет откладывать до утра. Вернуться, что ли? Шабан сделал несколько ша-

гов от задвинувшейся за ним двери и остановился. А что, пополам с Менигоном, пожалуй, наскребем, пусть Штуцер подавится... Опасно, снабженец ненадежен. Такие обычно очень лояльны и не нарушают основ, а потому попросту берут деньги, ободряюще хлопают по плечу и бегут докладывать Лахвицу, а Лахвиц, должно быть, без лишнего слов отбирает половину суммы, если не всю, и улыбается — жмурится, сытая тварь, сужая и без того невеликие глазки в крохотную щель, прежде чем мигнуть кому надо... Лучше, гораздо лучше последовать доброму совету и напроситься в разведку как можно скорее. Завтра же, и постараться, чтоб без Роджера. Выяснить все о том дыме — может быть, с ребятами все в порядке и они даже настолько осмелели, что попросту жгут старый мусор? Какая-то чушь. Или они забыли, что Живоглот очень даже интересуется такими, как они?

Я глупею, подумал Шабан. Вот вопрос: откуда на нашем ярусе взялся Живоглот? А? Вот откуда: он вышел из комнаты, и это комната Штуцера. Та самая дверь, ошибки нет. А вот это уже интересно: какие такие дела у Живоглота со Штуцером? Почему Живоглот, который сроду ни к кому не ходил просто в гости, ходит к Штуцеру? Покрыто мраком. Любопытный, оказывается, тип этот Штуцер. Вроде бы кутит, тихо и благопристойно, как любой служащий, не желающий неприятностей, только это не кутеж. Это что-то совсем другое, какая-то осторожная под-земная возня. Прав Менигон: что-то будет. Чего-то они ждут, к чему-то готовятся, но молчат. Теперь многие молчат, и не то чтобы бояться, а просто молчат на всякий случай. Всякому известно, что всякий случай может случиться со всяким. Вот и молчат.

Он вернулся к себе. Лиза ждала, не выходя из комнаты, на оконном экране была непроглядная ночь, и вообще пора было спать, но сначала было бы неплохо помыться. Кивнув привставшей с кровати Лизе, Шабан содрал с себя одежду и, отцепив значок, впахнул комбинезон в приемный лоток прачечной. Раздался всхлипывающий звук, комбинезон был втянут и заскользил куда-то вниз, в бездонное чрево Порт-Бьюно. Через полчаса он вернется назад выстиранным, выглаженным и спрыснутым чем-то ароматическим — если, конечно, на том конце не перепутают адрес. Нижнее белье Шабан прачечной не доверял — его стирала Лиза.

Отмывшись, он еще пофыркал под душем, потом с сожалением выключил воду, обсох под струями горячего воздуха и надел свежее белье. Спать, как на-зло, уже не хотелось. Он лег на край кровати, потеснив Лизу, и недовольно пробурчал, когда она попыталась придвинуться:

— Спи.

— Мне не нужно спать, — сказала Лиза. — Ты же знаешь.

— Всякий человек должен уметь спать, — сказал Шабан, глядя в потолок. — Следовательно, и ты должна уметь спать, поскольку ты человек.

— Я твоя жена, — сказала Лиза.

— Это не меняет дела. Попробуй уснуть. Мне сейчас нужно, чтобы ты уснула.

— Хорошо, — согласилась Лиза. — Ты знаешь, я ведь умею спать, у меня уже получалось. Только я не понимаю, зачем это нужно — спать. Ничего не видеть, не слышать... Мне только интересно, как это бывает, когда снится сон. Это как по правде или как-то иначе? А еще я слышала, что бывают страшные сны.

— От кого ты это слышала? — с подозрением спросил Шабан и приподнялся на локте.

— От тебя. Сделай так, чтобы мне что-нибудь приснилось. Только что-нибудь хорошее, ладно? Я не хочу плохого.

— Конечно, — сказал Шабан и сглотнул комок. — Ты спи. Тебе обязательно приснится что-нибудь хорошее. Что-нибудь очень доброе. И пусть это будет как сказка...

Минут десять он лежал, закинув руки за голову и стараясь не шевелиться, потом осторожно перевернулся на бок и стал смотреть на оконный экран. Лиза размеренно дышала — не то спала, не то делала вид, что спит. На экране, включенном на обзор в южном направлении, над невидимым в кромешной тьме хребтом висел Терей — маленькая, неправильной формы луна Прокны, похожая на редьку без ботвы, с диковинной остроугольной скалой-хвостиком, выпирающим на половину радиуса. Редька заметно для глаз ползла по черноте хвостом вниз, не вращаясь и не меняя яркости, словно в самом деле была нормальным спутником нормальной планеты, а не захваченным по случайности астероидом. Как человек, лениво подумал Шабан. Тоже пыжится, полагает себя абorigеном. А вон та яркая звезда — это Пузырь, гигантская газовая планета, сейчас она в афелии и не страшна, но каждые шестнадцать лет она проходит перигелий, и тогда Прокну начинает корчить землетрясениями. А вон та тусклая звездочка — это ближайший сосед, оранжевый карлик Ликтор, там тоже есть заселенная планета, давний член Лиги. Интересно, одни мы такие уроды или и там есть модели?

Он вспомнил, как еще новичком заказывал модель, как смущался, что вовсе не мешало общему игровому настроению. Стыд, горький стыд... И ничего нельзя изменить, что было, то было. "Так вам, говорите, блондинку? А рост? Очень хорошо, теперь давайте уточним некоторые параметры... Замечательно! Сколько, вы сказали, в талии? Так. У вас хороший вкус, мсье Шарабан. О, извините, я, должно быть, плохо расслышал вашу фамилию. Виновать. Право же, нам не часто заказывают такие изумительные пропорции. Разве что вот здесь... Нет-нет, я понял, вы совершенно правы, это выйдет изящно и, пожалуй, чуть пикантно. Поздравляю вас, вы получите прекрасный экземпляр. Наша служба гарантирует, что вы останетесь довольны... по крайней мере, первый месяц. Ха-ха. Это я шучу. Но учтите, что, согласно установлению, вы получите право заменить модель не прежде чем через год, так что я советую вам еще раз взвесить... Нет? Благодаряю вас, вы упрощаете нам работу. Теперь хотелось бы уточнить густоту волосяного покрова и расположение зон... На бедрах не надо? Знаете, некоторые зверья — мягкая такая шерстка, как у пушиного лютка, очень приятно при прикосновении, хотя и не слишком эстетично... Не надо? Ну как знаете, а я бы на вашем месте еще подумал..."

Шабан зарычал в подушку. Вот она где, первая ступень превращения человека в животное — в обустройстве личной жизни новичка. Новичок мямлит, глупо хихикает, не отводит глаз от стереоизображений наиболее удачных образцов — и как же трудно новичку отказать! Вот и ходят по коридорам, по кишкам Порт-Бьюно грудастые модели, а некоторые, возможно, и с шерсткой на бедрах, и, поскольку заказ новой модели взамен надоевшей возможен лишь

спустя год, распространен обмен, хотя официально и запрещенный, но на деле не преследующийся. Прощает сдача моделей внаем, неплохо себя чувствуют посредники. Грязь. Несчастные, с зачатками разума существа, обученные любви и домашним работам, — за что их так? Их не любят, а насиляют, а иногда и бьют, жестоко и с наслаждением, вымещая на них свою обиду на жизнь, какую сами же и сделали. А если модель начнет давать сбой или, упаси боже, научится говорить, то в один прекрасный день ее уведут охранники, потому что формально любая модель — собственность государства и как таковая может быть признана требующей замены. Для них Лиза всего лишь материал, который можно вновь пустить в дело — в начальную стадию длинной биотехнологической цепочки. Что там у них в начальной стадии: дробилка? Или растворяют целиком? Шабан зажмурился.

Они могут, злобно подумал Шабан. Они даже живьем могут, ведь самое обычное дело, даже Живоглот не придет посмотреть на процесс, потому что твердо убежден в том, что модель не человек, а значит — неинтересно... И Лиза будет кричать и звать меня на помощь, в то самое время как меня под усиленным конвоем будут препровождать на шельф. Нас слушают и слышат. Сейчас, наверное, запись нашего последнего разговора ложится кому-то на стол. Кому? В любой момент сюда могут ворваться. Ну, пусть кто-нибудь попробует!..

Чтобы отвлечься, он дотянулся до полки, выбрал и раскрыл книгу. Страницы вяло осветились и замерцали — видно, иссяк заряд, — и Шабан, шепотом ругнувшись, вернул книгу на полку, взял было другую, но раздумал. Отложенная книга была редким прижизненным изданием Вирджила Баруха, единственного в истории Третьего Нашествия писателя Прокны. В этом издании были даже стихи — того периода, когда Барух еще только пробовал писать и еще не был сумасшедшим. Потом-то он писал совсем другое.

Что ты расхныкался, подумал Шабан. Хлюпик. Все у него в порядке, а он нычет. Вот кого жизнь молотила не переставая — Баруха. Оказалось, что Прокне, как ни странно, вовсе не требуются писатели. Строители и шахтеры шли нарасхват, в свое время Прокна ненасытно поглощала людские потоки очередной волны экспансии. А вот писатели — нет, художники — извините, просто туристы — пошли вон, не время! Иногда ненадолго задерживались естественнаучники, не потребные на данную минуту — кроме экологов, которых под разными предлогами всегда гнали в шею и Редут, и Хинаго, и Мелкие Озера, и, возможно, также Коммуна, хотя об анклав, как о любом отгородившемся государстве, трудно что-либо утверждать наверняка.

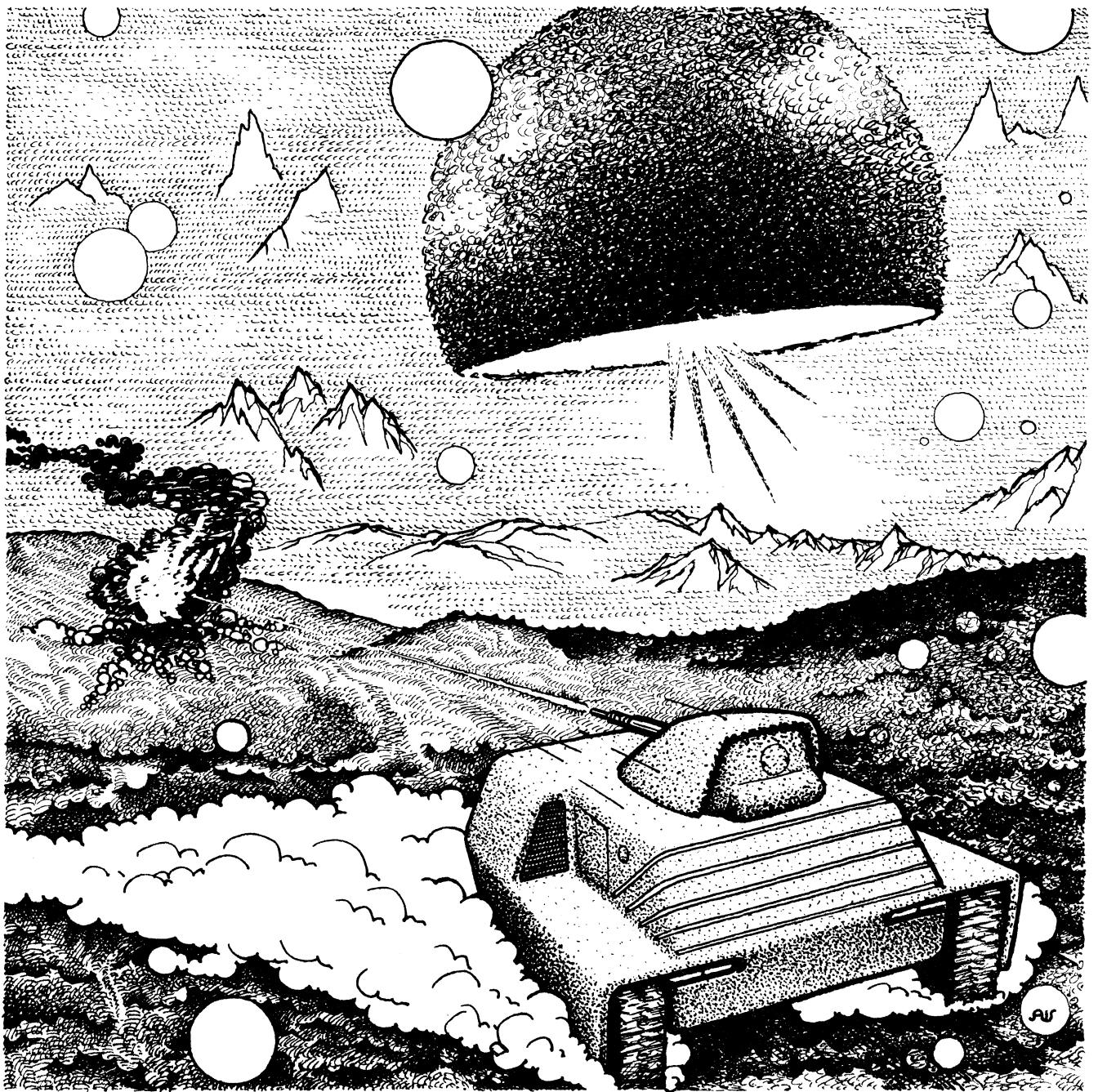
Для века штывовой атаки человечества на новые планеты Барух имел полезную специальность: оператор полуавтоматического проходческого щита. Он прибыл сюда "на три года" в расчете подзаработать, как почти все, и привез на Прокну жену — как почти никто. С работой он справлялся, желания спроводить жену на Землю и затребовать модель не проявлял, имел друзей и, вероятно, был свойским парнем, а по ночам, стесняясь, писал неважные стихи, которые нынче не любят печатать, а если печатают, то обязательно оговаривают, что это хотя и Барух, но не тот Барух. Как будто их было двое, хмыкнул Шабан. Даже трое: тот, что кропал стишки,

затем настоящий Барух, автор "Сожженных гор" и "По утренним звездам", и еще некое мифическое существо, никогда не писавшее ученических опусов, поскольку от рождения было гениальным, обладало всеми необходимыми навыками и творило, разумеется, в благоговейной тишине и трепете окружающих при благосклонном внимании руководства. Так, во всяком случае, следует из его биографии в предисловии к последнему изданию.

И это правильно, подумал Шабан. Кто не согласен? Кто там вздумал шериться? А ну, сложить всем губы в куриную гузку! Вы как думали, голубчики? Кто сказал, что Барух страдал шизофренией? Вы? Вы соображаете, что говорите? Как ваша фамилия? Шабан? Так и быть, вам объясню: гений может и даже обязан обладать странностями, недоступными пониманию заурядного человека. Теперь поняли? Запомните раз и навсегда: великий писатель, создавший Редуту мировую славу, не мог и не имел права быть сумасшедшим. Уяснили? Кругом марш и выше ногу!

Теперь Баруха изучают даже на Земле. В Редуте распространены его портреты, один, как говорят, висит в рабочем кабинете Арбитра. Существует даже шахта имени Баруха — та, в которой он работал и в которой однажды был завален породой, провел несколько суток полупридавленный, в поврежденном скафандре, получил лучевую болезнь в легкой форме, лишился ступни и навсегда потерял способность быть свойским парнем. Когда его откопали, он был уже не в себе и вскоре начал писать удивительные вещи, тщательно, как капитан Ахав, скрывая свое сумасшествие. Конечно, многие догадывались, да и непосредственное его начальство наверняка было в курсе, но помалкивало, не желая расставаться с добросовестным работником. Романы Баруха трудно читать. Разумеется, не правы те, кто, не желая вникнуть, произносит о них обычную похвальную труху, считая в душе вычурной ахинеей. Еще глубже ошибается тот, кто считает Баруха пророком, ищет нечто между строк и, само собой, находит. Барух не пророк, подумал Шабан. Он просто большой художник, прекрасный, между прочим, описавший мышиную возню в Редуте, нужно лишь уметь его читать, а это уже не для мышинных мозгов. И как многие большие художники, он плохо кончил: был застрелен каким-то дубиной-охранником за то, что перелез через проволочную изгородь. Позже выяснилось, что Барух, выбравшись после смены из шахты, решил не ждать транспортной платформы, а махнуть напрямик — до лагеря было всего полчаса ходьбы. Охранник крикнул, что туда-де не разрешено, а Барух то ли не понял, то ли не придал значения — просто махнул рукой и пошел в степь. Тогда охранник его застрелил. Охраннику поставили в вину то, что он не сделал предупредительного выстрела, и куда-то перевели, а в трюм очередного пришедшего на Прокну транспортника поверх семнадцати тонн металлического рения погрузили полтора килограмма фарфоровой урны с выгравированной фамилией и инициалами. Почти все хорошо знали, что в урне ничего нет — несчастного Баруха разнесло так, что не осталось даже фрагментов скафандра, — но несли ее бережно и так же бережно пристроили в трюме, обложив с боков, чтобы не упала при маневрах корабля, тяжелыми ренийевыми слитками.

И это тоже по-нашему, отметил Шабан. Не в лицо, у кирпичной стенки под лучами прожекторов, и

не в затылок, не очередь с вездехода каких-нибудь набежавших гончих, даже не треснувшее крепление в шахте, — а пуля в спину от подлеца-охранника, которому вдруг стало скучно, от какого-нибудь живоглота выкорыша... Впрочем, нет, в те времена Живоглота здесь еще не было. До него был кто-то другой и, наверно, тех же достоинств. Преемственность поколений. Девственное было времечко: Порт-Бьюно только начинали строить, люди жили во временных лагерях, а вот охранники и тогда были точно такие же: зажавшиеся скоты, духовные наследники преторианской гвардии. Жаль, нет больше Хромца Гийома, у него можно было бы узнать все подробности того времени, если бы удалось развязать ему язычок-другой. Пусть даже десятой. Гийом хорошо знал Баруха и восхищался его женой, маленькой энергичной женщиной с быстрой походкой и плотно сжатыми губами, помощницей, предопределившей его взлет, секретарем, сиделкой и всем сразу. Вот кого действительно жалко: все разом рухнуло, жизнь потеряла смысл...

Он перевернулся на другой бок и накрылся одеялом. За окном из темноты проступили горы — с востока подкрадывался рассвет.

— Ты не спишь? — спросила Лиза.

— Теперь сплю, — ответил Шабан. — Разбуди, если что-нибудь случится. Да, а ты почему не спишь?

— Я спала, — ответила Лиза, приподнявшись на локте. — А теперь ты спи, а я побуду рядом. Я правда спала. Ты знаешь, я все ждала, что мне в самом деле приснится что-нибудь очень хорошее. Только мне так ничего и не приснилось.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В нижних ярусах было не продохнуть. По-видимому, здесь намеревались гулять до утра, если не дольше — настоящее веселье только начиналось. Где-то пили и звали пить, где-то пели и требовали подпевать, на столе, вытащенном в коридор, трое мордоворотов насиловали модель, кого-то били мордой о стену, и он мычал, кто-то, завидев Менигона, вдруг завопил диким голосом: "Вот он! Вот он!", и пришлось дать ему по зубам — в общем, жизнь бурлила вовсю. Здесь располагались рабочие ярусы, кровь и пот Порт-Бьюно, его мускулы и глотки. Чужих не было: жителей верхней половины куба сюда было не заманить никакими благами, а охранники даже в более спокойные времена появлялись здесь только группами. Но сейчас охранников не было видно вовсе. Изредка попадались модели с испуганными глазами, боязливо и бессмысленно жмушщиеся к стенам, а один раз даже встретился убегающий — его куда-то тащили, похлопывая по лысому черепу, и он упирался, комично разевая выдвинутой, как у леща, рот.

Ярусом ниже было не так шумно. Менигон спустился по пандусу, одолел полутемный коридор, спотыкаясь о чьи-то ослабленные тела, прошел, зажавши нос, сквозь холл, посреди которого некто голозадый развлекал толпу зрителей "салютом из анального ствола" — двенадцать залпов, — переждал ожесточенную драку в предлифтовом тамбуре и спустился еще ниже. Здесь было совсем уже тихо: ярус был нежилым. Старый хрен сидел, как всегда, на своем месте, обнимая табурет на удивление пух-

лым сидением, и выглядел трезвым. Менигон постоял, посмотрел на него сверху вниз.

— Открой, дед.

— А? — старик приложил ладонь к уху. — Куда это? Туда? — морщины на его лице поплыли, сворачиваясь в улыбку. — Не-ет, туда нельзя, туда я не отворю. Инфекционное отделение, потому и нельзя, так вот получается, потому и на посту я, что инфекционное, а ты кто такой?

— Открывай, — Менигон постучал пальцем по значку. — И быстро.

— Не-ет, — дед заулыбался еще слаще и закачал головой. Он явно наслаждался. — Не-е-ет, этого я никак не могу, запрещено это, и со второй степенью запрещено, и с первой даже не каждому можно, так вот получается, а кого тебе надо?

— Вэнса Гровера, — сказал Менигон, — разведчика. Он там.

— А-а, — протянул дед, — вот кого тебе надо. Так это ты зря пришел, помер он, твой Гровер, позавчера еще помер, так вот получается. Насильственной смертью, стало быть, помер. От болезни.

— Что-о?! — закричал Менигон. — Как это: насильственной от болезни?

— А вот как, — дед облизнулся от удовольствия. — Микроб, значит, над ним насилие учинил, он и с копыт долой. Пятнистая горячка, так вот получается. Только, я вот думаю, одному микробу с таким бугаем не справиться, тут групповое насилие было...

Менигон протянул руку, взял двумя пальцами старика за воротник и поставил на ноги. Кажется, подействовало: старик подавился и округлил глаза.

— Замолкни, — шепотом сказал ему Менигон и с удовольствием добавил: — М-морда! — Особенной морды у старикашки не было, но он усиленно закивал головой. — Где тело? Ну!

— В мертвецкой, — придушенным шепотом прокричал старик, — где ж еще? Вон т-туда, там не заперто... — Менигон разжал пальцы, и дед звучно упал на табурет, как приклеился. — Не убегут они, потому и не заперто, — сказал он, двигая морщинами. — Так вот получается...

За дверью оказался обыкновенный шлюз. Закалкал сигнал, загорелась надпись: "Индивидуальные фильтры надеть, проверить", занял какой-то насос. Чавкнули створы. Холодный, с неистребимым запахом, воздух ударил в ноздри, скользко пополз в легкие. Менигон мысленно выругался. Черт знает что, нюхай тут... От одного старикашки сколько вони. Настучит, разумеется, тут и разговора нет, знаем мы таких — это у них от любви к творчеству, иначе им жить тошно. Когда человек приходит проститься с телом товарища, да еще в праздник, это, конечно, похвально, но, прямо скажем, нехарактерно, и значит, подозрительно...

Налево была покойницкая и оттуда тянуло холодом, направо висела табличка: "Патологоанатомическое отделение". Менигон шагнул направо. Там было теплее, но так же мертво, как и налево, на некоторых дверях висели печати, а в дальней комнате оказался прозектор. Он сидел за столом, ждал и посащивал сок плюющей ягоды, сжимая банку коричневыми пальцами. Лысина у него была тоже коричневая, в пятнах — то ли следствие натурализации, то ли профессии. Еще одна банка сока была поставлена для гостя на противоположном краю стола. Мертвецами здесь почти не пахло.

— Винсент, — констатирующим голосом произнес

прозектор. — Вот и вы, мой дорогой. Садитесь. — Менигон сел. — Вы медленно ходите, Винсент. Мне пришлось вас ждать.

— Старость не радость, — сказал Менигон. — Что вы хотите? Мне уже под пятьдесят, а разведчик не должен жить так долго, это противоестественно...

— Поэтому вы и пришли без фильтра? — спросил прозектор.

— Висельники не тонут, — отмахнулся Менигон. — "Блох" нет?

— "Блох" нет. Я вас слушаю.

Менигон не торопясь поднес ко рту банку, отпил глоток. Сок был терпким и кислым, слишком кислым, как только такое пьют? Он поставил банку на стол.

— Я надеюсь, вы понимаете, что явиться сюда меня заставили чрезвычайные обстоятельства, — сказал он, мучаясь оскоминой. Прозектор промолчал. — В свою очередь, я хорошо понимаю, что, находясь на немедленной личной встрече, я подвергаю опасности не только себя, но и вас, и всю нашу работу, — осторожно продолжал Менигон. Прозектор молчал. — Однако я считаю, что в сложившейся ситуации это самое разумное, поскольку ход событий может не оставить нам времени на принятие решения, — прозектор молча наклонил пятнистую лысину, что можно было расценить как кивок, и отпил из банки. — Исходя из этого я рискнул пренебречь традиционными каналами связи и рассчитываю, что важность информации перевесит соображения личной безопасности, — кольнул Менигон напоследок.

— Я вас слушаю, — сказал прозектор.

— Это случилось, — сказал Менигон.

Прозектор задумчиво покачал банкой. В банке булькнуло.

— Что еще? — спросил он бесцветным голосом.

— Это случится завтра, — сказал Менигон.

— Вам это точно известно?

— Нет, — сказал Менигон. — К сожалению, мне это точно не известно. Но на восемьдесят процентов это случится завтра.

— Так, — сказал прозектор. — Очень хорошо. А что должно случиться?

От него веяло доброжелательным вниманием. Зарраза, подумал Менигон. Ведь знает же, рожа деревянная, все знает, и то, что я ему сейчас стану доказывать, тоже, наверно, знает. Молчит, трупорез, ждет. Смотрит в стеклышко на муравейник: как они там бегают?

— Вы знаете, что должно случиться, — сказал Менигон. — Вы это очень хорошо знаете. Я вам докладывал об этом еще три недели назад. Я вам назвал участников. Назвал силу, на которую они опираются. Теперь я называю вам наиболее вероятный срок. Может быть, я зря работаю?

— Нет, мой дорогой, — лениво проговорил прозектор. — Отчего же...

— Послушайте, шеф, — сказал Менигон, — мы работаем вместе не первый год. Наверно, за это время вы изучили меня вдоль и поперек. Скажите мне: был ли хоть один случай, когда вы получали от меня недоброкачественную информацию? — Прозектор медленно поводит головой из стороны в сторону. — Нет? Правильно, такого случая не было. Вы извините, шеф, что я позволяю себе так говорить, — Менигон прижал руки к груди, — но я должен разобрататься, что к чему. Если у вас есть сомнения — проверяйте. Я уверен, что вы не раз проверяли и пе-

репроверяли мои сообщения, и были абсолютно правы: все-таки перед Землей отвечаете вы. Но сейчас, поймите, у вас нет времени проверять и перепроверять. Вы должны поверить мне на слово.

— Я вам верю, Винсент, — сказал прозектор. — Успокойтесь, мой дорогой. У меня нет никаких оснований вам не верить. Вы оказали Земной федерации неоценимые услуги и, я надеюсь, будете их оказывать и впредь. Вероятно, руководство сочтет возможным лично выразить вам свою признательность. Кстати, когда вы летите?

— Не знаю, — Менигон пожал плечами. — Да не смотрите вы так, — открылся он, — я же сказал: не знаю. И не знаю, кто знает. Никто. Как "Юкон" выпустят, так и улечу. Может быть, даже завтра, только завтра "Юкону" вряд ли дадут взлететь... Может быть, послезавтра. Может быть, никогда.

— Ну-ну, — сказал прозектор. — Так уж и никогда. Мне жаль, что вы улетаете, Винсент. Впрочем, на посту эксперта вы будете полезнее даже на Земле. И все-таки, — он покачал головой, — мне искренне жаль вас терять. Более того, скажу откровенно: мне будет трудно найти вам достойную замену.

— Сами виноваты, — буркнул Менигон. — Кто мне советовал соглашаться?

Прозектор улыбнулся — углами рта. Как окатил холодом.

— А если бы я посоветовал вам отклонить предложение? — спросил он. — Собственно, вы можете не отвечать, тут и так все понятно. Удрили бы, мой дорогой, верно? Только не вздумайте изображать оскорбленную невинность, это не по вашей части. Не изображаете? Ну, значит, мне показалось. Выдержка у вас есть, цену. Другой бы на вашем месте насосался в стельку от радости. А вы молодец.

— Хватит, шеф, — попросил Менигон. — Давайте лучше подумаем, что мы можем предпринять.

— Предпринять? — лицо прозектора выразило вежливо недоумение.

— Да, — раздраженно сказал Менигон. — Предпринять. Именно предпринять. Я же вам докладывал. Уверен, что вы докладывали наверх. Прошу прощения, шеф, если это не в моей компетенции, но я очень хотел бы услышать: Земля намерена этому помешать?

Прозектор пожал плечами:

— А, собственно, почему Земля должна этому мешать? Насколько мне известно — из ваших сообщений, мой дорогой, известно, вы проделали громадную работу, — население Редута в большинстве своем не выступит против... м-м... ожидаемых событий. У нас нет никаких оснований препятствовать волеизъявлению народа суверенного государственного образования. Это его внутреннее дело.

— Я так и думал, — сказал Менигон. — Народа, значит. Волеизъявлению. Притчу хотите?

— Что?

— Притчу, спрашиваю, хотите? Есть тут одна, кажется, местного производства. Рассказать?

— Пожалуй, не стоит, — сказал прозектор. — Фольклор. Может быть, в другой раз?

— Нет, послушайте. Трое остановились перед высокой стеной. Один начал соображать, как бы через нее перелезть. Другой стал прикидывать, сколько потребуется времени, чтобы долбить дыру, если иметь кирку и терпение. А третий сказал: "Зачем все

это? Уж раз нам все равно стену не одолеть, давайте-ка лучше покрасим ее в какой-нибудь радостный цвет".

— Интересно, — улыбнулся прозектор. — И что же было дальше?

— А ничего. Прогулка, понимаете ли, кончилась. Пришел надзиратель и развел всех по камерам. Вот и все. Хорошая притча?

— Не смешно.

— А я и не обещал, что будет смешно, — сказал Менигон. — Я только объяснил вам, какое это будет волеизъявление народа. Доходчиво?

Прозектор подтянул банку ко рту, пососал сока. Даже не поморщился.

— А что вы предлагаете? — спросил он. — Допустим на минуту, что вам удастся меня убедить, что весьма сомнительно, допустим даже, что мне удастся убедить руководство, во что я также не верю... Предположим, Земля в самом деле решит оказать помощь существующему режиму — заметьте, режиму, который не просил о помощи и который проявляет недвусмысленное намерение вывести Редут из статуса доминиона, даже откровенно формально, — подсчитайте-ка сами, сколько потребуется времени на один только перелет, пусть это даже будут тоннельные корабли. Забудьте об этом, мой дорогой. Они элементарно не успеют.

— Чепуха, — сказал Менигон. — Вызовите "Рейн". Он успеет.

Прозектор осторожно поставил банку на стол. На коричневом черепе вздулась и запульсировала синяя жилка. Глаза ничего не выражали.

— Так, — сказал он. — Вы и это знаете... Откуда?

— Откуда — несущественно, — сказал Менигон. — Существенно то, что я это знаю. Вызовите "Рейн". Пусть сядет на космодроме. Пусть даже не садится, пусть хотя бы запросит посадку — они и тогда не решатся.

— Откуда вы знаете о миссии "Рейна"? — повторил прозектор.

— Оттуда, откуда я о ней знаю, — фыркнул Менигон. — Меня уже тошнит от глупых вопросов. А вас?

В глазах прозектора что-то мелькнуло и тотчас погасло. Ага, с удовлетворением подумал Менигон, все-таки я тебя завел. Все-таки достал тебя, тритона пятнистого. Холоднокровного. Не любишь ты меня, шеф ты мой, трупорез, терпеть ты меня не можешь, другой бы от тебя после этих слов не вышел, но с Менигоном не тебе, трупорез, решать, вот ты и бесись, Шелудивый. Знаешь свою собачью кличку? А знаешь, кто ее тебе дал? Знаешь, конечно, ты у нас все знаешь, и "мой дорогой" звучит у тебя как "сукин сын". Кто такой Готлиб Асплунд? Никто не знает, а кто знал, тот забыл. Шелудивый ты, а никакой не Готлиб, полип ты поганый, нарост на наросте, а ведь ты меня боишься: на Земле меня могут попросить дать оценку и твоей деятельности тоже...

— Я повторяю свой вопрос, — сказал прозектор.

— Откуда вам стало известно о миссии "Рейна"?

— Ниоткуда, — ответил Менигон. — Не знаю я

никакой миссии. Просто ткнул пальцем и попал. Вас это устраивает?

Было отчетливо видно, что прозектора это не устраивает. Какое-то время он сидел молча, соображая, как видно, что-то, и синяя жилка на черепе малопомалу перестала вздрагивать и пропала.

— Вам не кажется, мой дорогой, что последнее время вы стали говорить со мной в недопустимом тоне?

— Я каюсь, шеф, — злобно сказал Менигон. — Я приношу свои извинения.

— Это ваше личное дело, что вы там приносите. Но прошу вас помнить, что на Прокне вы подчинены непосредственно мне. У вас есть еще вопросы?

— Есть, — Менигон подался вперед. — Вы вызовете "Рейн"?

— Нет.

— Почему?

— Я вам уже объяснил, почему, — сказал прозектор. — Потому что решать судьбу Редута должен его народ, а не Земная федерация. Вам понятно?

— Этот народ на четыре пятых состоит из граждан Земной федерации, — возразил Менигон. — Вам это в голову, очевидно, не приходит?

— Пока они находятся здесь, они в первую очередь граждане Редута, — сказал прозектор. — А Редут — член Содружества, а Прокна — ассоциированный член Лиги Свободных Миров, и хватит об этом. Я не собираюсь обсуждать указания руководства, мой дорогой. И вам не советую.

Менигон взял банку с кислотой, отпил залпом.

— Так бы сразу и сказали, шеф, — морщась, выдавил он. — Указания руководства — это, конечно, другое дело, без указаний нам жизнь не в жизнь. Это вы правы. Пусть убивают людей, нам-то какое дело?

Прозектор посмотрел на него мрачным взглядом:

— Не вам бы говорить...

— Не мне бы, — с ядом сказал Менигон. — Это вы тонко подметили, шеф. Конечно, не мне бы. Вам бы это говорить! — крикнул он, уже не сдерживаясь. — Вам бы! Менигон — скотина, наемник и дерьмо, это всем известно! Был в гончих! Нюхает гриб! Сам пошел на вербовку! Работает за деньги — фу, какая мерзость! — не то что вы, шеф, — вы-то, конечно, работаете за идею, хотя платят вам, я думаю, больше моего... И вы молчите, именно вы! Со своей идеей! Зачем Земле адепты идеи, которых убивают? Убивать будут не вас...

— Встать! — негромко скомандовал прозектор. Менигон в голос выругался. — Встать! — повторил прозектор, не меняя тона. Менигон медленно поднялся. "Банкой в висок, лысиной об стол, — мелькнула в голове шальная мысль. — Как просто..."

— Когда вы в следующий раз будете думать, — неторопливо произнес прозектор, — а я надеюсь, что это когда-нибудь случится, — дайте себе труд вспомнить, что думать предпочтительнее головой. Я со своей стороны настоятельно вам это рекомендую. Садитесь.

Менигон сел. В голове у него стучало. Пятнистая лысина маячила соблазнительно близко...

(Окончание следует)

Книжные новинки

Раздраковивает Вас, Кириллов

Начиная с январского номера, известный переводчик и литературный критик Василий Кириллов делится с читателями "Уральского следопыта" своими впечатлениями от прочитанного.

Рубрика эта сугубо авторская — отсюда и вольный выбор книг. Ну, а захочется какому издателю, чтобы именно его книги похвалил или похвалил в очередном обзоре наш Василий Кириллов, что ж, — пусть придет эти свои книги и заплатит за рекламу журналу, а журнал приплатит критику — дабы был еще субъективнее и нелицеприятней!

Отечественную фантастику Василий Кириллов из разнообразных соображений не читает — уж не взыщите. А шкала оценок у него такова.

Один дракон — книга, не лишенная привлекательности, но только для слабоумных, либо дрянная, но хорошо изданная книга.

Два дракона — книга, которая без труда прочитывается от корки до корки, но после вызывает ощущение впустую потраченного времени.

Три дракона — книга хорошая, но по вине издателя, переводчика, редактора, корректора не заслуживающая более высокой оценки.

Четыре дракона — хорошая книга, которую стоит прочитать, но, по тем или иным причинам, не следует торопиться с приобретением ее для своей библиотеки.

Пять драконов — отличная книга, которую можно читать и перечитывать.

Шесть драконов — шедевр, способный сыграть роль настольной книги, которую можно не только читать и перечитывать, но и заведать своим детям.

Жаба — откровенная халтура, не вызывающая ничего, кроме отвращения и уверенности в том, что такую книгу вообще не следовало издавать.

Ларри Найвен. Летающие колдуны. М.: Центрполиграф, 1992. 618 с. (Серия "Осирис", т. 1).

Первый из включенных в книгу и довольно знаменитый роман "Мир-кольцо", признаться, не потряс моего воображения с той силой, на которую я рассчитывал после рекомендации моих друзей — любителей фантастики. "Мир-кольцо" оказался мне ярким примером часто встречающегося в нашем жанре литературного казуса: автор придумал НЕЧТО настолько грандиозное, что у него не хватило таланта ЭТО описать. Или хотя бы представить четкую "техническую документацию"...

Правда, мне не доводилось читать оригинал. И, искренне считая Ларри Найвена (или все-таки Нивена?) небесталанным писателем, мучаюсь вопросом: не стараниями ли переводчика (кстати, не известного никому) и редактора, не при помощи ли купюр — пострадало на сей раз наше восприятие?

Второй шедевр Ларри — "Дар Земли" — я прочитал в один присест и с гордостью большим удовольствием. Но по здравом размышлении,

так сказать, "отболев за судьбу героев", пришел к выводу, что ничего особенного он собой не представляет и, вероятно, будет забыт, затеряется в ряду "крепких боевичков" на базе не очень правдоподобных социально-политических моделей. По воле автора последние сотрясаются революционными событиями, представляющими массу возможностей для сочинения увлекательного сюжета и холодящих душу подробностей.

Лучше всех оказался последний, третий роман, чье название по праву украсило обложку с неудовлетворительными, хотя и весьма реалистичными изображениями "Мира-кольца". И главное достоинство "Летающих колдунов" — это, пожалуй, юмор, которого так не хватает в первых двух сочинениях. За этот юмор можно даже простить и колоссальные стилистические просчеты (только частично списываемые на счет редактора), и характернейшую для американских фантастов (даже, к примеру, таких, как Клиффорд Саймак) дуболомную идейность. Относительно последнего: стоит ли свеч длинная и ловко придуманная история, если кончается она примерно так: "все это лишний раз доказывает, что ученье — свет, а неученье — тьма"? Поневоле задумаешься: может, "этот раз" действительно был лишним?

А все же достоинства этой книги, которые читатель, надеюсь, обнаружит и без моей помощи, позволяют наградить ее четырьмя драконами.

Танит Ли. Игроки зимы. Екатеринбург: Крок-центр, 1993. 480 с. (Серия "Иноземье")

Книга хороша уже тем, что представляет нам новое имя. Причем, вероятно, не последнее в английской фантастике.

Первые три произведения — небольшие повести, написанные в духе классических "fantasy".

"Полутчики" — вещь, очень напоминающая истории из "Конановского цикла", но проигрывающая им, как минимум, по трем характеристикам:

1) в ней нет ни одного силового эпизода;

2) в ней нет даже вымышленной и столь завораживающей в грандиозном замысле Роберта Говарда хронологической и географической определенности;

3) в ней нет Конана.

Все остальное — украденный смертоносный фетиш, таинственные руины и подземелья, враждебность придорожной харчевни, потусторонние монстры, убивающие во сне и наяву, и проч. — в ней есть.

Вторая повесть — "Одержимый Шон" — чуть-чуть интереснее. Но не настолько, чтобы не заметить образцовых авторских плюх. Сплошь и рядом "чудесные" образы лепятся без учета неизбежных ассоциаций, низводящих все на уровень технологических или мифологических банальностей. Например: крылатая лошадь ассоциируется с Пегасом; книга, в которой хранится подвижное изображение, сопровождается звуком, ассоциируется с видеомангитофоном и т. п.

Еще чуть-чуть интереснее "Игроки зимы". Хотя принцип дурного кольца, в котором оказываются персонажи в результате скачка в далекое прошлое и которое им удается своевольно прорвать, путешествуя во времени, не признает обрядным, пожалуй, лишь тот читатель, для которого эта книжка окажется первым в жизни образцом жанра.

И наконец, четвертое творение Танит Ли, роман "Серебряный любовник", можно признать шедевром, но, как это ни странно, написанным в жанре классической сентиментальной мелодрамы. Место ему не в серии "Иноземье", а в какой-нибудь "Женской библиотеке". Научно-фантастический антураж, которым снабжена эта слезоточивая история, лишь в какой-то степени спасает положение.

Чем еще плоха эта книга? Характерным для автора щедро размазанным повсюду блеском дешевой бижутерии.

Чем эта книга просто отвратительна? Полным отсутствием ответственности издателя за качество издаваемого текста. Более или менее отредактированным оказался только "Серебря-

БАШНЯ ГОБЛИНОВ

Король Поневоле

ный любовник". Все остальное кишит таким изобилием стилистических, синтаксических и грамматических ошибок, что грамотного человека способно довести до белого каления, а малограмотного окончательно развратить и увести в его невежество.

Три дракона. Так много лишь на том основании, что, читая исповедь шестнадцатилетней девочки, влюбившейся в серебристокожий человекоподобный автомат, я сам едва не расплакался (простительно для отца подрастающей дочери).

Лион Спрэг де Камп. *Башня гоблинов*. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1993. 480 с. (Серия "Fantasy").

Первые две книги из тетралогии "Король поневоле" убеждают в том, что признание ее автора мастером жанра вполне заслуженно.

Легкое остроумное повествование, неожиданные повороты, яркие образы, множество вставных псевдоназидательных новелл, заставляющих вспомнить классические образцы восточной и западной обрамленной прозы — таковы очевидные качества этого произведения.

Простодушно и лишь местами чуточку лукаво служит оно незатейливой цели — доставить читателю удовольствие. Сделать это с хорошим вкусом, не нанося вреда, не искушая и не растлевая, удастся, увы, немногим. Спрэг де Камп — безусловно один из таких удачливых.

Поэтому без лишних слов — пять драконов и в придачу совет: прочтите "Башню гоблинов" во время отпуска или в выходной день. Хорошее настроение гарантировано.

Премия имени А. Р. Беляева

16 марта исполняется 110 лет со дня рождения Александра Романовича Беляева.

В эти дни уместно вспомнить о том, что

четыре года назад, в марте 1990-го, в нашей "Северной Пальмире" (тогда — Ленинграде) состоялось первое вручение новой литературной премии — имени А. Р. Беляева. Ее лауреатами стали тогда Аркадий и Борис Стругацкие (за выдающийся вклад в советскую фантастику), Андрей Столяров (за сборник повестей и рассказов "Изгнание беса") и — по разделу научно-художественной литературы (сокращенно — НХЛ) — Александр Снисаренко (за книгу "Третий пояс мудрости").

Прошло четыре года. Как обстоят дела с премией, которую решено было присуждать раз в два года? Не исчезла ли она — как, скажем, это случилось, судя по всему, с "Кубком Андромеды" ИПО "Молодая гвардия"?

Нет, не исчезла.

За прошедшие годы во многом изменился ее статус.

Теперь Беляевская премия (стремящаяся, по всей вероятности, обрести роль отечественной "Небьюлы") присуждается по шести номинациям: лучшая отечественная НФ книга; лучшая работа в области НХЛ; лучшее издательство — по итогам выпуска НФ или НХЛ; лучшая отечественная научно-художественная книга; лучшая переводческая работа в области НХЛ; лучшее издательство — по итогам выпуска НФ или НХЛ.

Присуждается она по рассмотрении предложений, поступивших в Комитет по Беляевским премиям до 15 января очередного года — ибо (это, пожалуй, главное) стала ежегодной.

Представлять соискателей на участие в конкурсе могут, прежде всего, лауреаты премии, помимо же них — писатели-профессионалы, издательства, СМИ, книготорговые фирмы, КПФ. Естественное в нынешних условиях желание Комитета — вместе с представлением получать хотя бы экземпляр рекомендуемой книги: дабы было что читать компетентному жюри.

27 декабря минувшего года состоялось второе вручение премии: по ее сегодняшнему статусу — за 1992 год. Причины столь позднего оглашения итогов работы Комитета много, одна из последних — пожар в Доме писателей (отчего церемония проходила в помещении издательства "Лицей" — в него преобразовалось местное отделение "Детской литературы").

Дипломы и медали были вручены: Василию Звягинцеву (за роман "Одиссей покидает Итаку"), Александру Щербакову (за перевод романа Ф. Ж. Фармера "Трех межзвездный"), Андрею Балабухе (за серию статей об англо-американских фантастах), Сергею Артамонову — по разделу НХЛ (за книгу "Литература средних веков" — вторую часть задуманной автором тетралогии), издательству "Северо-Запад" — за знаменитую серию "Фэнтези". За перевод НХЛ в этот раз премии не было.

Следующее вручение Беляевских премий — за 1993 год — намечено на 16 марта нынешнего года.

Состоится ли оно? Трудно сказать, — ведь ныне в области культуры все (или почти все) зависит от наличия спонсоров... которых все ищут, да не все находят.

Но тем уместнее перечислить здесь спонсоров прошлогодней Беляевской премии. Это:

ассоциация "Невский книжный центр", книготорговая фирма СП "Махагон", издательский центр "С.Б.А.", книготорговая и книгоиздательская фирма "Лань", издательство Буковского, ювелирная фирма АО "Пчела".

Проверьте вашу память

Персонажи Александра Беляева

О ком говорится в приведенных ниже отрывках? Из каких произведений Александра Беляева взяты эти отрывки?

1. "На днях я еду домой в трамвае. Гляжу, напротив сидит... В каждой руке по книжке держит и обе сразу читает. Я в книжки заглянул. Одна — русская, всё цифры разные, а другая — немецкая. И вот что удивительно: каждый глаз у него отдельно по строчкам бежит: одним глазом одну книгу читает, другим — другую".

2. "Ему казалось, что его тело разрывается. На мгновение он даже потерял сознание, камни тянули вниз. Погрузился в холодную воду и очнулся. «Если мне не подняться сразу — гибель неизбежна», — мелькнула мысль. Затаив дыхание, сжав зубы, стиснув пальцы рук, он стал вновь подниматься, на этот раз еще более медленно".

3. "Наружность молодого человека невольно привлекала внимание. Очень короткие руки и ноги, непомерно большая голова, большие отвислые уши и нос. Нос поражал больше всего: у корня нос западал, а к концу расширился и даже загибался немного вверх..."

4. "Сны... Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным".

5. "Опустился еще ниже и внезапно почувствовал острую боль... удушье, головокружение. Почти теряя сознание, беспомощно падал он и, наконец, опустился на край котловины. В висках стучало, сердце колотилось, глаза заволакивало красным туманом. И не от кого было ожидать помощи".

Ответы на кроссворд по эпопее Дж. Р. Р. Толкина (1994, № 2)

По горизонтали: 1. Лотто. 4. Дуброва. 7. Ножны. 8. Молот. 11. Эрек. 14. Лавр. 16. Накручинс. 18. Дракон. 19. Гворны. 21. Волколаки. 24. Эорл. 25. Топи. 27. Хород. 30. Осада. 31. Сэммиум. 32. Длань.

По вертикали: 1. Лоризн. 2. Теоден. 3. Онт. 4. Дым. 5. Билл. 6. Арнор. 9. Горгорот. 10. Ирчи. 12. Казад. 13. Онтвальд. 15. Вязы. 17. Тракт. 18. Даро. 20. Скот. 22. Иорета. 23. Жихарь. 24. Эмрос. 26. Урхи. 28. Дом. 29. Сад.

Дубовые дощечки

Смерч разбивает стекла, жизни, судьбы...

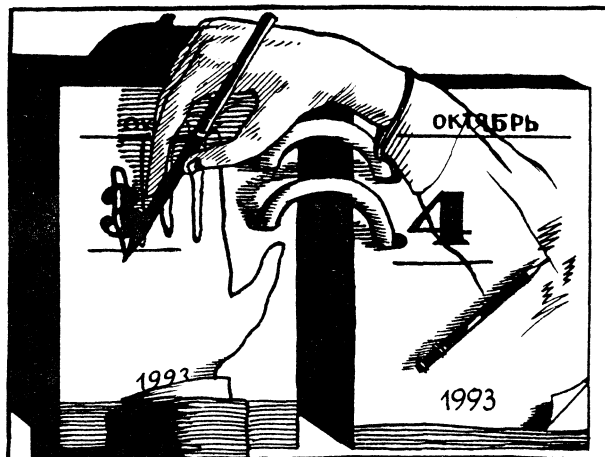
О смерче в те дни говорили постоянно.

Шел август 1991 года. Над Туапсе только что пронесся разрушительный вихрь. Морская вода, поднятая в воздух смертельной воронкой, рухнула на город, на окрестные селения...

Подростки, которые собрались во Всероссийском юношеском центре на юнкоровскую смену, следы стихийного бедствия видели во всем их отвратительном величии. Полоса кавказского побережья была усеяна поваленным и снесенным с гор лесом. В воде, на лазурных волнах, колыхались остатки жилых строений, разбитая в щепки мебель, изредка — туши поросят... и яблоки, яблоки, яблоки — нелепая замена медузам...

Вместо обычных "страшилок" "орлята"-юнкоры рассказывали по ночам правдоподобные истории о старых гробах, выбитых силой стихии из горных кладбищ и ласкаемых теперь приборными волнами: "Вышел я ночью на пляж, зашел по колено в море, и тут навстречу медленно-медленно подплывает..." Но потом ночных сказителей как отрезало от этих рассказов! Потому что группа мальчишек и девчонок вернулась из юнкоровской командировки в эпицентр бедствия. Они привезли видеокамеры, диктофоны, где на пленках было записано горе и смерть, где мальчик рассказывал, как погибли его старшие брат и сестра, где девочка, в вялости спасительного шока, говорила о смерти матери... И стало отчетливо ясно, что прыгающие на волнах яблоки кому-то предназначались, успели для кого-то созреть, но уже никогда не будут согреты чьими-то ладонями.

Шли дни, расчищался понемногу пляж. Лагерная жизнь набирала обороты. Юнкоры учились, работали, тайком от санэпидемстанции, ворчуньи-санэпидемстанции-перестраховщицы, купались в море. По вечерам собирались на открытой эстраде и слушали музыку, глядя, как чайки бесшумно дирижируют невидимой скрипкой. А еще ребята, конечно, спорили! И удивленный "Орленок", привыкший к духовному единству сво-

их питомцев, вбирал-вбирал в себя эти споры. Мой милый, романтичный "Орленок" с наивностью и мудростью постаревшего и уставшего педагога слушал новых ребят.

Я тоже слушал. Приглаждался. И, наверное, совру, если скажу, что пытался что-то прогнозировать... Хотя "материал" для прогнозов был редкостный... Ясно уга-

дывалось, что многие из ребят совсем скоро будут определять духовную жизнь России. Кто-то сверкнет в литературе, кто-то проявится в науке, кто-то в политике... Но мне вовсе не хотелось забивать себе голову тем, как будет выглядеть через недолгие годы российская элита.

Гораздо интересней было дожидаться, например, когда, закончив возню с газетой, выползет из редакционной комнаты Антон Помещиков из пятигорского отряда "Пламя". И очень интересно было НЕ СПРАШИВАТЬ, почему он и его друзья так демонстративно и ревностно расхаживают по лагерю в пионерских галстуках и с комсомольскими значками. Антон рассказывал, как отряд борется за существование; летели во влажный йодистый воздух сухие цифры: в совхозе столько-то работали, фотоателье принесло такой-то доход, гонораров хватит на столько-то... — и это было информативнее.

Интересно было НЕ ОБРАЩАТЬ внимания, как задирается со всеми хай-компания из Бирска. Хотя "не обращать" зачастую не получалось: та субкультура, которую они "сочиняли", отличалась эпатажирующим хамством, нарочитыми сексуальностью и агрессивностью. Они откровенно вызывали всех на бой, на "разборки", на "пикировки"... Иногда казалось, ради того лишь, чтобы приклеить своему оппоненту какую-нибудь кличку... Типа той, что прилепила одному из взрослых консультантов Натка Белошина: КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЭЛЬФ... (Кстати, Ната уже "блеснула": недавно в одном из осенних номеров "Огонька" появился ее "взрослый" рассказ.)

Если Натка была своим человеком в субкультуре, то Тимофей Нестик — во всем мироздании. Как внятно

и бережно размышлял он о совести, о гармонии, о закономерностях и случае...

А озорно-легкомысленный москвич Юра Погорелый — останкинская "телезвезда" — лишь поначалу казался "нарциссом", влюбленным в собственную дикцию. Вся дикторская "выдресированность" его забывалась, стоило ему заговорить о хиппи...

... Тень смерча, между тем, не оставляла лагерь.

Синоптики не исключали возможности повтора, и хотя успокаивали, что успеют предупредить заблаговременно, — ребята часто и подолгу вглядывались в неласковые морские горизонты.

Пожалуй, только о смерче подростки не спорили. С ним было все ясно...

Каждая новая информация об этом природном уникале выслушивалась с тревогой.

Говорили о нем так, как первобытные люди — о чудовищном ненасытном божке, не называя имени: Он, просто Он.

ОН РОЖДАЕТСЯ В ГРОЗОВЫХ ТУЧАХ...

ОН ПОДНИМАЕТ МАССЫ... — и смотрели на штормовое море.

ОН ПРЕДПОЧИТАЕТ ДВИГАТЬСЯ ПО РУСЛАМ ВЫСОХШИХ РЕК... — и показывали на змеистый овражек, убегающий от столовой в гору.

... 11 августа 1991 года в "Орленке" появилась делегация американских журналистов. В том числе — Билл Келлер из "Нью-Йорк Таймс".

Пресс-конференцию проводили в столовой. Собрались все. Уселись за обеденные столики. В одном углу пламенели галстуки ребят из "Пламени". В другом — ехидно улыбалась Ната Белюшина (неужели, примеривалась к гостям со своим "картофельным эльфом"?). Рядом со мной сосредоточился Тима Нестик. Шепнул: интереснее не то, что ответят, а как... Взгляд, жесты, интонация правдивее, — и уставился на Билла, представителя самой уважаемой американской газеты.

О чем спрашивали советские (еще восемь дней они будут советскими!) тинейджеры у американских журналистов, я могу без труда восстановить по своим записям. Но не в тех вопросах суть...

Под конец встречи Билл Келлер сказал будущей элите страны: "За кого бы вы проголосовали на выборах президента России? Давайте так... Я называю фамилию, а вы аплодируете, если кандидат вас устраивает".

Пока будущая элита шумела, искренне радуясь небреженности социологического исследования, а Келлер готовил диктофон, я решил на плагиат у уважаемой "Таймс". Открыл блокнот. Быстро определился: десятибалльной шкалы достаточно, чтобы отразить силу ребячьих аплодисментов, их отношение к кандидатам.

Билл Келлер назвал первую фамилию. Юнкора вяло захлопали.

"РЫЖКОВ — 3 балла", — черкнул я в блокнотике.

— Ельцин, — улыбнулся Билл. Зал взорвался такими аплодисментами, что сомнений в оценке ребячьих симпатий не возникало. 10 баллов!

Проставить "отметки" другим политикам оказалось не сложнее — так разлилась подростковая реакция на их фамилии.

"ЖИРИНОВСКИЙ — 5 баллов.

БАКАТИН — 1.

ТУЛЕЕВ — 3".

— Макашов, — произнес Билл Келлер.

Зал молчал.

Молчали и Антон Помещиков, и Натка Белюшина, и Тима Нестик — столь непохожие друг на друга. Молчал, о чем-то думая, Юра Погорелый, "телезвезда" "Останкино"....

Я спокойно поставил возле последней фамилии "нолик", не особо вдумываясь, что он значит...

А "социологическую" тишину скомкал чей-то возглас:

— Смотрите!! Снова закручивается Он!! Там, справа!!

По правому берегу бухты, за "бочками" лагеря "Комсомольский", над горами кипел видимый воздух. Он дрожал там, взрывался клоками еще с утра. Еще с утра грозное облако пыталось свить себя в смертоносную кудель и дотянуться ею до моря. Но утром это не удавалось облаку. А сейчас...

Сейчас ясно виделось, что подложка тучи вовлечена в круговое вихреобразное движение. И в продолжение этого движения тянулся от облака белесый хоботок. Тянулся к морю, к массам...

С нещадной беспомощностью вдруг понялось, как все это будет сейчас действовать... Уродливый и смешноватый поперву хобот этот коснется воды. Враз потемнеет, посинеет. От облака передается вниз бешеный напор энергии, натужный, упрямый, необходимый, чтобы оторвать от поверхности моря кубометры воды. Потом воронка поползет в гору, обочинно обдав нас моросью и озоном. А потом над горами раздастся хлопок, намного больший, чем когда лопается полиэтилен с водой... И по сухому руслу ринется с гор Непоправимое...

"Хоботок", не дотянувшись до штормящего моря, замер. Стало видно, что вихревую круговерть раскачивают какие-то иные резонансы, что "хоботок" тает, укорачивается и — исчезает. "Он" исчезает!

Разговор в столовой, прерванный на фамилии "Макашов" зажужжал вновь. Непосредственность лагерной жизни да и жизни вообще — восстановилась... Правда, ненадолго: недалекий от "Орленка" Форос уже готовил свои шокеры для всей страны обстоятельства; близилось 17 августа 1991 года...

Но я не о тех событиях... Я — о нынешнем октябре...

...Когда ночь на 4 октября разнесла по всему миру телекартинки: грозное кипение людских толп, Макашов, призывающий к штурму Останкино... когда в любви российской квартире почуялось, как пахнет теплая кровь на холодном ночном асфальте... когда столкнулись собственная беспомощность со стихийной Непоправимой...

равимостью, — тогда-то и вспомнился "Орленок". Смерч. Молчащие подростки.

Вспомнились разговоры ребят о смерче: ОН РОЖДАЕТСЯ В ГРОЗОВЫХ ТУЧАХ... ОН ПРЕДПОЧИТАЕТ ДВИГАТЬСЯ ПО РУСЛАМ ВЫСОХШИХ РЕК... ОН ПОДНИМАЕТ МАССЫ... Вспомнилось их ледяное отрицание фамилии "Макашов".

Эти воспоминания ничего не добавляли к пониманию октябрьской трагедии, но делали эту трагедию символической, образной, а значит неискоренимой из нашей беспечной памяти.

10.10.93.

Здравствуй, слово, молодое, незнакомое!

Жаргонное слово ЧИКСА я записал только в конце прошлого года. Существовало ли оно раньше? Возможно... Хотя будь этот жаргонизм широко употребим в речи уральских подростков, он бы от меня вряд ли ускользнул: где-то с 1986 года я стараюсь ничего не упускать в тинейджерском субязыке.

Слово *чикса*, объяснили мне, значит: проститутка; женщина или девушка, легко идущая на флирт.

Новоявленный арготизм меня заинтересовал.

Это только кажется, что в жаргоне царит анархия, что там может прижиться любая нелепица, любая абракадабра. Нет, как языковая система жаргон организован намного строже и четче, чем язык общенародный. Каждый новый жаргонизм — не прихоть, не излишество; он рожден потребностью обозначить какие-то изменения в среде отрочества.

Так что же должна была отразить *чикса*? Ведь и без этого слова жаргон уральских подростков не испытывал дефицита в обозначении проституток. Свыше пятидесяти синонимов записал я в свое время! Здесь и БИКСА, — заимствование из старо-уголовного жаргона (по крайней мере, служебный словарь НКВД "Блатная музыка", составленный в 1927 году и недавно репринтно переизданный, это слово уже фиксирует)... Здесь и НОЧНАЯ ФЕЯ, ПОРЕВО, ДАЛОВКА, ДЫРА, — слова, отражающие всю амплитуду подростковых чувств к "специалисткам", от легкой иронии до глубочайшего презрения... Здесь и СОСКА, СТЕРЛЯДЬ, ПЛОТИННАЯ ДЕВОЧКА, — жаргонизмы, тонко разделяющие проституток по "специализации", по внешности и возрасту, по месту обитания...

В этом плотном синонимическом "гнезде" не было ниши для слова *чикса*. Ниши вроде не было, а слово появилось, не боясь перекрыть значений уже известных слов. Зачем же понадобилось оно юным екатеринбуржцам, какую новую данность силилось отразить?

Я попытался узнать этимологию слова. Но никто из моих респондентов* не мог ничего толком сказать. Правда, кое-кто отмечал, что *чикса* чуть помягче, например, *биксы*, чуть "повежливей".

Я поискал жаргонизм *чикса* в известных мне словарях "тюремно-лагерного языка". Заимствования из

"блатной фени", и прямые, и переосмысленные, нередки в подростковом жаргоне. Но ни один "блатной" словарь *чиксу* не знал.

Раскрыл наугад "Англо-русский словарь", не очень на него надеясь, поскольку англицизмы (вернее, американизмы) распространены в жаргоне ребят пообразованнее. У хиппи, например. Мои же герои и респонденты — люмпен-подростки, пэтэушники да недоучившиеся школьники...

Но вдруг — удача!

Cheeks — щеки... С достаточно большой долей вероятности можно было считать, что именно английское "cheeks" послужило прообразом нашему жаргонизму.

Щеки и проститутка... Какая ассоциативная связь сработала у творцов жаргона, догадаться не трудно.

Слово "обнажилось". Обнажились ли причины, из-за которых родилось слово, более мягкое, чем *бикса*?

Может, в мягкости все и дело? В мягкости, в затуманенности, в неясности значения... Анонимные создатели слова (кто бы они ни были) сохранили в нем смысл, но за иноземщиной запрятали оценочность...

Другие подростки подхватили неологизм. Для них он был так же непрозрачен, как и *бикса*. Но *бикса* за десятилетия бытования в языке покрылась налетом отрицательной экспрессии и уже мало годилась для обозначения проституции: своей окраской слово диктовало отношение к этому явлению. У подростков же возникли сомнения: так ли ужасна проституция, как ее малюют...

Вообще-то, строго говоря, проституция никогда не казалась подростку ужасной. В 1987 году "Литературная газета" и журнал "Социологические исследования" провели зондаж общественного мнения подростков нескольких городов, пытаясь выяснить их взгляд на деньги. Отроки поделились своими представлениями в том числе и о прибыльности различных профессий. Всего было упомянуто 340 занятий и профессий, приносящих, по мнению ребят, неплохой доход. Ранжировав эти занятия по числу упоминаний, социологи получили, что проституцию подростки поставили на почетное седьмое место. Уже тогда ее "денежность" (а для тинейджера это равносильно престижности) была высоко оценена.

1989 год добавил новые привлекательные краски в образ проститутки. На экраны вышел фильм "Интердевочка". Он стал самым кассовым: за три первых месяца проката — около 35 миллионов зрителей. Несмотря на акценты режиссера, валютная проститутка стала кумиром части молодежи...

Но те годы еще не до конца разрушили моральных норм. И подростковый сленг это отразил. Выделив специализацию валютчиц мягким и добродушным жаргонизмом *шубки*, для всех остальных проституток подростки избрали слова похлеще и поуничижительней.

Резкие перемены случились полтора-два года назад. Во-первых, страна перенасытилась западными видеофильмами, помимо всего несущими и устаревшую этику тамошней сексуальной революции. Во-вторых, резко обнищал народ, и женщины-одиночки — прежде... Соединение этих причин и породило тот разгул любитель-

щины, который мы наблюдаем. Со всех заборов — реклама "массажных" фирм. В газетах частных объявлений — многочисленные предложения:

"Если некуда девать деньги, то напишите — вместе решим..."

"Молодая леди будет сопровождать вас на деловые встречи за приличный гонорар..."

"Симпатичной ученице требуется учитель, который научит технике секса. Уроки финансируете вы..."

Торговля собственным телом, которая некогда казалась подростку обочинным явлением, некоей экзотикой, вдруг ворвалась в быт. Стала нормой этого быта. И для обозначения этой нормы старые слова уже не годились.

Нет, бывшие жаргонизмы сохранились: частью превратились в обычные ругательства, частью перешли на обозначение совсем уж падших женщин.

Для обозначения же новых "героинь", проституток поневоле, проституток, не вызывающих резкого осуждения, требовалось новое слово. Не таящего в себе ни удивления, ни всплеска чувств, спокойно-привычного, как и вновь возникшая норма взаимоотношений между полами. Для неграмотных люмпен-подростков *чикса* и стала таким словом.

P.S. Недавно на металлическом гараже я увидел меловую надпись: "ВОВА — ЛОХ, БИКСА, ЧИКСА И БРОНЯ!" Это включение *чиксы* в череду оскорбительных характеристик означало, что и сама *чикса* приобрела уничижительный оттенок, перестала быть нейтральной. По какой причине? Не знаю... Не исключено — от близкого (до предела близкого!) знакомства люмпен-подростков с "чиксами".

Догадываюсь лишь об одном: оценочное снижение слова "чикса" не обозначает, что у подростков изменилось отношение к современным проституткам. Прежним оно осталось! А это значит: надо ждать в жаргонном языке нового нейтрального обозначения "профессионалок". Такого же нейтрального, каким когда-то было арго-слово "чикса".

Декабрь, 1993.

Дай, дай, дай...

Ну, кто не знает, как запомнить цвета радуги, их порядок!

Конечно: "КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ, ГДЕ СИДИТ ФАЗАН". К — красный, О — оранжевый, Ж — желтый... и так далее. Изящная мнемоническая фраза, фраза-запоминалка.

У многих оборотов, придуманных для закрепления памяти, есть собственная судьба. Почти как у людей — с неожиданными извивами, с приключениями, со взлетами и падениями.

Одна из таких судеб недавно привлекла меня.

Когда-то бритоголовые курсанты-связисты (или их наставники) один из напевов "морзянки" облекли в слова, ставшие широко известными. Слова эти: "ДАЙ,

ДАЙ ЗАКУРИТЬ!" Для запоминания морзяночного "дисканта" придумано много фраз, но лишь эта вошла в быт людей гражданских, и рацию-то в руках не державших.

Мнемоническая фраза "дай, дай..." стала для многих условным сигналом, обозначающим вовсе не сочетание тире и точек. Она стала значить совсем другое: СВОИ...

Мать уходила в ночную смену, но прежде стучала по столешнице костяшкой пальца: "Дай, дай закурить!" Говорила детям: "Я вот так буду в дверь стучаться, а на другие стуки никому не открывайте".

Влюбленный юноша шептал девушке: "Как услышишь стук в окно, вот такой — "дай, дай закурить!" — выходи в огород, на мостик".

Было смешно, весело и, как зачастую в России, несуразно. Полстраны знало этот условный пароль, и каждый считал его только своим, и каждый, даже самый опасливый, не раздумывая распахнул бы двери, форточки и окна, выбежал бы на порог, готовясь к дружеским объятиям, — услышь родное и теплое: "Дай, дай закурить!"

Но времена меняются. Постучаться или позвонить в дверь квартиры сейчас не так-то просто. Сначала надо преодолеть металлические двери подъездов, пробраться сквозь лабиринты перекрытых стальными листами отсеков...

Каково же было мое удивление, когда я вдруг услышал, что бесхитростный мнемонический напев не умер и в наши, отчуждающие соседей дни.

— Дай, дай закурить! — разнес как-то в ночи автомобильный клаксон. У соседней многоэтажки стояли в порхании снега молочные "жигули" и пели веселую оду. Оду распахнутым дверям, людской наивности, призабытой доверчивости, бывлым бесхитростным тайнам народа. Автомобильный сигнал, несмотря на два часа ночи, согревал, размягчал, уносил в детство...

На следующую ночь условный звук повторился. Чуть пораньше... Потом, через день, еще...

— Вот бы узнать, что надо этому сумасшедшему "радисту"! — сказал я жене.

— А чего там узнавать! И так вся округа знает! Девочка из соседнего дома устроилась "работать"... Массажисткой!.. Вот ее и гоняют по вызовам!.. Приспичило кому-то и — ДАЙ, ДАЙ ему...

А снег день за днем продолжал порхать, падать, сиять, как всегда, сделать землю светлей и чище.

И в садике напротив моего дома каждое утро торчал малыш с запрокинутой головой, ловил карасиным ртом снежинки и высматривал что-то в небе. И каждый раз, в надоевшем повторении, замершего малыша тормошила за рукав ребятня:

— Не бывает от снега радуг! Спорим? Не бывает!

Повторялся банальный сюжет. Столкновение веры — и неверия. Возвышенного — и приземленного. Чудаковатой вышебленности из жизни — и уютной адаптированности.

И сюжет этот меня не интересовал. Я уже давно понял, что движение таких сюжетов, их исход зависит не от действующих лиц, а от наблюдателя. Кого решил в победители — тот и герой.

Меня интересовало другое. Что-то давно не слышал я от детей "радужной" заминалки! Той самой: "КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ..."

Может, она уже и не детская вовсе?

Может, она на вооружении у тех, кто за двадцать-тридцать лет свои на земле внятно выучился лишь живоотно-похотливому императиву: ДАЙ, ДАЙ...

Может, безоблачная заминалка значит теперь:

Каждый — "КАРОЛИНА" ("Наши девушки обслужат вас"),

Охотник — "ОЧАРОВАНИЕ" ("Очаровательные феи подарят вам незабываемую ночь"),

Желает — "ЖАННЕТ" ("Ждем звонков, господ бизнесмены"),

Знать — "ЗВОН ЛЮБВИ" ("Твои фантазии станут реальностью"),

Где... — да мало ли в нашем городе "массажных" фирм, на любую букву найдется!

21.12.93.

Когда бессилён киноглаз

Немые кинохроники отлично запечатлели, как граждане новоиспеченной Советской России до основания рушили "мир насилия".

...Я смотрю фильм Евгения Цымбала "Повесть непогашенной луны" (по одноименной повести Бориса Пильняка). Всплески моих эмоций всего сильнее там, где современный режиссер использовал в перебив давние кинодокументы.

Камера дрожит, а с ней — и изображение... Резкость мечется...

Но техническое несовершенство старых кинокадров с лихвой окупается тем, что очень киногенично снимаемое. Как драматургично взвинченное движение толпы!.. Как эффектен для камеры, даже несовершенной, расстрел босых, висящих позами мужиков!.. А взрыв Храма!..

Само действие так укрупнено, так оплакачено, что разрушительная энергия киногероев переполняет современный кинозал и вызывает странные чувства. Они, эти чувства — чувства ненаведенной резкости, совсем в стиле старого кино.

При однозначном отрицании того, что творится на экране, резкость гнева, который должен бы главенствовать, то и дело сбивается то на жалость к разрушителям, то на оправдание их, недавно униженных и оскорбленных — и торжествующих со старого целлулоида... А вот гнев и совсем расфокусирован: я, через дымку успокоительных лет, чувствую к толпе громил и ниспровергателей... благодарность.

Благодарность? За что?! Да за то, что их разрушительность очевидна. И честна в своей очевидности. И ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩА для всех нас.

Нынешняя техника кино намного совершенней. Ей доступны оборотная сторона Луны, сложные процессы на молекулярном и атомарном уровнях, она может достоверно воссоздать пейзажи юрского периода, показать предстоящую колонизацию Марса... Одно ей недоступно! Ей недоступна, чаще всего, фиксация современных форм разрушительности, показ "новинок" в деструктивном отношении к Мирозданию. Увы, нынешняя разрушительность, за тем исключением, когда берутся на вооружение старые, испытанные ее формы, не так очевидна, вовсе не плакатна и совсем не киногенична. Она, наоборот, невнятна в своих проявлениях, декадансно-утончена, маскировочно-невзрачна — и много сложнее для разоблачающего киноглаза.

...На экране Стеньки Разины времен военного коммунизма сволакивают в костерную кучу иконы. Пылает огонь. Православные святыни с их гениально-светлым видением четырехмерности мира превращаются в одномерные плоскостные головешки.

Рядом со мной сидит напряженный мальчик в черном бархате и безупречной белизне хлопка. Участвующее его дыхание выдается движением бархатной бабочки-галстука на груди.

Воспитанный, эрудированный, разбирающийся, размышляющий, умело оппонирующий, смело анализирующий, — сейчас этот мальчик лишь на миг размыкает губы. Не артикулируя, шепчет:

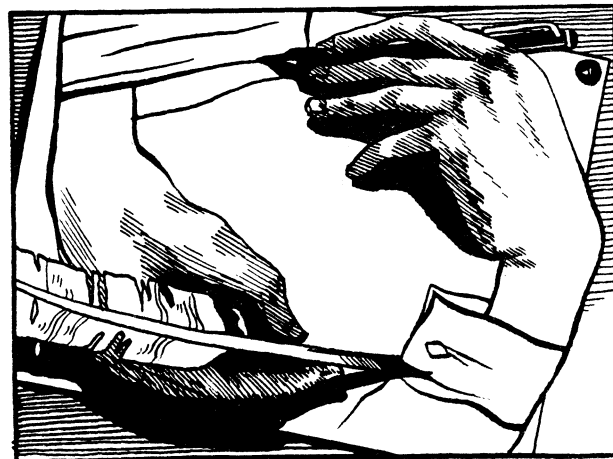
— ВАЛЮТА ГОРИТ! ЕЛЫ-ПАЛЫ, СКОЛЬКО БАКСОВ МОЖНО БЫЛО БЫ СЕЙЧАС ОТХВАТИТЬ ЗА ЭТИ ИКОНЫ!

Какой киноглаз сможет передать это? Невинность юношеского облика — передаст. Безупречность манер — передаст. Сможет уловить, насколько обучены иронии юношеские губы...

И лишь к одному не готова кинокамера: запечатлеть той разрушительности, которая, пользуясь мальчиком, на миг высунула свой коготок, примериваясь к миру...

26.04.92.

Рисунки Артёма Родионова

Татьяна ДМИТРИЕВА

Тайны водяного мамонта

На севере Тюменщины, в краю лесов, болот и бесчисленных озер течет река Казым и впадает в великую Обь — почти напротив старинного города и нынешнего райцентра Березова.

Коренные жители Казымского края ханты — охотники, рыболовы, оленеводы. Ханты прекрасно знают местность и ориентируются на огромных пространствах — без этого в тайге и тундре не прожить.

Условия и образ жизни способствуют сохранению в памяти народа местных географических названий — топонимов. Немало легенд и преданий хранит хантйская топонимия реки Казым. Один из персонажей этих преданий — фантастическое существо, которое современные аборигены Казыма называют ВЕС и считают водяным животным. Описывая его, ханты говорят: "белый, живет в воде, в ямах", "как кит, говорят, всплывает", "из воды выползает, под вид тюленя", "крокодил, землю роет по берегу, в воде живет".

Действиями этого существа объясняют обвалы речных берегов, изменения русла рек, уход воды из озер, образование новых протоков и речек. "Если в большом озере лежит, — повернется, сам речушку сделает; если новая речушка появляется, — это он место меняет".

Не все считают, что вес — существо реальное. Вот, например, фрагмент известной всем хантйским детям сказки про зайца и осоку:

...Видит заяц: идет вес.

— Выпей воду! — говорит он весу.

— А в чем вода виновата?

— Огонь не заливают.

— А в чем огонь виноват?

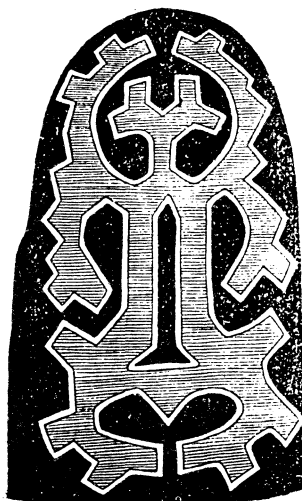
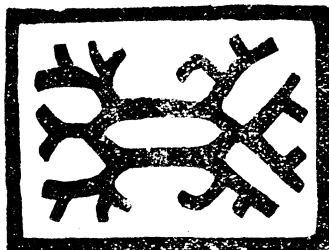
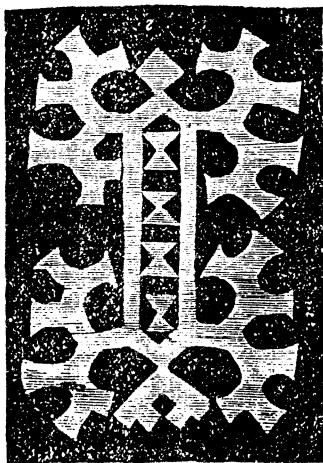
— Осоку не зажигают.

— А в чем осока виновата?

— Я есть стал, язык порезал.

— Так это твоя жадность...

Так рассказывал эту сказку в светлых сумерках июльской ночи березовский ханты Дмитрий Григорьевич Гындышев, когда в одной из недавних экспедиций мы вели с ним долгую беседу, сидя на

верхней палубе старенького теплохода, плывущего по Сосьве.

На Казыме есть несколько мест, в названиях которых упоминается вес.

К юго-востоку от деревни Юильск, на левом берегу Казыма лежит большое озеро Весынг-лор ("Озеро веса"). Рядом — бор со святым местом хантов. Ханты замечали у озера следы передвижения веса. "Семен Вагатов раз ездил на "Буране", видел, что весь мерзлый мох выброшен: он (вес) куда-то ушел".

По правому берегу Казыма, рядом с устьем реки Сорум, слева от устья, находится проточное озеро-старица Весынг-вэри ("Старица веса"). Сорумский ханты Данил Петрович Захаров рассказывал, что в этой старице "крокодилы живут, звери — большие, как акулы".

Немного выше по Соруму, недалеко от озера Весынг-вэри, есть яр Вес-ими-сангхум ("Яр женщины-веса"). Там тоже было святое место, которому ханты поклонялись. Интересно, что в этом топониме упоминается "вес" женского пола.

Но самое загадочное название озера Мулты-вэлты-лор в среднем течении Казыма. Топоним переводится очень странно: "Озеро, где что-то есть". "Что-то живет в этом озере, — объяснили нам, — но не знают что". Оказалось, что рыбачить в этом озере опасно, что рыбу из него некоторые ханты не едят, и что в нем — "как будто чучело из воды вылезает, покажется, потом опять уйдет". Как-то раз один из местных жителей ехал по этому озеру, а у него на голове был красный платок. Вес увидел — перевернул лодку, утопил ружье и все что было в лодке. Очевидно, что "Озеро, где что-то есть" — это название-табу, оно иносказательно передает информацию о сверхъестественном существе, не слишком благосклонном к человеку. Ханты верят, что если кто увидит веса, — недолго проживет.

Иногда веса называют просто вой — "зверь" (тоже табу), а по аналогии с китом — вусынг пугланг, буквально "ды-

ривый затылок". Но словари хантыйского языка отмечают, что наименование вусынг-путланг у казымских, низямских и обдорских хантов относится к белуге — дельфину.

Однако и в словарях, и в этнографической литературе указывается, что словом вес (вэс) различные группы хантов называют мамонта. Так, у шурышкарских хантов есть Вес-тор — "Озеро мамонта", Вес-тор-курт — "Деревня озера мамонта", у среднеобских — Вес-емторсан — "Ручей озера мамонта", у ваховских — Весынг-эмтор — "Озеро мамонта", у хантов реки Сыни — Весынг-курт — "Деревня мамонта". Но это существо особого рода: "мамонт, мифическое, в воде (особенно в водоворотах) живущее животное неопределенного вида, которое может возникнуть из различных животных...", "мамонт, водяной дух в виде мамонта", — так объясняют словари хантыйского языка, что такое вес.

Каким же образом связаны вес-водяной и тот древний лохматый, давно вымерший родственник слона?

Этнографическими исследованиями установлено, что народы Сибири — ханты, манси, селькупы, эвенки, не имея возможности представить действительный облик этого вымершего животного, считали мамонта подводным или подземным животным с рогами и не сомневались в его реальном существовании, что подтверждалось многочисленными находками его костей и бивней. При этом мамонт наделялся одновременно признаками сухопутного (лось, олень) и водяного животного и приобретал образ полувзвря-полурыбы.

Представления о мамонте как о подземном существе нашли отражение в таком замечательном его наименовании, как "земляной бык" (олень), или "земли олень самец", которое встречается у ненцев (янг-хора), у хантов (мув-хор, мувхар, мы-хор), у манси (ма-хар). А у якутов мамонт имел название у-огуса — "водяной бык", и его считали духом-хозяйном воды.

Вместе с тем ханты реки Сыни называли мамонта йинк-вой — "водяной зверь", но в то же время считали, что он живет в земле и имеет большие зубы или рога.

У хантов же мы встречаемся с представлениями об огромных рогатых щуках, обросших шерстью, и о подземных животных, затевающих иногда между собою такую борьбу, что лед в озерах ломается со страшным треском. И те и другие существа соотносились с мамонтом, причем считалось, что в мамонта превращается очень старый лось, дикий олень или медведь, перешедшие в воду,

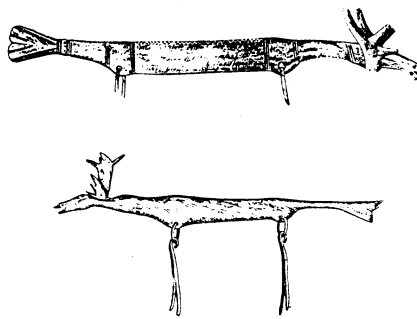
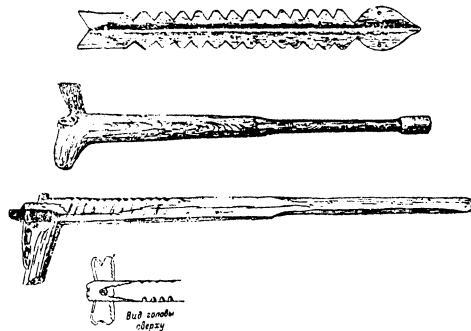

Рис. 1. Изображения мамонтов у эвенков (металлические пластинки на подвесках шаманского костюма).

Рис. 2. Изображения мамонтов (сверху): — у селькупов (железная фигура на спине шаманского костюма. Рыба-мамонт.) — у хантов р. Васюган (деревянные скульптуры, употреблялись на охоте за лосями с магическими целями).

старая щука, окунь, ерш, а также собака, заяц и даже человек, проживший 150—200 лет.

В музеях нашей страны представлены изображения мамонтов, соединяющие признаки лося или оленя с признаками рыбы, сделанные эвенками или хантами (см. рис. 1, 2).

Представления о мамонте у народов Сибири, главным образом тех, которые населяют ее Север, получили ярко выраженную религиозную окраску. Мамонта считали священным животным, относили к числу подземных духов, находившихся в распоряжении шаманов. Не случайно мозямский ханты Семен Иванович Юхлымов, замечательный знаток и исполнитель произведений фольклора своего народа, называл двух самых главных подземных богов курсн-

гэн-веснгэн — "боги-весы" и говорил, что им подчиняются "все те, которые под землей". Места, связанные, по мнению хантов, с обитанием "мамонта"-веса, считались у них святыми.

Этнографы, работавшие на Казыме в 40-е годы, отмечали в казымском диалекте название мув-хор — "земляной бык (олень)" для мамонта, а точнее — для обратившихся в него лося, медведя или щуки, которые, достигнув глубокой старости, по мнению хантов, не умирают, а изменяют облик, обращаясь в "мув-хора".

Словом, у казымских хантов сохранился устойчивый образ веса-водяного, животного реального и в то же время фантастического, соотносимого с другими известными современному человеку существами, живущими в воде — щукой, китом, тюленем, акулой, крокодилом. В этом сопоставительном ряду щука и кит заслуживают особого внимания.

Известно, что к зубастой хищнице у хантов, как и у манси, отношение не такое, как к другим рыбам, да и рыбой-то щуку не считают. На вопрос, есть ли рыба, вам могут ответить: "Щука есть, рыбы нет".

Упоминания о ките в описаниях веса, должно быть, тоже не случайны: млекопитающее из семейства дельфинов зубастый кит белуха (иногда его называют белуга), обитающий в арктических морях, в погоне за рыбой часто заходит в большие реки, в том числе и в Обь, и даже может подниматься вверх по течению на значительное расстояние. У хантов обского села Полноват, расположенного недалеко от устья реки Казым, есть легенда, как некое сказочное существо — не то рыба, не то человек или тот самый вусынг-путланг — "дыривый затылок" — спускаясь по Оби вниз от деревни Комудваны, выкрикивало названия деревень, мимо которых проплывало.

Так что фантастический образ водяного существа у хантов и других народов Западной Сибири имел реальную основу.

В заключение отметим, что в традиционных орнаментальных изображениях, которые раньше связывались у казымских хантов со священными животными медведем и мамонтом, некоторые жители Казыма видят рыбу, а многие не могут дать никакого объяснения известному орнаменту (см. рис. на стр. 76).

Фото автора

Чей же ветер "Баргузин"?

Однажды на огороде фермера в одной из, так называемых, капиталистических стран немного всгучилась земля, нарушив тем самым безупречную прямизну грядок с морковкой и турнепсом.

Фермер взял лопату, подправил грядки. Но на следующее утро геометрия вновь нарушилась. Фермер еще поработал лопатой, а неведомая сила опять приподняла землю и фермер, поняв, что с дьяволом просто так не совладеть, отправился молиться богу.

Но нечистая сила оказалась сильнее воли господней, бугор день ото дня рос, и скоро на фермерской плантации появился настоящий действующий вулкан.

Оставим в стороне геологические, геофизические и иные объяснения столь удивительного феномена, в общем-то достаточно понятные. Обратимся к области юридической.

Все это произошло в буржуазной стране и вулкан автоматически стал собственностью фермера, причинившей некоторые хлопоты страховой компании, исчислившей убытки от потери урожая морковки и турнепса. Впрочем в Южной Америке того времени уже было несколько принадлежавших помещикам вулканов, не столь молодых, но и не очень старых, в возрасте каких-нибудь полутора-двух миллионов лет. И все же — гораздо старше времени, когда первобытный дикарь объяснял своему собрату жестами, а может и крепкими словами, что этот камень и, скажем, эта пещера, принадлежит ему, и только ему, на основе права частной собственности, постулат которой, заметим, племенные мудрецы-законоведы разработали лишь десять тысяч лет спустя.

Да, собственность. Частная, или государственная, смешанная, или иной формы. Например, Ключевская сопка, высочайший вулкан бывшего СССР принадлежит ли ныне только России? Не объявят ли на него права другие субъекты СНГ? А каким будет в ближайшем будущем статус Тяти, красивейшего вулкана Тихоокеанского огненного ожерелья? Возвратит Россия острова Японии, значит и вулкан — тоже?

Другой пример. Несомненно, гора Фудзияма, символ Японии, всецело ее. Тысячи и тысячи паломников поднимаются на сияющую вершину. Каждый японец почитает за счастье побывать на Фудзияме хотя бы раз в жизни. Как правоверный мусульманин в Мекке. Но японцы ничего не имеют против, и гордятся, если гору посещают иностранцы. Японцы даже с них за это никаких лишних денег не берут.

В Непале же иначе. Высочайшую вершину мира Эверест крохотное гималайское государство объявило своей исключительной собственностью, установило жесткую очередь для восхождений иностранных альпинистов, и дерет с них за это неизменно высокую плату. Как арабские эмираты за нефть, владельцами которой волею аллаха им посчастливилось стать.

Никто сейчас не покушается на Антарктику. Кажется ни у кого не возникает мысли объявить частной собственностью, или имуществом отдельного государства огнедышащие южнополярные горы "Эребус" и "Террор". Впрочем, в недавнем прошлом и шестой материк пытались разделить на колониальные владения. Но, слава богу, появился международный договор по Антарктике, определяющий ее ничейной и всеобщей.

Не замахиваются пока частновладельцы и отдельные госу-

дарства на Луну — далеко, черт возьми, да и дороговато добираться.

Ничейная пока Венера. Нет заявок ни на Марс, ни на со-звездие Гончих Псов. Однако, звездные неувязочки были. Лет триста назад некоторые из астрономов-подхалимов поместили на небо королей и римских пап, переименовав созвездия, известные еще с глубокой древности. Но вскоре человечество от такой экспансии отказалось. Жизнь, здравый смысл внесли коррективы и принадлежащие всему человечеству — а, может, и инопланетянам — красуются ныне на небе Орион, Андромеда, Волосы Вероники, ковш Большой Медведицы, Сириус, Млечный Путь, Полярная Звезда. И появление на Луне пятиугольного знака из титанового сплава с надписью "СССР" и американского звездно-полосатого флага надо рассматривать, лишь как символы чисто спортивного приоритета. Как и полярные путешествия Пири и Амундсена, еще в начале века застолбившие американским и норвежским флагами оба полюса планеты Земли.

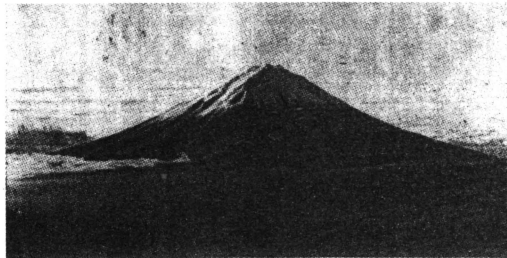
Не предьявляет прав недавно ставший суверенным государством и Туркменистан на ветер "афганец", что пронесится через его территорию в сторону южно-русских степей. Молчит и занятый пока своими внутренними проблемами Афганистан. Но как быть со знаменитым "баргузином"? Помните слова русской народной песни "эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плоть недалече". Это — о бродяге, отважившимся в омулевой бочке штурмовать Байкал. Стекает этот ветер с Баргузинского хребта на территории Бурятии, объявившей собственностью и воздушное пространство. Так чей же ветер "баргузин"? Как — и сам Байкал, уже на некоторых картах разделенный государственной границей между Бурятией и Россией?

Я не думаю, что мой город Ново-российск объявит собственностью буйную штормовую "бору", срывающуюся с нависших над городом гор. Не станут японцы считать своим течение Куро-Сиво, ни мексиканцы — Гольфстрим, потому что первое зарождается у берегов Японии, а второе в Мексиканском заливе. Поговаривают, правда, что Израиль собирается оттянуть Гренландию, так как откальывающиеся от Гренландского ледового щита огромные ледяные горы носят чисто еврейскую фамилию — "айсберги".

А может не стоит предьявлять никаких прав ни на какие географические объекты и геофизические явления, как, скажем, на муссоны и пассаты, зарождающиеся над открытым

океанским простором за пределами территориальных вод любого государства, даже Аргентины, объявившей в Тихом океане суверенной двухсотмильную зону близ своего берега?

С воздушным пространством пока сложнее. Сколько шуму наделал юный немецкий летчик Матиас Руст, вознамерившийся совершить посадку на Красной площади в Москве. Ну, ладно, площадь, да и вся Москва, и воздушное пространство над ними, пусть будут запретны, чтобы ничего не падало на головы москвичей. А над ними-то малолетними русскими просторами летай на здоровье, как, впрочем, над США, Замбией, Эквадором и королевством Лосото. Не распространяется суверенитет на космос, правда, не знаю ближний или дальний. И правоведам нового века есть над чем поломать головы.

Конкурс: высиди на колу

Такой конкурс ежегодно проводится в Голландии. В нем могут принять участие все желающие, независимо от возраста и пола. Выглядит это так. На мелководье у берега вкапывают колья таким образом, чтобы над водой возвышался двухметровый конец. На торце верхушки имеется небольшое сиденье, на которое и усаживаются состязующиеся. Побеждает тот, кто просидит так дольше всех (но не менее ста часов). Просто это или не очень, может попробовать каждый — в конце концов, не обязательно вкапывать кол в морское дно, можно и на огороде.

Древнейший спортивный автограф

История олимпийских игр известна довольно хорошо. Также хорошо известно, что были и другие спортивные состязания в Древней Греции. Например, нумейские игры и игры в честь бога-врачевателя Асклепия, что проходили в Эпидавре. Так что, начиная с VI века до н.э. и до первого века новой эры, редкий год Элладе обходился без спортивных состязаний, на которые собирались атлеты со всех ее концов. Недавно были завершены раскопки в Нумее (в 130 километрах юго-западнее Афин). Первые атлетические состязания состоялись там в 1250 году до н.э., а с 574 года до н.э. они стали регулярными. Самая интересная находка археологов — тоннель длиной 50 метров, по которому атлеты выходили на поле стадиона. На его стенах сохранились надписи участников состязаний, которые ждали здесь своего выхода. Специалисты считают, что одна из росписей принадлежит Фелестату Мессинскому, которого в те времена считали сильнейшим боксером. Так что очень может быть, что речь идет о самом древнем спортивном автографе.

Претендент на половину Америки

В США некто Джордж Бюстер заявил, что в старые колониальные времена его предки получили от английской короны право владения огромной территорией на севере Соединенных Штатов — от Атлантики до Тихого океана. Недавно Бю-

стер направил в федеральный суд соответствующие документы, которые обосновывают его претензии. на первой стадии рассмотрения дела эксперты не смогли поставить под сомнение подлинность документов. Джордж Бюстер в интервью сказал, что намерен на "своей" территории создать государство, где будут жить только блондины и блондинки с зелеными глазами. Желающие, мол, могут, уже подавать прошения... Юристы относятся к этой истории как к курьезу — после выхода США из-под "опеки" Великобритании многие королевские акты утратили силу.

Остров мальчиков

Небольшой японский остров Джиндужи в простонародье зовется Островом мальчиков. На это есть причина — здесь на свет появляется мальчуганов в три раза больше чем девочек. Например, в начальной школе острова в классах девочки составляют едва 20 процентов. В результате молодым людям приходится искать невест чаще всего вне своего острова. Специалисты считают, что причина такого явления в повышенной щелочности местной питьевой воды, которая якобы благоприятно влияет на развитие мужских клеток.

Эрзац был отвергнут

На территории Кении живет племя лухиа. Молодые мужчины этого племени, желающие вступить в брак, должны показать свою отвагу и бросить под ноги возлюбленной шкуру леопарда. В знак согласия избранница поднимает шкуру и набрасывает себе на плечи. Однако молодым людям из племени лухиа все сложнее следовать этой традиции. И не только потому, что охота на этого хищника связана со смертельным риском. Леопарды стали редкостью и — занесенные в Красную книгу — живут теперь большей частью в заповедниках. Как же быть? Несколько смекалистых женихов приобрели у торговца искусственный мех "под леопарда". Однако невесты с неодобанием отвергли эрзац и швырнули мех женихам. "Пробросаетесь!" — сказали те и... выбрали себе невест из другого племени. Похоже, этой традиции приходит конец.

Авторское право на... общение с духами

Беседы с загробным миром и передача "сообщений" оттуда, что осуществляют в состоянии транса медиумы — посредники, в Швейцарии оцениваются, как индивидуальное творчество и защищаются законом об охране авторского права. Это следует из решения федерального суда, который недавно рассмотрел любопытный случай в части "общения с духами".

В продолжении десятков лет одна женщина — медиум в ходе спиритических сеансов беседовала с духами неких Йосифа и Елены. Один из присутствовавших при этих "контактах" — член "духовной ложи" и по совместительству организатор спиритических сеансов — добросовестно все запомнил. После смерти медиума он начал использовать "методику" почившей женщины, хорошо зарабатывая на этом. Сын умершей, прознав об этом, обратился в суд с обвинением "последователя" в плагиате.

Суд первой инстанции признал иск и обязал выплатить потерпевшему солидную сумму компенсации. Обвиняемый апеллировал в высшую судебную инстанцию, утверждая, что в связях медиума с загробным миром нет никакого творчества. Но федеральный суд вынес вердикт: передача "сообщений" из загробного мира есть творческий акт, автором которого является тот, кто свойственным ему методом первым принес голоса мертвых к живым. Апелляция была отклонена.

Непобедимый Регс

Китайцы и японцы увлекаются каратэ и кунг-фу. Австралийцы же считают одним из увлекательнейших зрелищ боксерские матчи с участием кенгуру. В последние несколько лет там прославился сумчатый боец по кличке Регс. На его поединки собираются тысячи зрителей. Единственно, чем они недовольны — матчи кончаются очень быстро, и неизменно побеждает Регс. Бывает, он так разойдется, что посылает соперника в нокаут. Но надо отдать ему должное — увидев поверженного противника, он не прыгает от восторга, а спешит к нему и начинать лизать лицо. У людей это как-то не принято...

В. РОЦАХОВСКИЙ

”...Люблю навек, до вечного покоя”

Россия, Русь —
Куда я не взгляну
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутов воды,
Люблю навек, до вечного покоя.

Николай Рубцов

Каждый раз встреча с самобытным тюменским художником Геннадием Александровичем Токаревым дарит ни с чем несравнимую радость и эстетическое удовольствие. Токарев — художник-пейзажист. Он принадлежит к тем мастерам кисти, которые стремятся запечатлеть сибирскую природу необезображенной, не "преобразованной" человеком. Он находит глухие, не освоенные человеком места, до которых еще не докатилась все сметающая на своем пути современная техническая цивилизация, с ее неумемной утилитарной, потребительской сущностью. Художник хочет оставить на своих полотнах для будущих поколений свое видение природы в ее первозданности. Переоценка жизненных ценностей происходит часто от того, что человек начинает задумываться над тем, что колодец жизни мелеет и нужно остановиться на чем-то главном и остаток жизни посвятить этому главному. Художник-пейзажист убежден в том, что в природных явлениях представлены все возможные этапы и процессы душевной деятельности природы. Художнику, чтобы показать истинное величие природы, ее незамутненность, нужно подчас отделить себя от нее, чтобы не просто копировать, а создать ее образ — живой, дышащий, изменяющийся, как меняются времена года. Картины Токарева поражают необычным колористическим богатством, великолепным ощущением цвета, мастерской передачей освещения и пространства. Передо мной полотно "Над тихой водой". Сколько различных чувств вызывает оно! Кажется, слышишь негромкий всплеск воды, видишь легкое качание деревьев от слабого ветерка. Проносящиеся облака отражаются в свинцово-серебряном зеркале воды. Каждая деталь этой картины, линия, цветное пятно, отраженные в воде деревья глубоко продуманы, тщательно взвешаны и подчинены раскрытию замысла. Картина "Гаснет день" вызывает чувство умиротворенности, вечного покоя. Золотистая дымка лучей уходящего солнца, еще прорывающихся сквозь толщу перистых облаков, определяет светотени на земле. Переливы серо-голубых оттенков и розовых тонов, легкость переходов и особая нежность красочных сочетаний создают удивительный эффект красок. В большинстве своих пейзажей Токарев передает тончайшие цветовые нюансы, своеобразие местности милой его сердцу малой Родины, деревни, в которой он родился, расположенной в живописном месте недалеко от Тюмени. Деревня Мыс представлена художником в разных ракурсах, и ей посвящены десятки картин. У художника редко можно обнаружить на полотнах человека, но почти всегда предметы, созданные его руками: дом, лодку, плетень, колодец-журавль, ветряную мельницу. Он как бы приближает свои творения к человеку.

Важнейшим критерием для оценки произведения художника, на мой взгляд, является свет, понимаемый им как элемент формы и содержания. Свет для Токарева — способ выразительных возможностей, он, словно прожектор, скользит по поверхности полей, лесов, рек, озер, деревьев, выхватывая или сглаживая те или иные подробности, заставляя нас, зрителей, тоже скользить взглядом от пейзажа к пейзажу, размышлять, сострадать, переживать, наслаждаться красотой русской при-

роды. Эмоции, которые пробуждает игра света на холсте, освещающая, скажем, одинокую, седую, старенькую избу, затерянную в тайге, или отблеск неба на воде не являются для художника только зрительным впечатлением. Они, эти краски и светотени, выстраданы многодневными раздумьями о смысле существования всего живого на земле или бренности человеческой жизни, о многострадальной судьбе России. Да мало ли о чем думается художнику!

Тема Родины в картинах, хотя прямо не акцентируется, присутствует всегда. В мастерской Токарева, когда он ставит на просмотр свои работы, занятно наблюдать, как мастер пускается странствовать по сельским дорогам. Он не упускает, не проходит мимо не только заметного, главного в композиции картины, но и деталей, споспешествующих общей тональности пейзажа. Вот полотно с незамысловатым сюжетом: вдаль чернеет лес, на переднем плане покосившаяся изгородь, совсем вросший в землю от старости, покинутый большой дом, в котором когда-то кипела жизнь, слышен был смех. Можно только мысленно представить, что в нем любили, страдали, веселились, рождались и умирали люди. Где это все, почему они покинули свое родное гнездо, почему судьбе было угодно раскидать по городам и весям домохозяев?... Об этом можно только размышлять и догадываться. На подставках появляется очередная картина "Русская печь". Сколько раз от ее тепла (хочется написать как о живой — душевного тепла) в детстве я забывал обиды и засыпал сном праведника. Композиция отличается намеренным отказом от перспективы. Детали быта, располагаясь вдоль печи, как бы парят, в них угадывается дремлющая сила, когда в руках хозяйки рано утром они окажутся там, где они должны быть. Вспоминаются такие строчки:

...Я ностальгически скорблю по русской печи
Хотя расстался с нею двадцать лет назад.
Она служила на Руси тысячелетья
И двадцать первый век ей не закат.

Г. Токарев, к сожалению, мало известен массовому зрителю. Его, наверное, больше знают зарубежные ценители русского пейзажа, которые в последнее время зачастили в мастерскую художника. Среди них англичане, американцы, канадцы, немцы. Однажды среди близких по духу людей художника возникла идея создания в Тюмени музея одной картины. Общественная потребность в этом давно назрела.

Друзья художника не одиноки в желании видеть музей одной картины в своем родном городе. Такие музеи уже есть в ряде городов России. Автор этих строк побывал в таком музее в Пензе. Нас, участников философской конференции, привезли в небольшое уютное кирпичное здание. Мы заплатили по рублю, надели тапочки и поднялись на второй этаж, где была выставлена картина великого русского художника В. И. Сурикова "Покорение Сибири Ермаком". В течение получаса мы в безмолвной тишине созерцали творение художника, и, поверьте, это незабываемое впечатление от великого шедевра останется на долгие годы.

Музей одной картины нужно открыть в Тюмени, чтобы тюменцы и гости города не от случая к случаю, а в любое время могли его посетить и открыть для себя мир прекрасного и чарующего. В наш жестокий, рациональный век встреча с прекрасным необходима, ибо красота врачует душу, изменяет внутренний ее строй, делает человека добрее, чище, нравственно возвышает.

г. Тюмень

Илл. 1

Илл. 1а

Илл. 3

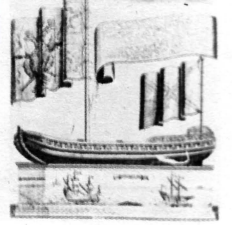

Илл. 2

Очерк Виктора Байдина
«Антихрист у власти»
читайте на стр. 39

Илл. 2а

В ЧЕТВЕРТОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА ЧИТАЙТЕ:

Продолжение романа Владислава Крапивина «Бронзовый мальчик».

Окончание НФ повести Александра Громова «Наработка на отказ».

Детективный рассказ Лоуренса Блока «Гонорар мистера Эренграфа».

Очередной урок по истории Отечества.

Очерк Владислава Дебердева «Земля-орбита-Земля».

Материалы под рубриками «Краеведческая копилка», «Рукомесла», «Мир на ладони».

Если Вы не успели подписаться на наш журнал, то сможете приобрести любой номер «УС»

за 1 полугодие 1994 года по цене 450 руб. плюс почтовые расходы,

которые можно узнать в местном почтовом отделении, выслав деньги по адресу:

620219, Екатеринбург, ГСП-353, ул Декабристов, 67, Редакция журнала «Уральский следопыт».

